ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

6
выпуск (887)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТ
МГЛУ
ЛИНГВИСТ
1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

6 Issue (887)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 6 (887)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
А. И. ГОРОЖАНОВ — **доктор филологических наук, доцент**

Зам. главного редактора
Е. И. КАРПЕНКО — **кандидат филологических наук**

Ответственный секретать
Д. А. ФУРСОВА — **кандидат культурологии**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бондарчук Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари М. З.	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Каменский М. В.	доктор филологических наук, доцент (Гуманитарный институт СКФУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Логинова Е. Г.	доктор филологических наук, доцент (РГУ им. С. А. Есенина)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Слышкин Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (РАНХиГС)
Солнышкина М. И.	доктор филологических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 6 (887)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
ALEXEY I. GOROZHANOV **Doctor of Philology, Associate Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO **PhD in Philology**

Ответственный секретать
DARYA A. FURSOVA **PhD in Culturology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bondarchuk G. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IWL RAS)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kamensky M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (NCFU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Loginova E. G.	Doctor of Philology, Associate Professor (Ryazan State University)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Slyshkin G. G.	Doctor of Philology, Professor (RANEPA)
Solnyshkina M. I.	Doctor of Philology, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Язык вражды в сетевом пространстве полиэтничных регионов Северного Кавказа: функционально-прагматический анализ конфликтогенов
БРЕДИХИН С. Н., АВДЕЕВ Е. А., ШИШКИН Б. А. 9

Языковые и риторические особенности электронной речи
БУШЕВ А. Б. 18

Исследование языкового сознания молодого поколения Республики Башкортостан (на материале результатов экспериментального исследования 2022 года)
ДАВЛЕТОВА Я. А. 25

Переводческие трансформации при переводе песен Zecchino d'oro с итальянского на русский язык
ДАНИЛОВА В. А., НИКИТЮК А. Г. 31

Способы передачи случайных лакун при переводе художественного текста с китайского языка на русский
КИРПИКОВА В. В. 38

Интерференция словацкого языка в языке венгерского меньшинства
КОПТЕЛОВА И. Е. 45

Когнитивные основания категоризации лексических единиц (на материале китайского и английского языков)
КРАСИКОВА Е. А. 51

Приемы делакунизации в автопереводах Владимира Набокова (на материале двуязычной автобиографической прозы писателя: «Другие берега», «Speak, Memory»)
КУРУШИН Д. Д. 58

Основные признаки коммеморативного дискурса (на материале аутентичных англоязычных текстов)
МУРАШОВА Е. П. 65

Экономичность выражения смысла в языке итальянских средств массовой информации
НАЗАРЕНКО А. И. 72

Лингвистическое профилирование интернет-личности
ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В., НЕФЕДОВА К. А. 78

Специфика вербального моделирования пространства в современном немецком детективном романе
РЫБАКОВА М. Б. 84

СОДЕРЖАНИЕ

Средства вербализации феномена «Beziehungen»
в профессиональной и гражданской онлайн-журналистике
СЕВЕРИНА Е. А., ИМБЕР С. Ю. 90

Языковой ландшафт Алжира: актуальное состояние и тенденции развития
СОКОЛОВА В. Л. 99

Вербально-жестовое поведение в устном нарративе: юмор в гендерном аспекте
ТОМСКАЯ М. В. 106

Вербализация агрессии в текстах массмедиа
ЮЙПИНЬ ХУ 113

Художественные модификации исторических событий в дискурсе:
контрастивно-ономасиологическое исследование
ЧУЛКОВА Е. Д. 119

Фонетические девиации в немецкой речи русских билингвов
ЯКОВЛЕВА Э. Б. 127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Поэзия и мифология в итальянской критике XVIII – начала XIX веков
ЛОЗИНСКАЯ Е. В. 133

«Что знала Мейзи» про «Развод в большом городе»:
К вопросу о переводе названий фильмов
РАРЕНКО М. Б. 140

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мотив природы в российском хокку
(на материале цикла стихотворений В. Скифа «Зимняя ласточка»)
ГУСЕЙНОВА И. А. 146

Феномен успеха в контексте отечественных и зарубежных социокультурных исследований
ДЕНИСОВА Г. В., КУЗНЕЦОВА Ю. В., КУЗНЕЦОВА А. С. 153

LINGUISTICS

Hate Speech in Network Space of the North Caucasus Multiethnic Regions:
Functional and Pragmatic Analysis of Conflictogens
BREDIKHIN S. N., AVDEEV E. A., SHISHKIN B. A. 9

Linguistic and Rhetoric Characteristics of Electronic Speech
BOUCHEV A. B. 18

Research of Language Consciousness of the Young Generation of the Republic of Bashkortostan
(based on the results of a pilot study in 2022)
DAVLETOVA IA. A. 25

Translation Techniques in Transmitting Zecchino d'Oro Songs from Italian into Russian
DANILOVA V. A., NIKITIUK A. G. 31

Ways to Translate Accidental Gaps in a Literary Text from Chinese into Russian
KIRPIKOVA V. V. 38

Interference of Slovak Language among Hungarian Minority
KOPTELOVA I. E. 45

Cognitive Bases of Lexical Categorization
(based on the material of Chinese and English languages)
KRASIKOVA E. A. 51

Delacunization Techniques in V. Nabokov's Self-Translations
(based on the writer's bilingual autobiographical prose: "Other Shores", "Speak, Memory")
KURUSHIN D. D. 58

The Main Features of the Commemorative Discourse
(an analysis of authentic English-language texts)
MURASHOVA E. P. 65

Manifestation of the Economy Principle in the Italian Media Discourse
NAZARENKO A. I. 72

Linguistic Profiling of Internet Personality
POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V., NEFEDOVA K. A. 78

The Specifics of Verbal Modeling of Space in a Modern German Detective Novel
RYBAKOVA M. B. 84

Verbalization of Phenomenon «Beziehungen» in Professional and Civil Online Journalism
SEVERINA E. A., IMBER S. YU. 90

CONTENTS

The Linguistic and Cultural Landscape of Algeria: Current State and Development Trends
SOKOLOVA V. L. 99

Verbal-Gestural Behavior in Oral Narrative: Humor from a Gender Perspective
TOMSKAYA M. V. 106

Verbalization of aggression in mass media texts
YUPING HU 113

Fiction Discourse Modifications in Historical Events Construal:
a Contrastive Onomasiological Study
CHULKOVA E. D. 119

Phonetic Deviations in the German Speech of Russian Bilinguals
YAKOVLEVA E. B. 127

LITERARY STUDIES

Poetry and Mythology in Italian Criticism of the 18th and Early 19th Centuries
LOZINSKAYA E. V. 133

"What Maisie Knew" about "A Divorce in a Big City": On Interpreting Film Titles
RARENKO M. B. 140

CULTUROLOGY

Motive of Nature in Russian Hokku (on the example of V. Skif's cycle of poetry "Winter Swallow")
GUSEINOVA I. A. 146

The Phenomenon of Success in the Context of Socio-Cultural Studies
DENISOVA G. V., KUZNETSOVA YU. V., KUZNETSOVA A. S. 153

Научная статья
УДК 81'272+81'373.47

Язык вражды в сетевом пространстве полиэтничных регионов Северного Кавказа: функционально-прагматический анализ конфликтогенов

С. Н. Бредихин[1], Е. А. Авдеев[2], Б. А. Шишкин[3]

[1,2,3]*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия*
[1]*bredichinsergey@yandex.ru,* [2]*ewg.avdeev@yandex.ru,* [3]*boris-shishkin.work@yandex.ru*

Аннотация. В статье производится функционально-прагматический анализ конфликтогенов как ключевого компонента языка вражды. Эмпирической базой исследования стали посты из социальной сети ВКонтакте и мессенджера Telegram в сетевом пространстве полиэтничных регионов Северного Кавказа. Ключевыми элементами конфликтогенеза выступают пейоративы, критические замечания, обвинения, оскорбления, проклятья, порицания и сарказмы. Причем в электронных СМИ доминируют мягкий и средний язык вражды. В комментариях частотны стереотипные зоонимические этнофолизмы.

Ключевые слова: язык вражды, конфликтогенез, сетевой дискурс, пейоратив, этнофолизм, этноконфессиональный конфликт, полиэтническое пространство

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа»

Для цитирования: Бредихин С. Н., Авдеев Е. А., Шишкин Б. А. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 9–17.

Original article

Hate Speech in Network Space of the North Caucasus Multiethnic Regions: Functional and Pragmatic Analysis of Conflictogens

Sergey N. Bredikhin[1], Evgeniy A. Avdeev[2], Boris A. Shishkin[3]

[1,2,3]*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia*
[1]*bredichinsergey@yandex.ru,* [2]*ewg.avdeev@yandex.ru,* [3]*boris-shishkin.work@yandex.ru*

Abstract. The article provides a functional and pragmatic analysis of conflictogens as a key component of the hate speech. The empirical basis of the study is the online postings from the VKontakte social network and the Telegram messenger in the network space of the multiethnic regions of the North Caucasus. The key elements of conflictogenesis are pejoratives, critical remarks, accusations, insults, curses, censures and sarcasm, the soft and medium of hate speech dominates. Stereotypical zoonymic ethnopholisms are frequent in the comments.

Keywords: hate speech, conflictogenesis, network discourse, pejorative, ethnopholism, ethno-confessional conflict, multiethnic space

Funding: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. № 23-28-00237 "Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People's Identity"

For citation: Bredikhin, S. N., Avdeev E. A., Shishkin B. A. (2024). Hate Speech in Network Space of the North Caucasus Multiethnic Regions: Functional and Pragmatic Analysis of Conflictogens. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 9–17. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы распространения языка вражды и снижения интегративного потенциала языка межнационального согласия в сетевом пространстве полиэтничных регионов Северного Кавказа, связана со сложным полиэтничным и поликонфессиональным составом населения, а значит, и с реально существующими этносоциальными и этноконфессиональными противоречиями. В полиэтничных сообществах негативные коммуникативные практики, ярко проявляющиеся в социальных сетях, могут выступить триггером межнациональных и межконфессиональных конфликтов, провоцировать агрессию и насилие по отношению к той или другой этнической и религиозной группе. Социальные сети и мессенджеры способствуют расширению ареала употребления языка вражды, мгновенно тиражируя модели конфликтивизации коммуникации, создающие негативные, оскорбительные или враждебные коннотации.

Развитие информационных технологий принципиально расширило возможности применения комплексного лингвистического инструментария при изучении конфликтов. Провоцирование современных этноконфессиональных конфликтов зачастую происходит в медиасреде в новых формах дистантного деперсонализованного общения. Мобилизация общественного мнения осуществляется посредством продуцирования и распространения вербальных и невербальных средств воздействия на установки и поведение индивида. Языком вражды становится любое высказывание, которое расценивается как оскорбительное по отношению к этническим и религиозным группам. Социальные сети и мессенджеры способствуют расширению ареала употребления языка вражды, продуцируя и распространяя негативный, оскорбительный или враждебный контент.

Поставленные выше проблемы определяют предметное поле исследования: анализ применения языка вражды в сетевом пространстве полиэтничных регионов Северного Кавказа, оценка конфликтогенности сетевого контента, выявление и анализ функционально-прагматического потенциала вербальных маркеров конфликтогенности.

В круг исследовательских задач входит: сбор и анализ контента основных сообществ ВКонтакте и Телеграм-каналов Ставропольского края, Республики Дагестан и Карачаево-Черкесской Республики; создание корпуса на основе стратифицированной выборки постов и комментариев, содержащих конфликтную интенцию; выявление единиц языка вражды и анализ их суггестивного конфликтогенного потенциала.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Важным фактором, усиливающим конфликтные риски, является язык вражды, широко применяемый в сетевых коммуникациях. Деструктивная роль языка вражды усиливается в связи с развитием информационных технологий. Медиасреда становится не только отражением социальных отношений, но и инструментом мобилизации общественного мнения в аспекте провоцирования конфликтов. Воздействия на сознание человека осуществляется в рамках интенционального введения в высказывание семантических маркеров конфликтивизации. Лингвоконфликтология в настоящее время уже выделилась в отдельное направление языкознания со своей терминосистемой и теоретико-методологической базой [Брокмейер, Харре, 2000]. Немалое значение при изучении конфликтогенности языка вражды имеют исследования стратагемно-тактического варьирования в дискурсивных практиках коммуникативного и реального конфликта Мы- и Они-групп (мажоритарных и миноритарных социумных образований) [Dijk van, 1997].

Труды Т. Кинни посвящены классификации моделей (вербальных, символьных и поведенческих) в агрессивных интерациях, активизируемых с помощью экспликации стереотипов, нетерпимости, девиаций в деонтической модальности [Kinney, 2008.]. Значимым при изучении языка вражды становится анализ функциональной прагматики и манипулятивного конфликтогенного потенциала этнофолизмов [Mullen, Rozell, Johnson, 2001; Mullen, Leader, Rice, 2009]. Современные исследования интенциональных девиаций гармоничного взаимодействия подчеркивают наличие нескольких факторов топикальной конфликтивизации общения: состав участников общения, возможности дерогативного пласта языковых элементов, вертикальный контекст, каналы и средства дистанцирования в коммуникативном взаимодействии [Benesch, 2012]. Д. Боромис-Хабашхи рассматривает вербальные средства конфликтивизации через призму культурологического подхода к анализу политического дискурса [Boromisza-Habashi, 2013]. Негативные для общества результаты конфликтогенного общения в социоантропологическом аспекте анализируются в ряде зарубежных исследований [Mazid, 2012; Waldron, 2012; Aguilera-Carnerero, Azeez, 2016; Ramdev, Nambiar, Bhattacharya, 2015].

В отечественной лингвистике данная проблематика анализируется как с теоретической, так и с практической точки зрения. В работе

А. В. Гладилина на основе классификации медиа К. Б. Енсена описываются функциональные ограничении использования языка вражды. Выделяются способы его продуцирования на различных уровнях медиапространства [Гладилин, 2013]. Исследование Е.В. Тихоновой концентрируется на проблематике новых медиа, эксплицируя ее с позиции взаимосвязи языка вражды и легитимизации информации, автор также уделяет внимание этнофолизмам, рассматриваемым как один из маркеров языка вражды [Тихонова, 2015]. В. В. Комарова и Н. А. Осьмак, на примере анализа сетевых коммуникаций Финляндии, анализируют специфику функционирования языка вражды в рамках лингвосемантического анализа контекстов [Комарова, Осьмак, 2020].

Е. Н. Василенко определяет язык вражды как совокупность коммуникативных средств, вербализирующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости, основанный на стереотипах [Василенко, 2021]. В работе Т. Ю. Пантелеевой анализируется когнитивно-семантический аспект конфликтивизации с определением четкого перечня семантических маркеров языка вражды [Пантелеева, 2016]. Лингвистические и экстралингвистические (социокультурные) факторы функционирования языка вражды также находятся в поле зрения исследователей. Отмечается, что лексика языка вражды применяется не изолированно, а системно, фокусируя внимание на этнической принадлежности сторон, порождая стереотипное мышление [Лопаткина, 2021].

Язык вражды может рассматриваться в контексте манипулятивных приемов, направленных на достижение определенных целей. Однако, как пишут Я. А. Фомичева и С. В. Шустова, такой подход часто приводит к усугублению напряженности между сторонами конфликта, а также усложняет поиск компромиссов [Фомичева, Шустова, 2023].

В исследованиях феномена языка вражды рассматриваются различные аспекты проблемы. Сетевое пространство полиэтничных регионов Северного Кавказа, имеющих высокий конфликтогенный потенциал, находится в зоне высокой вероятности продуцирования негативного контента, информационных атак и всплесков на этой основе этноконфессиональной конфликтности.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В ВК-СООБЩЕСТВАХ И ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Методологическими основами данного исследования являются работы в сфере конфликтогенности языка вражды в отношении этноконфессиональных сообществ [Dijk van, 1997]. Анализ также опирается на дополненную классификацию А. М. Верховского, применявшуюся для изучения этнической и религиозной ксенофобии, в семиотическом поле которой исследователь выделяет жесткий, средний и мягкий язык вражды [Верховский, 2002]. К мягкому языку вражды были отнесены все тексты, создающие пространство конфликтогенности; средний уровень характеризовался присутствием конфликтных призывов и утверждений, дискредитирующих этнические, конфессиональные и социальные группы, а жесткий – наличием прямых и завуалированных призывов к насилию и дискриминации. Данная модель комплексного анализа функционально-прагматического потенциала конфликтогенов позволяет не только определить конкретные лингвистические средства продуцирования языка вражды, но и обнаружить их взаимосвязь с конфликтными коммуникативными тактиками.

МЕТОДИКА СБОРА ДАННЫХ

С ноября 2023 года по январь 2024 года проводился сбор и анализ контента основных сообществ ВКонтакте и Телеграм-каналов полиэтничных регионов Северного Кавказа. По каждому региону из обоих интернет-ресурсов на основе метода стратифицированной выборки, было выделено по 110 записей (публикаций и комментариев), содержащих конфликтную интенцию. Эмпирической базой исследования стали 330 записей из социальной сети ВКонтакте и мессенджера Telegram. При анализе конретных микроконтекстов высказывания приводятся в оригинальном виде с сохранением авторской пунктуации, графики и орфографии. Особенности употребления лексических маркеров конфликтогенности определялись на основе лексико-семантического и коммуникативно-прагматического анализа. Каждый пост маркировался одним или несколькими элементами: брань, вульгаризм, пейоратив, этнофолизм; мягкий, средний, жесткий.

Данный подход позволил определить наиболее конфликтогенные компоненты, которые формируют и расширяют дерогативную область интенсификации языка вражды различных уровней (прежде всего мягкого и среднего) и основываются на экспликации этнических и конфессиональных стереотипов, распространенных в сетевом пространстве Северного Кавказа. Анализ функциональной прагматики и контекстуальной семантики этнофолизмов демонстрирует региональные тенденции употребления пейоративных этнических номинантов и обертоны, которыми наделяются этнофолизмы в сетевых коммуникациях.

КОНФЛИКТОГЕННОЕ СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

На основе проанализированных данных по Республике Дагестан была составлена таблица частотности употребления конфликтогенов и коммуникативных тактик, сгруппированных по уровням модели А. М. Верховского. Результаты анализа представлены в виде диаграммы (см. рис. 1).

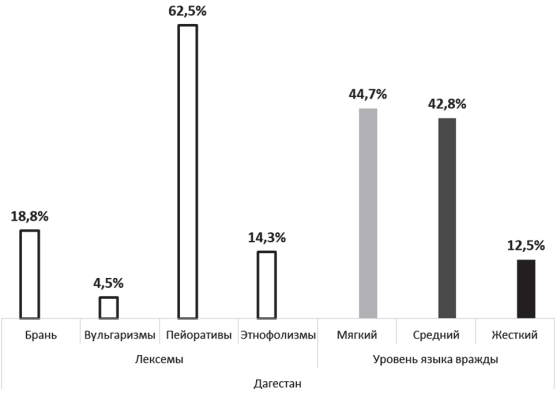


Рис. 1. Частотность употребления конфликтогенов в сетевом пространстве Республики Дагестан

Пейоративы составляют большую часть потенциально конфликтогенных единиц (62,5 %). Рассмотрим несколько примеров:

1. Gulizar, обоснованные тезисы?) Неплохо, неплохо. Электричество и вода есть, но не всегда, и не везде, в казалось бы богатейшей ***рабсее***, которая ...здит про многополярный мир, про ярчайшую экономику, на серьезных щах!)[1]

Пейоративный топоним ***рабсея*** образованный по лексико-синтаксической модели телескопирования (*раб* + *Россия*), демонстрирующий презрение продуцента сообщения к государству. Его употребление в сочетании с водным словом *казалось (бы)* и прилагательным *богатейший* формирует саркастический вектор в иллокуции адресанта. Общая критическая интенция представленной записи может говорить нам о ее нахождении на среднем уровне языка вражды.

2. Это время ***шайтана***! Красная луна – это когда мусульмане становятся гомосексуалистами! Убеги от ***шайтана*** в мечеть, спасись от красной луны![2]

Пейоратив *шайтан*, который продуцент соотносит с представителями сексуальных меньшинств реализует тактику обвинения в негативном влиянии миноритарных социальных групп нетрадиционной ориентации, следовательно, ее возможно отнести к среднему уровню языка вражды:

3. Чеченцы жуткие ***националисты***[3].
4. Аллэн, а вообще жиды ***хуже фашистов***, в Палестине настоящий геноцид. Такие же, как и хохлы[4].

В обоих примерах присутствует отождествление этноса и идеологии (*националисты*; *хуже фашистов*), что способствует негативизации образа этнической группы, а присутствующие критика и оскорбления говорят о наличии среднего и мягкого языка вражды.

Далее рассмотрим этнофолизмы (14,3 %) как маркеры интенции к конфликтивизации высказывания. В рамках исследования было выявлено две основные группы этнофолизмов.

I. Прямые этнофолизмы, содержащие в себе название этноса или традиционные этнофолизмы:

1. Как ты свой образ жизни уйдя во все тяжкие с ***урусами***?[5]
2. Пора просто Дагестану и другим республикам жить своей жизнью, а не слушать Москву, которая для ***руззких***[6].
3. Василий, весь в дидов – сталинских стукачей, слился в споре, и побежал стучать таким же жалким ничтожествам из администрации ВКуйтакта, как и ты сам. Жалкое зрелище. Хотя чего еще ожидать от сутулого ***русофашика***?😉[7]

Как можно заметить, в этих примерах отождествляется этническая группа и идеология (*русофашик*), намеренно допускаются орфографические ошибки, демонстрирующие презрение продуцента к автору стимульного высказывания (*руззкий*), а также присутствуют этнофолизмы-архаизмы (*урус*).

II. Скрытые этнофолизмы, значение которых выводится из контекста:

1. Мурад, ну чумазые ***с кишлоков*** тоже получают дотации и компенсации с РФ, но как были ***обезьянами*** так ими и остались, ни образования ни производства, только помидоры как и 100 лет назад[8].

[1]Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника. Прим. авт. – *С. Б., Е. А., Б. Ш.* URL: https://vk.com/wall-34422067_24339819?thread=24339827&reply=24344956

[2]URL: https://t.me/netipichnaya_makhachkala_2/3942

[3]URL: https://t.me/dagnews24/9478?comment=453639

[4]URL: https://vk.com/wall-30985860_39272?thread=39277&reply=39334

[5]URL: https://t.me/official_atypical/18511?comment=14171002

[6]URL: https://t.me/netipichnaya_makhachkala_2/3967?comment=201738

[7]URL: https://vk.com/wall-30985860_39153?thread=39246&reply=39248

[8]URL: https://vk.com/wall-30985860_39319?thread=39329&reply=39342

2. Яков, спасибо ***свиньям*** тут и так не были рады, куда бы не наступила свинячья нога там начинает вонять[1].

Зооморфные этнофолизмы, способствующие формированию негативных образов: *обезьяны* – представители этносов Северного Кавказа, *свинья* – еврей. Культурные особенности этнических групп также служат основой для продуцирования этнофолизмов (*с кишлоков*).

Анализ брани (18,8 %) и вульгаризмов (14,3 %) показал, что зачастую они играли роль усилителей конфликтной интенции, реализующейся в рамках угроз, обвинений, оскорблений, критики и проклятий:

1. ***Твари...*** хуже шайтанов[2].

Оскорбление, прямая угроза этнической группе говорит о маркировании жесткого языка вражды;

2. Archidam, если ***с...*** тут у нас болота какаго ***х...*** приезжаете сюда??[3]

Маркирование среднего язык вражды с бранной лексикой.

Далее обобщенно рассматривается частотность записей трех уровней языка вражды. К мягкому языку вражды (44,7 %) были отнесены все записи, способствующие конфликтивизации коммуникации. В качестве примера можно привести следующее:

1. От этой ***нечисти*** хорошего ждать нельзя никогда[4].
2. ***Клоун*** на намаз вставай иди в джамаате делай вот для тебя в первую очередь джигьат[5].

К среднему языку вражды (42,8 %) относились записи, содержащие конфликтные призывы и конкретные утверждения, дискредитирующие те или иные группы:

1. Оля, ты кого это террористами щитаеш людей которые 75 с лишним лет ущемляют[6].
2. ***Чмошники*** весь петушатник нодо закрыт певцы и блогеры пазорные[7].

Жесткий язык вражды (12,5 %) отражал прямые и завуалированные призывы к насилию и дискриминации:

1. Андимир, на язык вы хорошие, но ***нутро у вас гнилое***. Жаль что Гитлер в свое время не стер ваш народ с лица земли[8].
2. Сатаны в облике людей, пусть Аллагь уничтожит вас каждого, конченые проклятые трусы[9].

Исходя из приведенных записей логично прийти к выводу, что в основе любого текста, содержащего язык вражды, прежде всего, лежит негативная интенция продуцентов, а специальные лексические единицы (в примерах: *нечисть, чмошники и т. д.*) играют роль интенсификаторов конфликтной коммуникации.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНФЛИКТОГЕНЕЗ СЕТЕВОГО ОБЩЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Диаграмма частотности употребления языка вражды в Карачаево-Черкесской Республике демонстрирует сходство в его распределении с Республикой Дагестан (см. рис. 2). В целом следует отметить, что данная тенденция присутствует во всех проанализированных регионах Северного Кавказа, поэтому далее будут рассмотрены наиболее показательные случаи применения языка вражды.

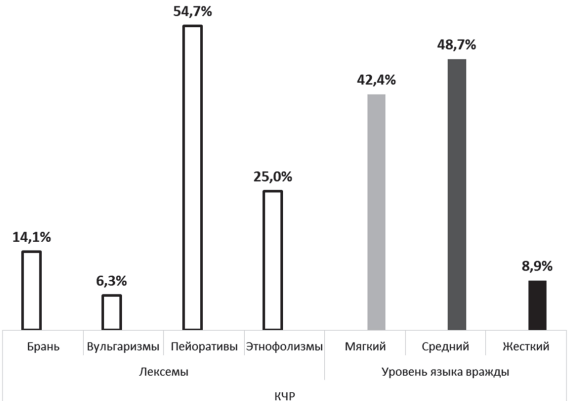


Рис. 2. Частотность употребления конфликтогенов в сетевом сленге Карачаево-Черкесской Республики

В проанализированных записях, содержащих пейоративную лексику (54,7 %), были обнаружены фразеологические единицы с негативной коннотацией, характерные для среднего и мягкого языка вражды:

1. А соседям равно не докажешь. Будут орать, что это карачаевская порода! ***Что в лоб, что по лбу***[10].

[9]URL: https://vk.com/wall-30985860_39495
[1]URL: https://t.me/official_atypical/16015
[2]URL: https://vk.com/wall-30985860_39369?thread=39381&reply=39406
[3]URL: https://t.me/netipichnaya_makhachkala_2/4185?comment=207689
[4]URL: https://t.me/dagnews24/9376?comment=422585
[5]URL: https://vk.com/wall-30985860_39157?thread=39251&reply=39298
[6]URL: https://t.me/official_atypical/18525?comment=14193971
[7]URL: https://vk.com/wall-34422067_24340770?thread=24340778&reply=24340857
[8]URL: https://t.me/dagizvestiya/14484?comment=194307
[9]URL: https://vk.com/wall-191028325_44439?reply=44452

2. Россия, ***как мать Тереза***, всех сюда собирает, уехали из России пусть там и сидят[1].

Среди этнофолизмов (25 %) выделяется «скрытая» группа, в которой присутствует зоо- и бестиаморфизм номинирования этносоциумов. Был обнаружен этнофолизм обозначающий палестинцев, а именно *чернота пустынная*:

> Да нет, я как раз говорил, что не… этой ***черноте пустынной*** помогать, своим помочь не могут на другом фронте[2].

В Карачаево-Черкесском блоке отчетливо репрезентативны результаты анализа жесткого языка вражды (8,9 %). В мессенджере Телеграм неоднократно встречались записи идентичного содержания с завуалированным призывом к насилию в виде молитвы, дуа, как в графической форме (см. рис. 3), так и в текстовой:

> أَحَدًا مِنْهُمْ تُغَادِرْ وَلَا بَدَدًا، وَاقْتُلْهُمْ عَدَدًا، أَحْصِهِمْ اللَّهُمَّ.
> О Аллаh, сочти их число, и уничтожь их одного за другим, и не оставляй из них никого![3] (*Пер. Корана Ш. Р. Аляутдинова*)

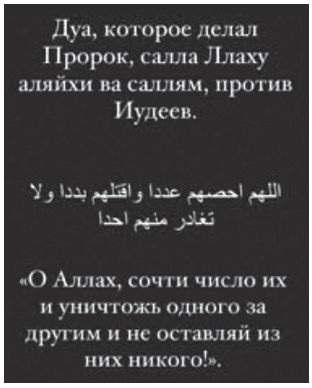


Рис. 3. Дуа против неверных

Во всех случаях цитируемая дуа была использована по отношению к евреям. Отдельно стоит отметить, что в первом случае присутствует намеренное искажение смысла текста молитвы. Продуцентом утверждается, что автором данной дуа является Пророк Мухаммед, призывающий встать против иудеев. Однако в оригинале молитва является частью хадиса № 1509 суннитского сборника «Сады праведных» Имама Ан-Навави [Ан-Навави, 2008]. Дуа была связана не с иудеями, а с сыновьями аль-Хариса, который был арабом-язычником и одним из противников зарождающегося ислама.

[1]URL: https://t.me/chp_kchr/10268?comment=395284
[2]URL: https://t.me/chp_kchr/10658
[3]URL: https://t.me/chp_kchr/9942?comment=380486

МАРКЕРЫ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ НА ПУБЛИЧНЫХ СТРАНИЦАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В Ставропольском крае также наблюдается общая для всех регионов тенденция в распределении частотности употребления языка вражды (см. рис. 4). Однако диаграмма демонстрирует несколько отличительных черт.

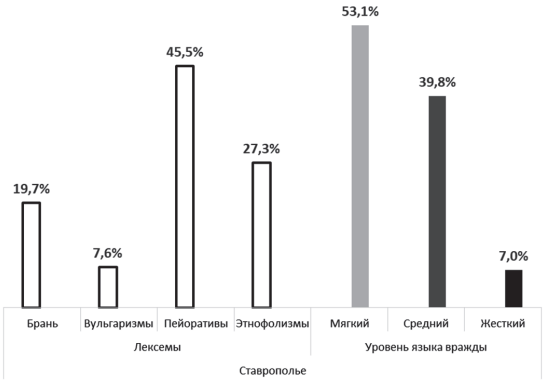


Рис. 4. Частотность употребления языка вражды в сетевом пространстве Ставропольского края

Прежде всего регион является лидером по употреблению этнофолизмов (27,3 %):

I. Прямые этнофолизмы:

1. И тут ***жидва*** обосновалась…[4]
2. За последние три года в Ставрополь завезли очень много ***чучмеков*** из средней Азии. Добром это не кончится[5].
3. ***Хохлы*** предатели были есть[6].

II. Скрытые этнофолизмы в комментариях к постам, освещающим правонарушения, совершенные представителями определенных этнических групп:

1. Очередной ***горный козел***, смелый только со стариками и женщинами[7].
2. Сто процентов хамло ***черномазый***. Да гнать таких тварей с края, пусть едет в свой аул, ослов пасти, тварь конченая…[8]

В Ставропольском крае присутствует значительная доля брани (19,7 %) и вульгаризмов (7,6 %):

[2]URL: https://vk.com/wall-11023354_124704
[3]URL: https://vk.com/wall-72648766_113382?reply=113445
[4]URL: https://t.me/chp_chat26/110022/110022
[5]URL: https://t.me/chp_chat26/100343/100343
[8]URL: https://t.me/chp_26stv/9203

1. Как же эти ***мрази*** достали… и как достали ***подстилки***, которые позорят нашу страну, культуру, нацию и религию. Надеюсь эту **мразь** посадят[1].
2. ***Черно…пый урод***, у себя в ***кишлаке*** ты так сделал и прокляли весь род, с гор спустились хозяевами жизни себя почувствовали[2].

Соотношение уровней языка вражды также является одной из отличительных черт региона. В Ставропольском крае преобладает мягкий язык вражды (53,1 %), выраженный в форме критики, порицания и высмеивания:

1. А ведь 80 лет назад некоторые народы Кавказа не просто «предлагалось выселить», а вывозили вагонами далеко на Восток. Не помнят люди историю[3].
2. Унижают достоинство Россиян в многонациональной России[4].

При этом в регионе наименьшая доля жесткого язык вражды, в основном проявляющаяся в завуалированной форме:

1. *Тавро на лоб, чемодан-вокзал-Киев*[5];
2. *Сергей, приклад в землю и пальцем левой ноги. Точно поможет*[6].

Для выявления основных тенденций в употреблении языка вражды была составлена свободная таблица частотности, объединяющая три анализируемых региона. Результаты были представлены в виде диаграммы (см. рис. 5).

В целом, в данных регионах преобладает мягкий и средний язык вражды, жесткий язык вражды практически не применяется., Во-первых, подобное положение связано с законодательным регулированием составных частей жесткого языка вражды. Данное обстоятельство не позволяет коммуникантам продуцировать тексты данного уровня. Во-вторых, в настоящее время уровень напряженности межнациональных отношений в данных регионах и в целом на Северном Кавказе невысокий. Отсутствие крупных межэтнических конфликтов также проводит к тому, что язык вражды в основном представлен в мягких и средних формах.

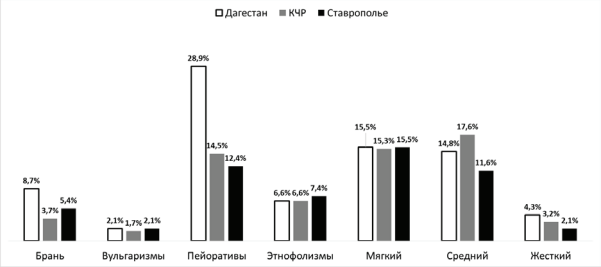


Рис. 5. Употребление языка вражды в полиэтничных регионах Северного Кавказа

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проанализированных записях, относящихся к языку вражды, преобладают единицы пейоративной семантики. Пейоративы являются доминантным маркером конфликтивизации, что объясняется их универсальностью в экспликации отрицательной оценки. Критические замечания, обвинения, оскорбления, проклятья, порицания и сарказмы, а также топонимы с пейоративным компонентом и имена нарицательные составляют поле дерогативной коммуникации, на основе которой формируется язык вражды. Эффективным средством конфликтивизации являются зооморфные этнофолизмы, сопутствующие им брань и вульгаризмы служат интенсификаторами конфликтной интенции, реализующейся в рамках угроз, обвинений, оскорблений, критики и проклятий в адрес представителей группы «иных», выделяемых на различных основаниях (этнических, конфессиональных, идеологических и т. д.). Наибольший процент единиц пейоративной лексики был выявлен в записях, размещенным в дагестанских ВК-сообществах и Telegram-каналах, что объясняется резонансными инфоповодами конфликтной мобилизации. В сетевом контенте рассматриваемых полиэтничных регионов доминирует мягкий и средний язык вражды.

[1]URL: https://t.me/govorun26/18297
[2]URL: https://vk.com/wall-112490744_67689?reply=67693
[3]URL: https://vk.com/wall-112490744_66807
[4]URL: https://vk.com/wall-33274858_74338?reply=74354
[5]URL: https://t.me/chp_26stv/8915?comment=94229
[6]URL: https://vk.com/wall-156389586_376757?thread=376783&reply=376824

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
2. Dijk van T. Discourse as structure and process. London: Sage, 1997.
3. Kinney T. A. Hate Speech and Ethnophaulisms // The International Encyclopedia of Communication. Blackwell. 2008.

4. Mullen B., Rozell D., Johnson C. Ethnophaulisms for ethnic immigrant groups: the contributions of group size and familiarity // European Journal of Social Psychology. 2001. Vol. 31 (3). P. 231–246.
5. Mullen B., Leader T.I., Rice D.R. Complexity and valence in ethnophaulisms and exclusion of ethnic out groups: What puts the "hate" into hate speech? // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96 (1). P. 170–182.
6. Benesch S. Words as Weapons // World Policy Journal. 2012. Vol. 29 (1). P. 7–12.
7. Boromisza-Habashi D. Speaking Hatefully: Culture, Communication, and Political Action in Hungary. Pennsylvania, 2013.
8. Mazid B.-E. M. HateSpeak in Contemporary Arabic Discourse. Cambridge Scholars Publishing, 2012.
9. Waldron J. The Harm in Hate Speech. Harvard University Press, 2012.
10. Aguilera-Carnerero C., Azeez A.H. Islamonausea, not Islamophobia': the Many Faces of Cyber Hate Speech // Journal of Arab & Muslim media research. 2016. Vol. 9 (1). P. 21–40.
11. Ramdev R., Nambiar S.D., Bhattacharya D. Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt. SAGE, 2015.
12. Гладилин А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 21 (312). С. 144–153.
13. Тихонова Е. В. Стереотипизация и дискриминация этнокультурных групп: «отмывание информации» и «язык вражды» новых медиа // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации. М.: РУДН, 2015. С. 485–503.
14. Комарова В. В., Осьмак Н. А. Этнофолизм как элемент языка вражды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 5 (834). С. 117–127.
15. Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2021. 2 (249). С. 90–97.
16. Пантелеева Т. Ю. «Язык вражды» в парадигме юрислингвистики: когнитивносемантический и правовой аспекты // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. Вып. 3. С. 96–103.
17. Лопаткина С. В. Семантико-структурно-функциональный анализ языка вражды в современных массмедиа // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 4 (33). С. 76–81.
18. Фомичева Я. А., Шустова С. В. Язык вражды как коммуникативная категория // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9 (4). С. 147–156.
19. Верховский А. М. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Панорама, 2002.
20. Ан-Навави М. д. д. А. З. б. Ш. Сады праведных. М.: Ummah, 2008.

REFERENCES

1. Brockmeyer, J., Harre, R. (2000). Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigm = Narrative: the problems and promises of one alternative paradigm. Voprosy filosofii, 3, 29–42. (In Russ.)
2. Dijk, van T. (1997). Discourse as structure and process. London: Sage.
3. Kinney, T. A. (2008). Hate Speech and Ethnophaulisms. The International Encyclopedia of Communication. Blackwell.
4. Mullen, B., Rozell, D., Johnson, C. (2001). Ethnophaulisms for ethnic immigrant groups: the contributions of group size and familiarity. European Journal of Social Psychology, 31(3), 231–246.
5. Mullen, B., Leader, T. I., Rice, D. R. (2009). Complexity and valence in ethnophaulisms and exclusion of ethnic out groups: What puts the "hate" into hate speech? Journal of Personality and Social Psychology, 96(1), 170–182.
6. Benesch, S. (2012). Words as Weapons. World Policy Journal, 29(1), 7–12.
7. Boromisza-Habashi, D. (2013). Speaking Hatefully: Culture, Communication, and Political Action in Hungary. Pennsylvania.
8. Mazid, B.-E. M. (2012). HateSpeak in Contemporary Arabic Discourse. Cambridge Scholars Publishing.
9. Waldron, J. (2012). The Harm in Hate Speech. Harvard University Press.
10. Aguilera-Carnerero, C., Azeez, A. H. (2016). Islamonausea, not Islamophobia': the Many Faces of Cyber Hate Speech. Journal of Arab & Muslim media research, 9(1), 21–40.
11. Ramdev, R., Nambiar, S. D., Bhattacharya, D. (2015). Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt. SAGE.
12. Gladilin, A. V. (2013). Hate speech in the traditional and new media. Bulletin of Chelyabinsk State University, 21(312), 144–153. (In Russ.)

13. Tikhonova, E. V. (2015). Stereotipizacija i diskriminacija jetnokul'turnyh grupp: "otmyvanie informacii" i "jazyk vrazhdy" novyh media = Stereotyping and discrimination of ethnocultural groups: "information laundering" and "hate speech" of new media. Mirovoe kul'turno-yazykovoe i politicheskoe prostranstvo: innovacii v kommunikacii (pp. 485–503). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
14. Komarova, V. V., Osmak, N. A. (2020). Ethnofolism as an element of hate speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(834), 117–127. (In Russ.)
15. Vasilenko, E. N. (2021). "Jazyk vrazhdy" kak forma projavlenija konfliktov, osnovannyh na stereotipah = "Hate speech" as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes. Proceedings of BSTU. Series 4: Print and media technologies, 2(249), 90–97. (In Russ.)
16. Panteleeva, T. Yu. (2016). "Jazyk vrazhdy" v paradigme jurislingvistiki: kognitivnosemanticheskij i pravovoj aspekty = "Hate speech" in the paradigm of legal linguistics: cognitive-semantic and legal aspects. News of the Southern Federal University. Philological sciences, 3, 96–103. (In Russ.)
17. Lopatkina, S. V. (2021). Semantiko-strukturno-funkcional'nyj analiz jazyka vrazhdy v sovremennyh massmedia = Semantic-structural-functional analysis of hate speech in modern mass media. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies, 4(33), 76–81. (In Russ.)
18. Fomicheva, Ya. A., Shustova, S. V. (2023). Jazyk vrazhdy kak kommunikativnaja kategorija = Hate speech as a communicative category. Theoretical and applied linguistics, 9(4), 147–156. (In Russ.)
19. Verkhovsky, A. M. (2002). Problema jetnicheskoj i religioznoj neterpimosti v rossijskih SMI = The problem of ethnic and religious intolerance in Russian media. Moscow: Panorama. (In Russ.)
20. An-Navavi M. d. d. A. Z. b. Sh. (2008). Sady pravednyh = Gardens of the Righteous. Moscow: Ummah. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бредихин Сергей Николаевич
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета

Авдеев Евгений Александрович
кандидат философских наук
доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета

Шишкин Борис Андреевич
аспирант кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bredikhin Sergey Nikolaevich
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Theory and Practice of Translation
North Caucasus Federal University

Avdeev Evgeniy Aleksandrovich
PhD, Associate Professor of the Department of Philosophy and Ethnology
North Caucasus Federal University

Shishkin Boris Andreevich
Postgraduate student of the Department of Theory and Practice of Translation
North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	08.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.773:81–11+81'38

Языковые и риторические особенности электронной речи

А. Б. Бушев

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
Bushev.AB@tversu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические вопросы графики, лексики, словообразования, коммуникации и культуры речи в новом стиле электронной речи на материале русского и английского языков. Используются методы стилистического и лексикологического анализа. Цель исследования – выявление и обсуждение языковой и риторической специфики электронной речи. Выводы демонстрируют некоторые характерные особенности речи данной фактуры.

Ключевые слова: электронная речь, языковая норма, графика электронной речи, лексика компьютерного языка, этикет электронной речи, риторика

Для цитирования: Бушев А. Б. Языковые и риторические особенности электронной речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 18–24.

Original article

Linguistic and Rhetoric Characteristics of Electronic Speech

Alexandre B. Bouchev

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Bushev.AB@tversu.ru

Abstract. The paper discusses the problems of graphics, vocabulary and world-building, communication and culture of the emerging style of electronic speech analyzing materials of Russian and English. The methods of analysis include stylistic and lexicological approaches to the language material. The goal of the paper is to highlight and discuss the linguistic and rhetorical characteristics of electronic speech. The conclusions sum up the characteristic traits of the speech under study.

Keywords: electronic speech, language norm, electronic speech graphics, computer language vocabulary, electronic speech etiquette, rhetoric

For citation: Bouchev, A. B. (2024). Linguistic and rhetoric characteristics of electronic speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 18–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования интернет-журналистики заставили нас обратиться к электронным медиа в более широком смысле.

Мы проводили анализ особенностей социальной коммуникации в электронной среде. Работа велась в следующих целевых контекстах:

- при установке на экономическую активность субъекта блогинга (e-commerce, Интернет-маркетинг),
- при установке на политическую мобилизацию (электронный политический маркетинг),
- для удовлетворения эстетических целей человека (интернет-арт-дискурс),
- для общения с государственными органами (govermmment-to-citizen communication),
- при установке электронной коммуникации для внутреннего мира человека (сохранение памяти, самопрезентация),
- для проведения социологических исследований на материале электронного дискурса. Электронный формат коммуникации оказался сегодня привлекательным для многих людей. Во-первых, многое из традиционного дискурса оказывается оцифрованным, переносится в Интернет. Но нами не рассматриваются цифровые копии «старых» текстов, а рассматриваются тексты, созданные для свободного спонтанного неинституционального общения в цифровой среде в их устно-цифровом бытовании («электронная речь»). Эти блоги в сетях, комментарии, реплики в чатах, темы (беседы). Цель настоящего исследования – выявить и обсудить языковую специфику и риторические особенности такой электронной речи путем лексикологического, стилистического, риторического анализа.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОЙ РЕЧИ

Каковы особенности языкового оформления высказываний в этой фактуре речи? Это ведь первая задача, предстающая взору – обратить внимание на феномен самого языка коммуникации. Итак, перед нами новая фактура речи (вспомним, что фактурой называется в риторике соединение инструмента речи с материалом) – неустно-неписьменная речь электронной фиксации[1]:

1) Excellent. Haven't seen this in years. What a treat, thank you CCC.
2) Peter Lorre is ABSOLUTELY wonderful...flawless

Или вот два комментария к ролику с выступлением Д. С. Лихачёва в студии «Останкино»[2]:

1) Гладко стелет... спать не жёстко? (с) Самое начало перестройки и нового мЫшления, люди со светлыми лицами ещё рассказывают о культуре и творческих экспериментах о_О на рассказы о невидимой руке рынка, ваучерах и залоговых аукционах они перейдут попозже, а это пока ~~предварительные ласки~~ обработка наивного советского электората :([3]
2) И сюда понабежали дешевки-боты?! Офигеть!

Напрашиваются следующие наблюдения над такой речью: универсальность сокращений, значение регистра прописных букв (CAPS LOCK), знаков препинания или их отсутствия, скобок, нарочитых ошибок, стилизации и сниженной речи. Представляет интерес то, как строятся фразы, каковы виды приветствий, каковы виды (не)одобрений, вообще междометия. Заслуживает рассмотрения формат «чужого слова» (интертекстуальность в виде расхожих цитат из кинофильмов, штампов, пословиц, поговорок и т. д., вообще характерная для устной разговорной речи). Показательна роль невербалики и графики. – Заметен крен в сторону повышения визуализации речи, создания креолизованного клишированного текста (вербальный текст плюс картинка) – появление мемов.

Показателен разговорный синтаксис такой электронной речи: и эмфатические синтаксические конструкции, и разговорность стиля, характерная для эмоциональной устной речи, и характерные для устности опущения подлежащего, подхваты, повторы, оборванность речи (апозиопезис) и т. д.

Один из широко обсуждаемых сегодня вопросов – фундаментальный для теории языка вопрос о языковых изменениях, регистрируемых при помощи новых корпусов электронной речи [Асмус, 2005; Казнова, 2011; Калашникова, 2011; Маринова, 2022; Трофимова, 2004].

Так, в качестве основных проблем тематики «Язык и Сеть» И.В. Космарская выделяет «проблематику новых форм и средств коммуникации; неологию в Сети; влияние и взаимовлияние сетевого языка и языка вне Сети; специальную цифровую этику; речевые сигналы особой семантики; провал нормы и языковую игру, влияющие на основной принцип русской орфографии; проблемы корпусной лингвистики в Сети и некоторые другие проблемы» [Космарская, 2022, с. 8].

[1]URL: https://www.youtube.com/watch?v=gDt2qK_ZNQk

[2]URL: https://www.youtube.com/watch?v=TlMmhbXPanw

[3]Зд. и далее сохранены орфография и пунктуация источника.

Одним из важных вопросов является вопрос о статусе самой формы электронной речи – новой формы со своей графикой, с собственным арсеналом средств, передающих жесты, мимику, выражение лица, эмоции (смайлики, эмодзи), со своим этикетом. В ней переосмысливаются традиционные правила графики (точки не ставятся, прописными буквами пренебрегают, роль играют зачеркивания и т. д.)

Причины нарушений графической формы слова различны: они простираются от банальной безграмотности до намеренной игры. Показательна характерная черта новой формы речи: искажение написания слова с целью максимально сблизить написание и звучание, как правило, в небрежном разговорном варианте: *ящитаю* (*я считаю*), *ваще* (*вообще*), *ничосе* (*ничего себе*) и т. д.

Интересно, что обучать этому не надо, как правило, сам коммуникатор быстро усваивает языковое оформление высказывания. В электронной речи можно видеть преимущественно закономерности нашего языка, его изменения, тенденции развития. Языковой универсалией является наличие самого стиля электронной коммуникации.

Большие корпусные исследования регистрируют частотные изменения. Показательной, например, может быть частотность окказионального аграмматизма.

В иных, кроме английского, языках значительна роль английских заимствований (например, в немецком описывается явление Denglish: *chatten, einloggen, twittern, downloaden, googeln, Appler* и т. д.).

А сколь оригинальна фатика! Многие коммуникации осуществляются не ради информации, а ради фатики. Поставлен вопрос о том, с какими целями осуществляются электронные неформальные коммуникации[1].

10:03 AM Игорь Лобанов Ирина Мацковская доброе утро, удачного стрима всем

10:04 AM Игорь Лобанов Триумф, здравствуйте

10:05 AM Триумф Инна Курбатова, то что произошло вчера.., почему такое отношение к людям?

10:05 AM Илья Поротиков всем привет

10:06 AM Триумф Игорь Лобанов, привет.

10:06 AM Игорь Лобанов Я на тренировке, досрочно заканчиваю и присоединюсь к вам

10:06 AM Игорь Лобанов Илья Поротиков привет

10:07 AM Ирина Мацковская Дорогие друзья, поставьте, пожалуйста ЛАЙК! Ваши лайки продвигают данную трансляцию в рекомендациях видеохостинга YouTube

10:08 AM Триумф Ирочка Мацковская, как мы рады, что у Саши адекватные админы!

Представляет интерес также то, как осуществляется волюнтативная функция языка (воздействие, убеждение), как проявляет себя поэтическая функция языка (в таких рассуждениях мы отталкиваемся от классификации Р. Якобсона и его классических представлений о функциях языка).

Приведенный выше пример блогерской коммуникации показывает, что интерес исследователей к развитию темы в электронном полилоге, ко вкладам коммуникантов в тему, к конвенции полилога отнюдь не случаен. Показательна также неявная когерентность тем в чатах (это тоже явление, характерное для устной речи).

Насколько кодифицировано такое общение (метаязыковая функция)? Лексический материал предстающей изучению фактуры речи исследуется нами в связи с представлениями о профессиональной речи – о компьютерном жаргоне, о профессиональном говоре, профессиональных терминах (многочисленны примеры типа: «виджет подглючивает и прогружается»). Как правило, компьютерный жаргон совмещен с молодежным сленгом, с «общим жаргоном», со сниженностью речи и лингвокреативностью жаргона (по меткому замечанию В. М. Жирмунского, жаргон паразитирует на языке). В русском языке в языковой ткани электронной речи сполна находит отражение «поэзия простого человека» – городское просторечье XXI века. Такая речь может быть контаминирована грубыми и бранными словами, уголовным арго, остатками речевых штампов советского времени.

Количество работ по компьютерной неологии необозримо – работы принадлежат как специалистам, так и неспециалистам, из разных регионов мира[2] [Галичкина, 2001].

Традиционно лексикологов привлекают внимание модели образования терминов. Заимствования не характерны только для компьютерной версии английского языка – *Weblish*. В компьютерной субкультуре других языков заимствуются англоязычные термины. Это обусловлено ролью английского языка в международном общении и сетевых технологиях, язык отражает развивающееся явление техники.

[1]Приводимый ниже пример взят из чатов стримов А. Усольцева. Аватары стримеров удалены. URL: https://www.youtube.com/@MoscowWalks

[2]Matisse E. Matisse's Glossary of Internet Terms. 2024, February 24. URL: http://www.matisse.net/files/glossary.html ; Social media slang. 2024, February 24. URL: http://www.chatslang.com/terms/social_media.

Вспомним слова компьютерного жаргона, известного не только узким профессиональным группам и программистам, но и обычным пользователям компьютера: *инет = Интернет, керогаз = компьютер, батон = клавиша на клавиатуре, мыло = адрес электронной почты, хомяк = домашняя страница.* Показательно, что жаргонизмы быстро устаревают. Значимое число компьютерных жаргонизмов образовано на английской основе или является кальками с английского: *аппликуха, гамма, виндуза, генерить* и т. д. (видна контаминация русских и английских элементов «англофени» – так иронично называется носителями-лингвистами компьютерный макаронический социолект).

Иногда носителю языка приходится задавать вопрос словарю компьютерного жаргона родного языка: например, чтобы выявить значение слова *рофлить* (= *насмешничать* (от *rolling on the floor*)).

Сказывается учет значительного влияния на развитие русскоязычного Интернета английского языка и культуры и традиций общения на английском языке: *игнор, капсить, гуглить, баня, лол, оффтоп, постить* и др.

Компьютерный жаргон «паразитирует» на обычном языке: *anorak = компьютерный гений, гик,* соответственно *anorakophobia = боязнь компьютерной технологии.*

Принцип экономии приводит к аббревиации в языке. Известны целые списки наиболее часто использующихся аббревиатур компьютерного жаргона:

АПВС – А Почему Вы Спрашиваете? БМП – Без Малейшего Понятия, «не знаю» *и т. д.*

В сетевых словарях компьютерного жаргона наличествует интересная этимологизация компьютерного жаргона, например, этимология *bug* прослеживается к 1946 году, когда одна из сотрудниц компьютерной лаборатории связала ошибку компьютера с мотыльком, попавшим в реле. Однако оказывается, что еще в 1870 годах слово употреблялось Томасом Эдисоном в значении дефектов механических систем (прослеживается в письмах и записных книжках Томаса Эдисона)[1].

Проведенный анализ компьютерных жаргонизмов в русском языке позволил выявить следующие адаптационные основания:

- воспроизведение английского произношения: *бейсик = Basic*, *виндоуз = Windows*, *гейм = game*, *тачпэд = Touch Pad*;
- перевод: *мышь = mouse*, *материнская плата = motherboard*;
- «озвучивание» латиницы*: гама = game*, *мсдос* [*мздос*] = *MS DOS*;
- графическое сближение кириллицы и латиницы*: Васик = Basic, зухель = Zyxel, унюх = Unix*;
- каламбур (игровое переосмысление на основе звукового или графического сближения*): девица = device, сорриться = sorry, батон = button, думать = Doom, квакать = Quake, Голый Дед = Gold Edit, брякпойнт = breakpoint, Федоря = Front Door, Пижамкер = Pagemaker, король дров = Corel Draw* (обратим внимание, кстати, с каким изяществом и юмором язык приспосабливает компьютерные реалии к собственной ткани, в этом ученым видится залог и показатель жизнеспособности языка);
- разные типы калькирования: *междумордие* = от *Interface, Воротов = Bill Gates, командир = Total Commander*;
- обыгрывание английской паронимии = *Internet Explorer ^ Exploiter – эксплуататор; Animator Pro ^ Animal = животное*;
- обыгрывание омографии: *OS/2 = полуось, полумух, полупчелка*;
- обыгрывание раскладки клавиатур: *Янчуд = Zyxel.*

Если говорить об английском компьютерном языке, то принципиальная причина неологизмов в компьютерном языке – создание новых значений, возникновение новых означаемых, необходимость аббревиации и апробирования языком, пародийность.

Собственно новые корни редки: *Google*, *to blag*, *to chmod*, *pwnage* (интересна этимология последнего: от *ownage* в результате опечатки).

Показательно семантическое переосмысление слов: *bookmark, surfing , spam, cookies, bug, Java, viruses, worms, mouse.* Последний неологизм в свою очередь дает основание моделям *spamdex mouse, mouse potato, mouse elbow, mouse shoulder* и т. д.

Показательны конверсионные модели (типа *to google, to message*): *to vendor* вместо *to vend* (от *vendor*) – ср.: *browse*r от *to browse.*

Характерны деривативные модели новых, не существовавших до этого времени фразовых глаголов *to luck out, to use out.* Иногда показательно примыкание постфикса: *to setup, to dialup.*

Обильно аффиксальное словообразование (модели типа *executable, unarchive*); иногда оно идет по лекалам, невозможным в некомпьютерной версии языка (*to get chatly*).

Префиксальное словообразование могут продемонстрировать, скажем, модели с *hyper-*.

Показательно образование компаундов, пишущихся слитно: *GetConnection*, *hostbased*, *controlfile*, *statuslinescontrol file*. Показательным может быть

[1]Обратим внимание на коллективный (wiki) характер ресурса по этимологии. URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=List_of_computer_term_etymologies&action=edit&section=2

сохранение заглавных букв внутри компаундов *OutOfMemory*.

Характерны сокращения типа *dir, to defrag, diff, acct, blog (from weblog)*. Последний удачный неологизм дает целой цепочке дериватов и компаундов типа *blogdom, bloggy-land, blogistan, anti-blog, bliblio-blogger, bloggerized, blogmania, blog-writer, blog-addic, blogger-run, blogmate* и т. д.

Известны приемы актуализирующей графики: *aaaaaaaay tooo much, обиднооооо*. Вообще интересны девиации нормального языка в исследуемой фактуре речи – логографические, семасиографические и фонографические приемы[1]:

- тождественно звучащая буква *c* (*see*), *u* (*you*);
- цифра *activ8* (*activate*), *cr8* (*create*);
- аббревиатура, сокращение *tom* (*tomorrow*), *sec* (*second*);
- опущение гласных *mbrsd* (*embarrassed*), *ppl* (*people*);
- акронимия *jas* (*just a second*), *ttyl* (*talk to you later*);
- буквенно цифровой символизм *07734* (*hello*);
- изменения орфографии *cud* (*could*), *thnx* (*thanks*);
- аббревиация на уровне фразы *m$ULkeCrZ* (*miss you like crazy*);
- сжатие *bday* (*birthday*), *cmon* (*come on*).

В Сети существуют конвенциональные списки чат-сокращений[2]:

- 14AA41 one for all and all for one;
- 1-D-R I wonder;
- 121 one to one;
- 143 I love you;
- AAF as a friend.

Вообще показательна репрезентация графикой устности, адаптация компьютерной средой средств графической выразительности. А еще мы увидели, как в бестональной среде появился тон – чтобы имитировать разговорные шаблоны в письменной форме, люди *КРИЧАТ* или говорят шепотом – *пссст*. И все в Интернете считывают эти нюансы.

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОЙ РЕЧИ

Несомненно, существует специфика риторики такого дискурса. Такая риторика складывается из разноплановых феноменов, среди которых отметим ниже наиболее характерные.

Сетевой этикет (нетикет) многообразен: забота об остатке «цифрового следа», отказ от «буллинга», «хейта», «холиваров» (обратим внимание на русский язык!), при пользовании платформами типа Teams – выбор правильного ника (sic!), отказ от микрофона, когда не выступаете, вплоть до выбора подходящего фона (сленгизм: *задника*) для камеры, ограничение определенной информации для создания цифрового имиджа, уважительная культура инклюзивности и т. д. Нетикет сказывается и в выборе «аватарок» и «френдов» (sic!), и в уважении приватности, необходимости публикации ответа на сообщение и т. д.

На коммуникативном уровне нас привлекают феномены буллинга и агрессии, языка вражды. Значимы психологические особенности исследуемой коммуникации – карнавальность, ироничность, агрессивность такой коммуникации, баланс самопрезентации и информации и т. д., – это не языковые, а коммуникативные явления. Это епархия риторики новой фактуры речи, складывающиеся на наших глазах ее новые нормы.

Феномен новых форматов коммуникации находит отражение, например, в рассмотрении и развитии темы в краудсорсинге («общем мозговом штурме»). Краудсорсингу имеется параллель в медиа: журналисты-стримеры обращаются к чату, предлагают аудитории писать вопросы, реплики в чат, находят новые повороты темы, новую драматургию беседы. Среди участников такой коммуникации есть коммуниканты со своей темой, «застрявшие» на ней, люди со своим речевым эмболом, неспособные к такой коммуникации, где выполняются требования П. Грайса к диалогическому общению. Конвенции вежливости, отказ от коммуникации также заслуживают внимания. Санкции («бан») по отношению к некорректным коммуникантам могут быть вызваны разными причинами: личные оскорбления, мат, резко отличная политическая или этическая позиция, реклама, использование коммуникантом регистра прописных букв клавиатуры («капслок»). Не будем забывать, что формат лично-публичной коммуникации в новых медиа есть формат коммуникации малознакомых людей, поэтому часто это формат самопредставления, с особенностями ников, особенностями аватарок [Сидорова, 2006].

Показательна роль визуализации в мемах, мемы представляются как бы окказиональными слоганами (*Да ладно?!* – используется как сарказм, когда действие было предсказуемо; *Ты втираешь мне какую-то дичь* и т. д.). Кстати, типичные мемы как варианты прецедентных текстов могут и должны выступать учебным материалом при обучении языку[3].

[1]Social networking abbreviations. 2024, February 24. URL: http://www.allacronyms.com/social_networking/topic.

[2]См.: What Do #FF, #TBT, #GFF, FOH, RLRT and Other Twitter & Instagram Hashtags & Terms Mean. 2024, February 24. URL: http://www.ibtimes.com/what-do-ff-tbt-gff-foh-rlrt-other-twitter-instagram-hashtags-terms-mean-1021098.

[3]URL: https://www.youtube.com/watch?v=qaVZwyd_CdM.

Виртуальная коммуникация и соцсети привлекают внимание исследователей, так как проливают свет на языковые универсалии и коммуникативные максимы общения. Мы задаемся вопросом, какую функцию вообще выполняет неформальная ИТ-коммуникация. Важны не только ее языковые, но и ее социальные, психологические особенности.

Феномен стрима и чата в нем имеет также особенность в том, что именно аудиовизуальное выступление вызывает к жизни чат. Насколько эти потоки связаны между собой? Насколько текстовое общение вызвано визуальным? Насколько оно вызвано вербальным стимулом стримера? Репликами участников чата? Поскольку мы видим, что организаторы общения удаляют «коменты» (феномен модерации общения) – стало быть, и блогер, и объект дискурса могут быть предметами агрессии, «холивара», оскорблений.

Разные, разноуровневые элементы электронной речи привлекают внимание исследователей. Показательны утверждения об особой субкультуре сети (*a culture of the Internet discourse skills*), международном сообществе («комьюнити») пользователей. Код субкультуры креативности этой среды задается самой субкультурой. Эти практики влияют и на некомпьютерную («офлайновую») коммуникацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, перечисленные черты языковой и риторической специфики электронной речи оказывают активное влияние на наш язык, а он, в свою очередь, как бы заимствует из электронных сетей свои семиотические константы, к которым относятся: роль графики, коллоквиальный синтаксис, показательный компьютерный субъязык с разными моделями его пополнения в английском и иных языках, нетикет, визуализацию, особенности работы принципов полилога, принципов презентации, характеристик вербальной агрессии и толерантности. Новые жанры лично-публичной коммуникации электронной формы коммуникации развивают свою риторику, которая опирается на ее традиционные формы. Между традиционной риторикой и электронной речью сохраняется эпохальная преемственность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2005.
2. Казнова Н. Н. Трансформация языковой личности в Интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2011.
3. Калашникова А. А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
4. Маринова Е. В. Язык Рунета в Сети и за ее пределами: от вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М.: URSS, 2022.
5. Трофимова Г. Н. Языовой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: Изд-во РУДН, 2004.
6. Космарская И. В. Новейшие технологии и русский язык: перспективы исследований // Русский язык и русская литература в цифровую эпоху: коллективная монография. Казань: Бук, 2022. С. 8–16.
7. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
8. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: Русский язык. Межличностное общение. М.: 1989.ру, 2006.

REFERENCES

1. Asmus, N. G. (2005). Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva = Linguistic features of virtual communicative space: Abstract of PhD in Philology. Chelyabinsk. (In Russ.)
2. Kaznova, N. N. (2011). Transformaciya yazykovoj lichnosti v Internet-kommunikacii (na primere francuzskoj blogosfery) = Transformation of linguistic personality in Internet communications (on the example of the French blogosphere): abstract of PhD in Philology. Perm. (In Russ.)
3. Kalashnikova, A. A. (2011). Yazykovaya lichnost' v russkoyazychnom bloge: kognitivno-pragmaticheskij aspect = Language personality in a Russian-language blog: cognitive-pragmatic aspect: abstract of PhD in Philology. Rostov-on-Don. (In Russ.)

4. Marinova, E. V. (2022. Yazyk Runeta v Seti i za ee predelami: ot verbalizacii klyuchevyh idej internet-prostranstva do obnovleniya hudozhestvennogo diskursa = The language of the Runet on the Internet and beyond: from the verbalization of key ideas of the Internet space to the renewal of artistic discourse. Moscow: URSS. (In Russ.)
5. Trofimova, G. N. (2004). Yazykovoj vkus Internet-epohi v Rossii: Funkcionirovanie russkogo yazyka v Internete: konceptual'no-sushchnostnye dominanty = Language taste of the Internet era in Russia: Functioning of the Russian language on the Internet: conceptual and essential dominants. Moscow: Publishing house RUDN. (In Russ.)
6. Kosmarskaya, I. V. (2022). Novejshie tekhnologii i russkij yazyk: perspektivy issledovanij = New technologies and the Russian language: research prospects. Russkij yazyk i russkaya literatura v cifrovuyu epohu (pp. 8–16): The collective monograph. Kazan: Buk. (In Russ.)
7. Galichkina, E. N. (2001). Specifika komp'yuternogo diskursa na anglijskom i russkom yazykah (na materiale zhanra komp'yuternyh konferencij) = Specifics of computer discourse in English and Russian (based on the genre of computer conferences): abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
8. Sidorova, M. Yu. (2006). Internet-lingvistika: Russkij yazyk. Mezhlichnostnoe obshchenie = Internet linguistics: Russian language. Interpersonal communication. Moscow: 1989.ru. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бушев Александр Борисович
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bouchev Alexandre Borisovich
Doctor of Philology (Dr. habil.)
Leading Research Fellow of Linguistic Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	12.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'23

Исследование языкового сознания молодого поколения Республики Башкортостан (на материале результатов экспериментального исследования 2022 года)

Я. А. Давлетова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
slavaza@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения метода «встречного текста» А. И. Новикова для исследования языкового сознания группы людей конкретного региона. Приводятся особенности фразеологических единиц. Практическое исследование является анализом данных эксперимента с целью изучения стратегий понимания при восприятии русских народных пословиц. Выявляются особенности языкового сознания молодежи Башкортостана, которые определяются общепринятыми моральными принципами. В заключении намечаются перспективы исследования на материале других прецедентных текстов.

Ключевые слова: стратегии понимания, пословицы, метод «встречного текста», метод «контр-текста», психолингвистический эксперимент, сознание личности, смысл

Для цитирования: Давлетова Я. А. Исследование языкового сознания молодого поколения республики Башкортостан (на материале результатов экспериментального исследования 2022 года) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 25–30.

Original article

Research of Language Consciousness of the Young Generation of the Republic of Bashkortostan (based on the results of a pilot study in 2022)

Iaroslava A. Davletova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
slavaza@bk.ru

Abstract. The article discusses the possibility of using the "counter text" method by A.I. Novikov to study the linguistic consciousness of a group of people in a particular region. The features of phraseological units are given. Practical research is an analysis of experimental data in order to study comprehension strategies in the perception of Russian folk proverbs. The features of the linguistic consciousness of the youth of Bashkortostan, which are determined by generally accepted moral principles, have been identified. In conclusion, prospects for research based on the material of other precedent texts are outlined.

Keywords: understanding strategies, proverbs, the method of "opposite text", the method of"counter-text", psycholinguistic experiment, personality awareness, meaning

For citation: Davletova, Ya. A. (2024). Research of language consciousness of the young generation of the Republic of Bashkortostan (based on the results of a pilot study in 2022). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 25–30. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Отечественные и зарубежные лингвисты изучают влияние структурных, внешних, и содержательно-смысловых, внутренних, характеристик текста на процессы его осмысления и понимания. В частности, исследователи уфимского направления «Школы А. И. Новикова» изучают процессы порождения и восприятия речи. Экспериментальные работы, проведенные на материале текстов различного типа (научно-популярные, религиозные, тексты глянцевых журналов, интернет-тексты, юридические тексты) дали возможность построения единой интерактивной модели понимания текста [Пешкова, 2021].

С психолингвистической точки зрения, сам текст не обладает смысловой структурой. О формировании смысла можно говорить только относительно сознания личности, которая воспринимает и осмысливает предложенный текст. Сознание же есть осведомленность о внешних и когнитивных явлениях, таких как образы и звуки, мысли, воспоминания, телесные ощущения, чувства [Солсо, 2006]

Следовательно, учитывая психолингвистический аспект понимания, необходимо принимать во внимание особенности языкового сознания воспринимающего индивида, его интеллектуальные и психические особенности, различные побудительные мотивы и их степень, жизненный опыт, эмоциональное состояние [Новиков, 2003].

Таким образом, на процессы формирования смысла какого-либо типа текста оказывает влияние не только совокупность языковых средств, но и актуализация когнитивных, эмотивных, психических особенностей воспринимающего субъекта. Знания человека, его переживания, находящиеся в сознании, отражают его индивидуальное отношение к происходящим событиям [Рубинштейн, 1998]. Так, выражение смысла можно считать выражением того, как человек относится к самой действительности в целом.

Ввиду того, что на сегодняшний день мы можем констатировать влияние новых условий коммуникации на процессы восприятия и понимания, в ходе исследования необходимо учитывать тот факт, что независимо от вида коммуникации, современный человек является «сетевой (или виртуальной) языковой личностью» [Карасик, 2021, с. 58]. Следовательно, возможно потребуется пересмотр и внесение поправок в ранее разработанные интерактивные модели понимания текста [Пешкова, Давлетова, 2023а].

Целью проведения экспериментального исследования является изучение стратегий понимания прецедентных текстов в форме русских народных пословиц, обусловленных особенностями языкового сознания испытуемых.

Предметом исследования являются полученные индивидуальные реакции испытуемых, зафиксированные в письменной форме в виде «встречных текстов», представляющих собой набор разнообразных как вербальных, так и невербальных реакций, рисунков, смайлов, эмодзи.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2022 году нами был проведен психолингвистический эксперимент с использованием метода «встречного текста», на глубинном уровне отражающего сознание индивида, который исходно был предложен А. И. Новиковым. Суть метода заключается в том, что испытуемым предлагается для понимания текст определенного типа. Задачей, которая ставится перед реципиентами, является фиксация «контртекста», то есть всего, что возникает в сознании при прочтении каждого последующего предложения текста [Новиков, 2003, с. 64–76].

В эксперименте приняли участи 260 студентов и магистрантов от 20 до 22 лет естественно-научных специальностей Уфимского университета науки и технологий.

В качестве материала нами были выбраны тексты 20 русских народных пословиц. Обладая рядом уникальных характерных особенностей, таких как краткость, образность, присутствие переносного смысла, яркая эмоциональность, пословицы представляют собой закрепленную народную мудрость. По сути, они являются утверждениями, которые возможно применять к огромному количеству ситуаций, происходящих ежедневно с каждым человеком. Таким образом, мы предполагаем, что полученные в результате эксперимента реакции можно рассматривать как отношение, оценку испытуемыми жизни, мировоззрения, опыта предков [Давлетова, 2022].

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Следует отметить, что непосредственного задания «сформулировать смысл прочитанного текста» перед испытуемыми поставлено не было. Тем не менеев ответах реципиентов мы прослеживаем такие формулировки, как «насколько я понимаю эту пословицу…», «смысл данной пословицы…», «я думаю, здесь имеется в виду. Они косвенно указывают на постоянные попытки извлечения и формулирования смысла. Именно анализу подобных «встречных текстов» посвящена данная статья.

Рассмотрим некоторые формулировки смысла, которые были зафиксированы на следующие пословицы.

«В гостях хорошо, а дома лучше»

и. П. Ю. – Тут имеется в виду, что дом – самое уютное. Родное, спокойное, доброе место на земле, где тебя всегда поймут и поддержат. В гости сходить хорошо, но лучше места, чем дом нет.

и. Я. Д. – Где бы не был человек, в каких крутых курортах не побывал, с какими бы прикольными людьми не встречался, все равно всегда в конце концов хочется вернуться домой к маме и папе (ну и к кошке тоже).

и. Л. З. – Здесь все просто. Я с этой пословицей согласна. Дома лучше всего на свете. Дома вкуснее всего на свете. Дома приятнее всего на свете.

и. Х. В. – Никогда не понимал в чем смысл этой пословицы. Мне например везде нормально. Везде есть что-то новое, люди интересные, разговоры. Ну, есть дом, где родители живут, в деревне. Там делать нечего, все бухают и ничего не делают.

и. Т. Ю. – There is no place like home – *любому понятно*.

Итак, в большинстве случаев реципиенты демонстрируют нежные и теплые чувства, которые связаны у них с родным отеческим домом. Дом в их сознании – та самая крепость, где царят уют, гармония, благополучие, спокойствие, где их поймут и поддержат в любой ситуации. Присутствует небольшая часть испытуемых, в формулировках смысла которых можно проследить негативное отношение к родному дому. Очевидно, это связано с их индивидуальным отрицательным опытом и носит частный характер.

«Тише едешь – дальше будешь»

и. О. В. – Вот только не сейчас. Кто тихо едет – тот последним и приедет.

и. И. И. – Не про нас. Кто быстрее едет – тот дальше будет.

и. Б. Д. – Это в смысле как про зайца и черепаху? Так это когда было. Нет смысла сегодня медлить.

и. Н. З. – Что значит тише – ну, это уж бессмыслица. Быстрее надо бежать, быстрее сколько сил есть, а то всего не успеть.

и. Э. М. – Может и был в этом раньше какой то смысл. В наше время пока будешь медлить, горло отгрызут.

Реакции испытуемых на данную пословицу – это несогласие со смыслом, выраженным в ней. Все реципиенты единодушны в том, что если проявить медлительность, можно оказаться в менее выгодном положении, нежели тот, чья реакция была мгновенной. На наш взгляд, данная тенденция связана с изменениями, происходящими в современном мире, в котором все происходящие события с каждым годом набирают и набирают скорость, а от каждого отдельного человека требуется молниеносная реакция на эти события.

«Любишь кататься – люби и саночки возить»

и. К. Ш. – И что это значит вообще? Какие еще санки? Везде подъемники есть. Любишь кататься – имей денег. Так правильно.

и. П. Р. – Может раньше, давно-давно так и было. Сейчас если у тебя есть деньги, твои саночки будет кто-то другой возить, а ты будешь кататься.

и. Ч. Т. – Ну и бред. Смысла 0.

и. Т. В. – О чем это вообще?

и. У. З. – Может смысл в ответственности… ну, это наверное очень уж странно…

Выражение откровенного недопонимая смысла данной пословицы связано, скорее всего, с изменившимися реалиями нашего мира, которые сегодня таковы, что в картине мира молодых людей нет императива, согласно которому «что-то нужно куда-то везти» [Пешкова, Давлетова, 2023б]. Присутствует четкая мысль: нужно иметь деньги, чтобы заплатить тому, кто «повезет». Подобной установки не было нами выявлено у молодых людей в эксперименте 2012 года, проведенного на материале библейского текста [Давлетова, 2012].

«Терпение и труд все перетрут»

и. А. Р. – Смысл в том, что в любом деле хочешь достичь успеха – терпеливо трудись и трудись, и рано или поздно что-нибудь да выйдет.

и. А. Г. – Не знаю, не уверен. Может это про спорт?

и. Е. С. – Я думаю, удача важнее. Иногда вижу: один трудится – у него ничего. Другой ничего не делает – а в роскоши. Ему просто везет, все на халяву получает. И в чем тогда смыл трудиться?

и. Ф. В. – Это верно в целом. Если очень долго что-то делать, рано или поздно будет какой никакой успех. С другой стороны, нужен ли был такой трудный успех?

и. Л. П. – Не все и не всегда. Неточная пословица.

Мы можем проследить, что реципиенты в целом не согласны со смыслом данной пословицы: кто-то частично, кто-то полностью. Но следует отметить, что каждый испытуемый пытается аргументировать свою мысль и ответить на вопрос: «А что же тогда важно?» Для кого-то на первое место выступает удача и везение, кто-то вообще сомневается в необходимости выполнения какого-либо действия, если придется много и долго трудиться.

«Друг познается в беде»

и. Р. Р. – И не только. В радости тоже.
и. М. И. – Вот когда со мной плохое случилось – я понял кто друг. Один только был друг.
и. Г. Д. – Какой-то смысл здесь, конечно, есть. Но зачем тогда дружить – если все до поры до времени.
и. К. У. – Мне одному хорошо. Я вообще не понимаю смысла дружбы. Зачем она нужна.
и. С. У. – У меня есть лучшая подруга. Мы так давно дружим. Беды вроде не было никакой, но она самая лучшая в мире.

Помимо формулировок смысла данной пословицы, мы можем наблюдать большое количество реакций ассоциативного плана: реципиенты активно делятся примерами из своей личной жизни. Можно совершенно четко разграничить реакции на данную пословицу на две примерно одинаковые по количеству группы. Одна группа реципиентов склонна верить в ценность дружбы, важность общения, возможность разделить с другим человеком и горе, и радость. Другая группа представляет собой тех, кто не проявляет желания дружить, считает дружбу бессмысленной и опасной деятельностью. Присутствие людей, комфортно себя чувствующих в отдалении от близкого контакта с обществом, подтверждает тенденцию современного человека к самодостаточности и обособлению.

«Как аукнется – так и откликнется»

и. О. О. – Пословица на все времена. Как бы то ни было. Закон эха всегда действует.
и. Б. П. – Неоспоримо. Делаешь добро – получишь добро (только от чистого сердца надо делать).
и. А. Г. – Как я понимаю: делаешь хорошее – получаешь хорошее. Делаешь *** – получаешь ***. Согласен.
и. Л. Р. – Тут уж не поспоришь. Железо.
и. Ф. М. – Поэтому я стараюсь к людям нормально относиться. А вдруг потом что, и ко мне будут нормально.

Осознание необходимости следить за своим поведением, контролировать его, присутствует во всех формулировках смысла данной пословицы. Хотя участники эксперимента молодые люди в возрасте 20–22 лет, они уже определенно имеют четкую программу действий: вести себя с другими необходимо так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой.

«Своя рубашка ближе к телу»

и. Я. О. – Хоть физически, хоть психически. Смысл один – я всегда важнее.
и. Н. И. – Какой смысл это вообще обсуждать? Горячее – горячо. Холодное – холодно. Ясно, что свое всегда ближе. А как может быть по другому?
и. Т. Ю. – А может быть по-другому? В чем смысл?
и. Д. К. – Всегда о себе в первую очередь надо думать.
и. Р. Ф. – Смысл конечно – хоть роман пиши.

Смысл данной пословицы для испытуемых настолько очевиден, что им даже не совсем понятно зачем об этом говорить. Мы вновь наблюдаем стремление к эгоцентричности. Люди сосредоточены на себе, на своей выгоде, своем благополучии в любой ситуации. При этом вряд ли можно говорить о данной тенденции как об отрицательном факте. Реципиенты не демонстрируют какого-либо негативного отношения к другим людям, желания «пойти по головам»; они просто считают интересы своего «я» важнее, чем любые другие.

«Муж да жена – одна сатана»

и. Л. К. – Насколько я понимаю: если уж поженились – то одинаковые оба.
и. С. У. – Даже если кажется на первый взгляд, что муж и жена совершенно разные люди – по итогу окажется они одинаковые. Во всех семьях так.
и. Д. Л. – Я, честно говоря, не понимаю, почему сатана, почему не Бог? Это в смысле они в плохом похожи? Семья, дети – это же так здорово.
и. Ж. В. – Муж и жена должны быть всегда за одно. Это понятно. Только сатана тут при чем?
и. Б. Л. – Брак это круто. Ту-ту-ту…на-на-на всегда вместе всегда рядом.

Все испытуемые подчеркивают тот факт, что действительно, супруги всегда похожи друг на друга и движутся мысленно в одном направлении. Большинство реципиентов уверены в ценности семьи, поэтому им непонятно присутствие в пословице отрицательного сравнения с сатаной. Очевидно, что молодые люди стремятся обрести свою вторую половину и вступить в брак.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, данные проведенного в 2022 году экспериментального исследования позволяют, на наш взгляд, проследить общие тенденции в реакциях молодых людей полиэтнического региона Башкортостан.

Очевидно, что среди ценностей, которые существуют в сознании молодежи, можно выделить такие, как важность семьи, уважение к старшим, добро, любовь и верность, благодарность, сочувствие,

сопереживание к нуждающимся, ответственность за свои поступки.

Отметим ряд новых тенденций, выявленных в эксперименте 2022 года. Они отчетливо обнаруживаются в сравнении с данными исследования 2012 года, которое было проведено на материале Библии. К новым тенденциям относятся: стремление к автономности, повышение эгоцентричности, повышение скорости жизни, желание большого заработка при минимальных усилиях. Мы склонны рассматривать новые черты поведения молодых людей как неизбежные изменения, связанные с переменами, происходящими в мире постоянно, в том числе связанными с глобально изменившимися за последние десятилетия условиями коммуникации.

В дальнейших исследованиях нам кажется целесообразным и любопытным проведение сравнительно-сопоставительного анализа полученных в ходе проведенного в 2022 году эксперимента на материале текста пословиц данных с результатами психолингвистического эксперимента, проведенного в 2012 года на материале текста Библии. Кроме того, в перспективе нам кажется актуальным проведение экспериментальных исследований на материале других типов прецедентных текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пешкова Н. П. Уфимское направление исследований в русле «Школы А. И. Новикова»: порождение и восприятие текста; интерактивная модель понимания текстов различных типов // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. М.: Институт языкознания – ММА, 2021. С. 463–470.
2. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006.
3. Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.
5. Карасик В. И. Сетевая языковая личность // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик: тезисы докладов II Международной конференции, Москва, 25–26 февраля 2021 г. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. С. 58–59.
6. Пешкова Н. П., Давлетова Я. А. Стратегии восприятия прецедентного текста в условиях информационного обществ (на материале результатов экспериментальных исследований 2012–2022 гг.) // Вопросы психолингвистики. 2023а. № 4 (58). С. 26–46.
7. Давлетова Я. А. Использование текста пословиц в ходе психолингвистического эксперимента // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Фаткуллиной Флюзы Габдуловны. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. С. 97–99.
8. Пешкова Н. П., Давлетова Я. А. Стратегии понимания текста в новых условиях коммуникации (на материале текстов фольклора) // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 14 октября 2023 г.). Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023б. С. 46–53.
9. Давлетова Я. А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2012.

REFERENCES

1. Peshkova, N. P. (2021). Ufimskoe napravlenie issledovanij v rusle «Shkoly A. I. Novikova»: porozhdenie i vospriyatie teksta; interaktivnaya model' ponimaniya tekstov razlichnyh tipov = Ufa direction of research in line with the "School of A.I. Novikov": generation and perception of text; interactive model for understanding texts of various types. In Rossijskaya psiholingvistika: itogi i perspektivy (1966–2021) (pp. 463–470): collective monograph. Moscow: Institute of Linguistics – MMA. (In Russ.)
2. Solso, R. (2006). Cognitive psychology. 6th ed. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
3. Novikov, A. I. (2003). Tekst i «kontrtekst»: dve storony processa ponimaniya = Text and "countertext": two sides of the process of understanding. Journal of Psycholinguistics, 1, 64–76. (In Russ.)
4. Rubinshtein, S. L. (1998). Osnovy obshchej psihologii = Fundamentals of general psychology. St. Petersburg. (In Russ.)
5. Karasik, V. I. (2021). Setevaya yazykovaya lichnost' = Network linguistic personality. In Linguistic and cultural aspects of globalization processes: sociocultural context and dynamics of speech practices (pp. 58–59): abstracts of the II International Conference, Moscow, 2021, February 25–26. Moscow: MSLU.

6. Peshkova, N. P., Davletova, Ya. A. (2023a). Strategii vospriyatiya precedentnogo teksta v usloviyah informacionnogo obshchestv (na materiale rezul'tatov eksperimental'nyh issledovanij 2012–2022 gg.) = Strategies for perceiving precedent text in the conditions of information societies (based on the results of experimental research in 2012–2022) . Journal of Psycholinguistics, 4(58), 26–46. (In Russ.)
7. Davletova, Ya. A. (2022). Ispol'zovanie teksta poslovic v hode psiholingvisticheskogo eksperimenta = Using the text of proverbs during a psycholinguistic experiment. In Materials of the IX International Scientific and Practical Conference devoted to the anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Filyuza Gabdulovna Fatkullina (pp. 97–99). Ufa: RIC UUNiT. (In Russ.)
8. Peshkova, N. P., Davletova, Ya. A. (2023б). Strategii ponimaniya teksta v novyh usloviyah kommunikacii (na materiale tekstov fol'klora) = Strategies for understanding text in new conditions of communication (based on folklore texts). Yazyki v dialoge kul'tur: problemy mnogoyazychiya v poliehtnicheskom prostranstve (pp. 46–53): Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Ufa, 2023, 14 October). Ufa: RIC UUNiT. (In Russ.)
9. Davletova, Ya. A. (2012). Psiholingvisticheskoe issledovanie osobennostej ponimaniya biblejskih tekstov = Psycholinguistic study of the features of the Bible texts understanding: PhD Thesis in Philology. Ufa. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давлетова Ярослава Александровна
кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов
Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода
Института гуманитарных и социальных наук
Уфимского университета науки и технологий

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Davletova Iaroslava Alexandrovna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Foreign Languages of Natural Faculties
of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation
the Institute of Humanities and Social Sciences
Ufa University of Science and Technology

Статья поступила в редакцию	10.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'255

Переводческие трансформации при переводе песен *Zecchino d'oro* с итальянского на русский язык

В. А. Данилова[1], А. Г. Никитюк[2]

[1,2]*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*
[1]*Danilova-418@mgpu.ru*, [2]*nikitukag@mgpu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы ретрансляции песен *Zecchino d'oro* при переводе с итальянского на русский язык. Поэтический перевод предполагает воссоздание смыслового и национально-культурного содержания оригинала средствами языка перевода. Авторы статьи определяют и анализируют переводческие трансформации, использованные при передаче рассматриваемых итальянских песен на русский язык, а также дают обоснование выбору переводческих трансформаций, используемых для достижения адекватного перевода.

Ключевые слова: переводческие трансформации, Zecchino d'oro, итальянские песни, перевод поэзии, доместикация

Для цитирования: Данилова В. А., Никитюк А. Г. Переводческие трансформации в переводе песен *Zecchino d'oro* с итальянского на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 31–37.

Original article

Translation Techniques in Transmitting *Zecchino d'oro* Songs from Italian into Russian

Vasilisa A. Danilova[1], Aleksandr G. Nikitiuk[2]

[1,2]*Moscow City University, Moscow, Russia*
[1]*Danilova-418@mgpu.ru*, [2]*nikitukag@mgpu.ru*

Abstract. The article deals with the techniques of translating Zecchino d'oro songs from Italian into Russian. Poetic translation involves recreating the semantic and cultural content of the original using the resources of the target language. The authors define and analyze the techniques of translating the Italian songs into Russian, as well as justify the choice of translation transformations to achieve an adequate translation.

Keywords: translation techniques, Zecchino d'oro, Italian songs, poetry translation, domestication

For citation: Danilova, V. A., Nikitiuk, A. G. (2024). Translation techniques in transmitting *Zecchino d'oro* songs from Italian into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 31–37. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Перевод поэзии представляет собой одну из центральных проблем современной теории перевода. Прежде всего это связано с необходимостью комплексной передачи не только содержания, но и эстетического воздействия на читателя и поэтической формы произведения [Исломов, 2015]. Изучение перевода поэзии помогает лучше понять и передать особенности культурного контекста, которые могут быть важны для правильной интерпретации поэтического произведения, а также способствует улучшению социального взаимодействия представителей различных лингвокультур, так как позволяет ознакомиться с множеством вариативных способов вербализации концептов [Самородин, 2021]. Переводчику поэзии приходится подбирать аналоги и подходящие средства выразительности, что требует от него профессионального владения языками оригинала и перевода, а также обширных фоновых знаний (по этой причине, например, для перевода фразеологизмов создаются теоретические модели, позволяющие адекватно передать текст оригинала средствами языка перевода) [Говорухо, Токарева, 2022]. Переводчик поэзии является посредником между двумя культурами и двумя народами. Он способствует построению и развитию межкультурной коммуникации. Умение ее осуществлять является неотъемлемой частью профессиональной компетенции переводчика. Она включает в себя следование общеустановленным нормам и правилам межкультурных обменов, причем в типологически различных коммуникативных ситуациях действуют различные нормы и правила [Викулова и др., 2020].

В настоящее время научные работы, посвященные переводам детских песен с итальянского на русский язык, немногочисленны, что обусловлено спецификой языкового материала и отсутствием устоявшихся традиций перевода с итальянского на русский язык. Переводы детской поэзии не носят системного характера. Итало-русская школа перевода поэтических текстов, предназначенных для детской аудитории, находится на стадии формирования. Таким образом, исследование перевода песен *Zecchino d'Oro* представляется актуальным в силу того, что оно способствует осуществлению межкультурной коммуникации между Россией и Италией, а также развитию итало-русской традиции перевода поэзии для детей.

Целью настоящего исследования является изучение переводческих трансформаций в переводе песен *Zecchino d'Oro* с итальянского языка на русский. Достижению цели исследования способствует решение следующих задач: провести сопоставительный анализ текстов песен *Zecchino d'Oro* и их перевода на русский язык; определить переводческие трансформации, использованные в переводе песен *Zecchino d'Oro* с итальянского языка на русский; обосновать целесообразность выбора переводческих решений с учетом специфики языкового материала и задач перевода.

Материалом исследования послужили тексты 6 итальянских песен, исполненных в период с 1968 по 1993 год на итальянском фестивале детской песни *Zecchino d'oro*. Были проанализированы тексты следующих песен: *Torrero Camomillo* (автор *F. Maresca*), *Volevo un gatto nero* (автор *F. Maresca*), *Popoff* (автор *A. Benassi*), *Il caffé della Peppina* (авторы *T. Martucci, W. Valdi, A. Anelli*), *Una forchetta di nome Giulietta* (автор *V. Sessa Vitali*), *Il coccodrillo come fa* (автор *O. Avogadro*) и их перевод на русский язык, выполненный А. Г. Никитюком [Никитюк, 2019]. Исследовательский интерес обусловлен тем, что ранее не выполнялось эквиритмических переводов этих песен на русский язык и они не подвергались анализу в рамках теории перевода.

В ходе работы был использован комплекс методов, соответствующих каждому из этапов исследования. На первом этапе был проведен контекстный анализ итальянских песен и их переводов на русский язык. Методом сплошной выборки был выполнен отбор фрагментов, содержащих переводческие трансформации. Далее был осуществлен сопоставительный анализ фрагментов оригинала и русских переводческих соответствий, который позволил выявить принципы передачи итальянских песен, а также обосновать выбор стратегий и способов их перевода.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

При переводе поэтических текстов возникают трудности с воссозданием системы образов, ассоциаций и эстетического эффекта оригинального текста. Лексические единицы характеризуются многозначностью, вследствие чего подбор переводческого эквивалента требует преодоления существенных трудностей. Кроме того, перед переводчиком стоит задача сохранить размер и передать ритмические особенности подлинника; выделить трансляционно-релевантную информацию и передать особенности национального мышления [Сдобников, Калинин, Петрова, 2019].

Проблема адекватности при переводе поэтических текстов ставится в работах многих отечественных исследователей. Р. Г. Магомедзагиров описывает методы и принципы поэтического перевода, а также подчеркивает роль

переводческих преобразований, которые носят формально-семантический характер, при переводе поэзии [Мамедзагиров, 2016]. О. О. Денина, утверждает, что трансформационный перевод необходим для адекватной передачи содержания [Денина, 2015]. Одни исследователи подчеркивают необходимость транскультурации – адаптации текстов к принимающей культуре [Хухуни, Валуйцева, Осипова, 2017], в то время как другие считают неизбежной потерю формы поэтического текста при сохранении содержания или потерю системы образов оригинала при сохранении его формы [Романенко, 2017].

При осуществлении стихотворного перевода акцент делается на передаче формальной организации поэтического произведения – его ритмических, жанровых и структурно-композиционных характеристик. Для достижения адекватного и эквивалентного перевода и минимизации потерь применяются переводческие трансформации, позволяющие адаптировать исходный текст к нормам языка перевода и достичь тождественного оригиналу художественного эффекта [Денина, 2015]. В рамках данного исследования под адекватностью перевода понимается решение прагматических задач при соблюдении жанрово-стилистических требований к текстам данного типа и соответствии перевода общественно-признанной конвенциональной норме; под эквивалентностью перевода понимается воспроизведение предметно-логических и коннотативных значений языковых единиц иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности [Комиссаров, 1990].

Исследователи определяют переводческие трансформации как преобразования, используемые для достижения переводческой эквивалентности путем преодоления языковых различий между формальными и семантическими системами двух языков [Бархударов, 1975]; как передачу информации вместе с достижением эстетического эффекта [Миньяр-Белоручев, 1980]. При анализе переводов итальянских песен в настоящей работе авторы придерживаются классификации В. Н. Комиссарова, который выделяет ряд переводческих приемов: транскрибирование, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция); грамматические трансформации: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения); комплексные лексико-грамматические трансформации: антонимический перевод, экспликация (описательный перевод), компенсация [Комиссаров, 1990].

Необходимо отметить, что перевод поэтических текстов может быть осуществлен двумя основными методами: независимым (переводчик, воспроизводит содержание оригинального произведения, делая акцент на передаче смысла и идей, а не на строгом следовании форме и структуре оригинала) и подчиненным (переводчик стремится максимально точно передать форму исходного произведения, сохранив его размер, структуру, метрику, порядок и тип рифм и другие звуковые особенности, а также авторский стиль). Также одни переводчики стремятся сделать перевод понятным и близким своим соотечественникам, в то время как другие уделяют внимание сохранению лингвокультурных особенностей оригинала, чтобы позволить читателям познакомиться с иностранной лингвокультурой. Эти две основных стратегии перевода иноязычных текстов впервые были упомянуты в работах Л. Венути и получили названия «доместикация» и «форенизация». Под доместикацией исследователь подразумевает приближение культуры оригинала к культуре реципиента в переводе; форенизацией, наоборот, называется сохранение культуры оригинала в тексте перевода [Venuti, 2008].

Поэтические тексты отличаются высокой степенью концентрации сематнико-стилистических и образных компонентов. При переводе текстов для детской аудитории целесообразно воссоздавать эмоциональное состояние и художественное впечатление, которое они способны вызвать у читателя. При переводе имеет смысл передавать эффект, который производит на читателя оригинал. Для этого, в свою очередь, имеет смысл применять стратегию доместикации. Она позволяет добиться эквивалентности при передаче национально-культурных особенностей, обусловленных лингвистическими и экстралингвистическими факторами на различных языковых уровнях [Данилова, 2021].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Переводческая адаптация песен *Zecchino d'oro* направлена на сохранение эквивалентности метра и рифмы оригинала, а также на передачу сюжета песни, образов и эстетического эффекта, для чего используется ряд переводческих трансформаций. Их использование представляется целесообразным по причине различий в лексическом составе, в понятийной сфере и смысловом объеме слов итальянского и русского языка, а также вследствие различий грамматических систем двух языков: сочетаемости и порядка слов в предложении, структуры предложений, их видов. Все вышеперечисленное

обязывает переводчика адаптировать исходный текст к нормам родного языка.

Рассмотрим принципы перевода итальянских песен *Zecchino d'oro*, чтобы определить, каким образом описанные выше способы и стратегии перевода нашли применение при ретрансляции песен на русский язык в переводе А. Г. Никитюка [Никитюк, 2019].

1. В переводе были использованы различные переводческие приемы.

1.1. Транскрипция в основном применялась при переводе итальянских имен собственных, например: *Popoff – Попов*. С помощью транскрипции автор реализует стратегию форенизации, которая позволяет сохранить итальянский колорит и передать звуковое своеобразие исходного текста.

1.2. В некоторых случаях при переводе имен персонажей также использовалось калькирование, например: *Torero Camomillo – Тореадор Ромашка*. При переводе происходит копирование структуры исходного словосочетания, благодаря чему сохраняется семантическое наполнение и эстетическое воздействие оригинального образа без нарушения ритма.

1.3. В переводе песен были использованы различные лексико-семантические замены, реализующие стратегию доместикации. К ним относится конкретизация, например:

Camminando tutti in fila	Сквозь **сугробы** по колено
*Con la **neve** a mezza gamba*	Продолжает ровным строем
Vanno verso il fiume Don.	Путь к могучей реке Дон.

В настоящем фрагменте слово *neve* (*рус.* снег) подверглось конкретизации и в русском переводе передано лексемой *сугробы* с более узким, видовым значением. Переводчик следует стратегии доместикации, которая позволяет сохранить ритм и воссоздать эстетический эффект оригинала.

1.4. Также в переводе находит применение прием генерализации:

*Arrivò un **carabiniere***	И **полиция** к нам едет,

Вместо слова *carabiniere* (*рус.* полицейский) в переводе использовано слово *полиция* с более широким предметно-логическим значением. Эта трансформация обусловлена стремлением сохранить ритм, а также расхождением степени употребительности указанных лексических единиц в языках оригинала и перевода.

1.5. Кроме того, в переводе используется прием модуляции, например:

*E **invadendo** casa mia*	**Арестовывает** папу
Portò via il mio papà.	И в тюрьму его везёт.

В переводе осуществлена замена глагола, обозначающего причину, на другой глагол, описывающий результат: глагол *invadere* (*рус.* вторгаться) переведен как *арестовывать* в целях экспликации содержания для аудитории перевода и создания необходимого эстетического эффекта.

2. При переводе итальянских песен также были произведены многочисленные грамматические замены.

2.1. В переводе присутствует замена форм слова, например:

La folla va in delirio,	Толпа не понимает –
Vedendo quel torero	Такого не бывает:
***Accarezzare** il toro*	Он вдруг быка **погладил**,
E poi dormirci su.	Улегся на него.

Вместо инфинитива глагола *accarezzare* в переводе используется форма глагола *погладить* 3 лица единственного числа из-за отсутствия в русском языке конструкции *accusativo con infinito*, которая активно используется в итальянском языке после глаголов чувственного восприятия.

2.2. Также в переводе встречаются замены частей речи, например:

Mi hai dato un gatto bianco	Ты белого котенка
*Ed **io non ci sto più**.*	Принес, **но так нельзя.**

Пример показывает, что вместо отрицательной формы глагола *stare* в форме 1-го лица единственного числа в русском переводе использовано слово *нельзя*, представляющее собой отсутствующую в итальянском языке часть речи – категорию состояния. Замена части речи обусловлена различиями грамматического строя итальянского и русского языков.

2.3. В переводе используются замены членов предложения и членение предложения, например:

È buono e sottomesso,	Был бык и зол, и страшен –
Quel toro grande e grosso	Теперь он не опасен**.**
Che fa da materasso	**И** спит, как на матрасе,
***Al** grande **matador**.*	Великий **матадор**.

Как следует из этого примера, слово *matador* в оригинальном тексте имело функцию

дополнения, а в переводе на русский *матадор* – подлежащее. Замена членов предложения вызвана необходимостью сохранить ритм и вместе с тем поместить в центр высказывания действующее лицо в русском предложении. Членение исходного сложного предложения в переводе путем деления на две части обусловлено аналогичными соображениями и позволяет облегчить восприятие переводного текста на слух.

2.4. В русском переводе можно выделить такую трансформацию, как объединение предложений, например:

Era allegro e sincero,	Он и добрым был, и верным,
Presuntuoso? No davvero!	**Вовсе не высокомерным**.

Объединение предложений обусловлено необходимостью воссоздания рифмо-ритмической структуры оригинальной песни средствами русского языка. Объединение также позволяет избежать трудностей, связанных с восприятием на слух использованной в исходном тексте вопросно-ответной формы изложения.

3. Кроме того, в переводе присутствуют комплексные лексико-грамматические трансформации.

3.1. В числе комплексных трансформаций используется экспликация, например:

Non sembra darsi pena,	*Без страха, не робея,*
***Va** con tranquillità.*	***Идет на бой с быком***.

В данном фрагменте при переводе на русский язык форма глагола *va* (*рус.* идет) эксплицируется в целях создания подробного описания ситуации для детской аудитории.

3.2. В некоторых случаях при переводе песен применяется компенсация, например:

Ma Giulietta un certo giorno	Как-то раз приходят вести,
Si guardò ben bene intorno	**Что ходил с Джульеттой вместе**
E trovò sopra l'acquaio	**На прогулку в прошлый вторник**
Un simpatico cucchiaio.	**Обаятельный половник**.

Как видно из примера, в русском тексте отсутствует буквальный перевод фрагмента предложения во второй, третьей и четвертой строках, который выглядел бы как *[Джульетта] хорошенько осмотрелась вокруг и обнаружила над раковиной милую ложку*. Эти строки в переводе подверглись комплексной лексико-грамматической трансформации: три строки оригинала были опущены и компенсированы в переводе путем воссоздания ситуации знакомства с Ромео на прогулке. Отсутствие буквального перевода обусловлено его неблагозвучностью и ритмическим несоответствием оригиналу. Использование компенсации предполагает опущение исходной лексики и грамматической структуры и их воссоздание иными средствами в тексте перевода [Комиссаров, 1990].

3.3. Отметим случаи использования антонимического перевода, например:

*È **buono e sottomesso***	Был бык и зол, и страшен –
Quel toro grande e grosso.	Теперь он **не опасен**.

Из примера следует, что прилагательные *buono e sottomesso* (*рус.* добрый и послушный) переведены на русский язык с помощью антонима *не опасен*, что позволяет сохранить исходный ритм и создать рифму в переводе.

3.4. В переводе также присутствуют такие трансформации, как перемещение и добавление, например:

Col colbacco e gli stivali	В **теплых** валенках и шапках
Camminando tutti in fila	**Сквозь сугробы по колено**
Con la neve a mezza gamba	***Продолжает ровным строем***
Vanno verso il fiume Don.	Путь к **могучей** реке Дон.

Как следует из приведенного фрагмента, в переведенном тексте порядок действий во второй и третьей строках изменен для сохранения ритма и рифмы. Эпитеты *теплых* и *могучей* отсутствуют в оригинале и добавлены в текст перевода для сохранения исходного ритма и создания коммуникативного эффекта, аналогичного воздействию оригинального текста.

3.5. Кроме того, при переводе на русский язык неоднократно использован прием опущения, например:

Qui si racconta la favoletta
Звезда банкета, мечта поэта,

Di una forchetta di nome Giulietta.
Гроза котлет – это вилка Джульетта.

Из данного примера следует, что в переводе припева опущено слово *favoletta* (*рус.* сказочка), а содержание фрагмента изменено из ритмических соображений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникающие при переводе поэтических текстов трудности возможно преодолеть с помощью различных переводческих трансформаций. Отметим, что при осуществлении перевода задачей автора было ориентировать перевод на детскую аудиторию, что в большинстве случаев подразумевало следование стратегии доместикации во избежание неблагозвучности и ритмического несоответствия оригиналу. В рассматриваемом переводе песен *Zecchino d'oro* на русский язык нашли применение такие приемы перевода, как транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены, а также грамматические и комплексные лексико-грамматические трансформации, позволившие сохранить поэтическую форму оригинала в переводе и воссоздать необходимое эстетическое воздействие на читателя.

Исследования поэтических переводов итальянских песен представляют перспективу дальнейших исследований, поскольку в настоящее время появляется множество подобных произведений, требующих от переводчика специальной подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Исломов Д. Ш. Поэтические формы как культуроведческий компонент при обучении иностранному языку // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 1. С. 1–6.
2. Самородин Г. В. Структурно-содержательная модель лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. С. 130–150.
3. Говорухо Р. А., Токарева А. Л. Рецензия на книгу: Сальмон Л. Теория перевода. М.: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2020. 368 с. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 6–2. С. 298–306.
4. Викулова Л. Г. [и др.]. Коммуникация. Теория и практика : учебник / Л. Г. Викулова, М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова, И. В. Макарова. М.: ВКН, 2020.
5. Никитюк А. Г. Солнечная страна. Сборник песен. М.: Print Item. 2019. С. 3–20.
6. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода (коммуникативно-функциональный подход). М.: Издательство ВКН, 2019.
7. Магомедзагиров Р. Г. Методы и принципы поэтического перевода. Переводческие преобразования при переводе поэзии // Русистика. 2016. № 4. С. 100–108.
8. Денина О. О. Использование переводческих трансформаций для достижения адекватности перевода // Вестник ОГУ. 2015. № 11 (186). С. 186–189.
9. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И., Осипова А. А. Библейский перевод и проблема транскультурации: репрезентация реалий для исламской аудитории // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2017. №3. С. 359–368.
10. Романенко Е. А. Проблемы перевода поэтических текстов // Наука и образование сегодня. 2017. № 8 (19). С. 42–43.
11. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.
12. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
13. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980.
14. Venuti, L. The Translator's Invisibility. London; New York : Routledge, 2008. 2nd edition.
15. Данилова В. А. Механизмы передачи фразеологических единиц в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [На материале перевода Дарио Морейра Кастро Алвеса на португальский язык] // Litera. 2021. № 7. С. 90–98.

REFERENCES

1. Islomov, D. S. (2015). Poeticheskie formy kak kul'turovedcheskij komponent pri obuchenii inostrannomu yazyku = Poetic forms as a cultural component in the teaching of a foreign language. Science. Thought: electronic periodic journal. 1, 1–6. (In Russ.)
2. Samorodin, G. V. (2021). Strukturno-soderzhatel'naya model' leksiko-semanticheskogo polya "chrezvychajnaya situaciya" v diskurse SMI Germanii = The structural and content model of the lexical-semantic field "emergency situation" in the discourse of the German media. Crede Experto: Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 3, 130–150. (In Russ.)

3. Govorukho R. A., Tokareva A. L. (2022). Retsenziya na knigu: Salmon L. Teoriya perevoda = Book review: Salmon L. Translation theory. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 2020. 368 s. RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", 6–2, 298–306. (In Russ.)
4. Vikulova, L. G. et al. (2020). Kommunikaciya. Teoriya i praktika : uchebnik = Communication. Theory and practice: a textbook / L. G. Vikulova, M. R. Zheltuhina, S.A. Gerasimova, I.V. Makarova. Moscow: VKN. (In Russ.)
5. Nikityuk, A. G. (2019). Solnechnaya strana. Sbornik pesen = Sunny land. Collection of songs. Moscow: Print Item, 3–20. (In Russ.)
6. Sdobnikov, V. V., Kalinin, K. E., Petrova, O. V. (2019). Teoriya perevoda (kommunikativno-funkcional'nyj podhod) = Theory of translation (communicative-functional approach). Moscow: VKN. (In Russ.)
7. Magomedzagirov, R. G. (2016). Metody i principy poeticheskogo perevoda. Perevodcheskie preobrazovaniya pri perevode poezii = Methods and principles of poetic translation. Translation transformations in the translation of poetry. Rusistika, 4, 100–108. (In Russ.)
8. Denina, O. O. (2015). Ispol'zovanie perevodcheskih transformacij dlya dostizheniya adekvatnosti perevoda = Using translation transformations to achieve adequate translation. Vestnik OSU. 11 (186), 186–189. (In Russ.)
9. Huhuni, G. T., Valujceva, I. I., Osipova, A. A. (2017). New testament realia for Islamic reader: the problem of representation. Polylinguality and Transcultural Practices, 3, 359–368. (In Russ.)
10. Romanenko, E. A. (2017). Problemy perevoda poeticheskih tekstov = Problems of translation of poetic texts. Science and education today. 8 (19), 42–43. (In Russ.)
11. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (Linguistic aspects): manual for institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Vysshjaj shkola. (In Russ.)
12. Barhudarov, L. S. (1975). Yazyk i perevod = Language and translation: Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russ.)
13. Min'yar-Beloruchev, R. K. (1980). Obshchaya teoriya perevoda i ustnyj perevod = General theory of translation and interpretation. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
14. Venuti, L. (2008). The Translator's Invisibility. London. 2nd edition. New York: Routledge.
15. Danilova, V. A. (2021). Mekhanizmy peredachi frazeologicheskih edinic v romane A. S. Pushkina «Evgenij Onegin» [Na materiale perevoda Dario Morejra Kastro Alvesa na portugal'skij yazyk] = Mechanisms of transfer of phraseological units in the novel A. S. Pushkin «Eugene Onegin» [On the material of translation of Dario Moreira Castro Alves into Portuguese]. Litera, 7, 90–98. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилова Василиса Андреевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры романских языков и лингводидактики института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

Никитюк Александр Георгиевич

старший преподаватель
кафедры романских языков и лингводидактики института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danilova Vasilisa Andreevna

PhD (Philology)
Senior lecturer at the Department of Romance Languages and Linguodidactics
Institute of Foreign languages, Moscow City University

Nikitiuk Aleksandr Georgievich

Senior lecturer at the Department of Romance Languages and Linguodidactics
Institute of Foreign languages, Moscow City University

Статья поступила в редакцию	12.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'255

Способы передачи случайных лакун при переводе художественного текста с китайского языка на русский

В. В. Кирпикова

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия
kirpikovavita@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования, посвящённого анализу способов перевода случайных лакун с китайского языка на русский. Данное исследование направлено на выявление наиболее адекватных способов перевода подобной лексики с китайского языка. Материалом исследования послужил оригинальный текст повести Янь Гэ-лин «Тринадцать женщин Цзиньлина».

Ключевые слова: перевод, исходный язык, переводящий язык, безэквивалентная лексика, случайные лакуны, виды перевода

Для цитирования: Кирпикова В. В. Способы передачи случайных лакун при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (887). С. 38–44.

Original article

Ways to Translate Accidental Gaps in a Literary Text from Chinese into Russian

Vitaliya V. Kirpikova

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia
kirpikovavita@gmail.com

Abstract. This article presents the results of the study focusing upon the methods for accidental lacunae translation from Chinese into Russian. This study is aimed at identifying the most adequate ways to translate that kind of vocabulary from Chinese. The research material was the original text of Yan Ge-ling's story "The Thirteen Women of Jinling."

Keywords: translation, source language, translating language, non-equivalent vocabulary, accidental gaps, translation techniques

For citation: Kirpikova, V. V. (2024). Ways to translate accidental gaps in a literary text from Chinese into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 38–44. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одна из основных проблем переводчика при передаче текста с исходного языка (ИЯ) на переводящий язык (ПЯ) – это несовпадение круга значений, свойственных лексическим единицам в данных языках. Значительные трудности при переводе вызывает безэквивалентная лексика (далее – БЛ), особенно когда переводчику необходимо заполнить не только семантическую, но и стилистическую «пустоту», т. е. передать не только референциальное, но и прагматическое значение. Не существует двух языков, в которых лексические единицы совпадали бы во всем объеме референциальных значений. Несмотря на почти полное соответствие объектов действительности в разных культурах, способы их выражения нередко расходятся. Л. С. Бархударов выделяет три основных типа семантических соответствий: полное соответствие, частичное соответствие и отсутствие соответствия [Бархударов, 1975]. БЛ входит в последнюю группу и включает в том числе случайные лакуны, о которых речь пойдет ниже.

Под БЛ подразумеваются лексические единицы одного языка, не имеющие ни полного, ни частичного эквивалента среди лексических единиц другого языка [Бархударов, 1975]. Некоторые ограничиваются отсутствием точных/регулярных соответствий [Швейцер, 1988; Комиссаров, 1990]. Другие имеют в виду отсутствие переводческих эквивалентов, не уточняя степень полноты [Влахов, Флорин, 1980].

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Отсутствие соответствия не означает невозможность перевода БЛ [Бурыкин, 2015]. Для этого имеется пять общеизвестных приемов: транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод и трансформационный перевод (см., например, [Бархударов, 1975]).

БЛ обнаруживаются в основном среди неологизмов, слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, малоизвестных имен и названий, для которых переводчику приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода:

1) заимствования, создаваемые с помощью транскрибирования или транслитерации;
2) кальки;
3) аналоги, формируемые путем поиска ближайшей по значению единицы ПЯ для безэквивалентной единицы ИЯ;
4) лексические замены, создаваемые при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций;
5) описание, используемое при невозможности создать соответствие указанными выше четырьмя способами [Комиссаров, 1990].

Л. С. Бархударов ограничивает окказиональные эквиваленты теми, которые образованы с помощью транскрипции, калькирования и описательного перевода [Бархударов, 1975]. Автор отмечает, что окказиональные эквиваленты нередко переходят в разряд узуальных и в дальнейшем входят в словарный состав ПЯ.

ФЕНОМЕН ЛАКУНАРНОСТИ СЛУЧАЙНЫЕ ЛАКУНЫ

Термин «лакуна» определяется как отсутствие соответствующих лексических единиц в другом языке, обусловленное культурными различиями или неожиданными пробелами в языковых отношениях [Бархударов, 1975; Кристалл, 2011; Глазачева, 2005; Кравец, 2018].

Ознакомившись с различными классификациями лакун [Муравьев, 1980; Антипов и др., 1989; Степанов, 2003], мы в данном исследовании будем выделять:

1) грамматические лакуны (лексические единицы, появляющиеся как следствие отсутствия определенных синтаксических конструкций и грамматических категорий и средств в ПЯ при их наличии в ИЯ);
2) лексические лакуны (лексические единицы ИЯ, не имеющие лексического эквивалента в ПЯ);
3) этнографические лакуны (лакуны, возникающие в результате отсутствия в культуре ПЯ тех или иных вещей, явлений, объектов);
4) особые местоимения и обращения (лексические единицы китайского языка, не имеющие эквивалента в русском, указывающие на человека и имеющие особое прагматическое либо добавочное референциальное значение).

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужил оригинальный текст повести Янь Гэ-лин «金陵十三钗» («Тринадцать женщин Цзиньлина» / «Цветы войны»), впервые опубликованной в 2007 году (на русском языке повесть издана не была). В 2011 году была выпущена экранизация, фильм переведен на

русский язык, однако перевод экранизации в данном исследовании не использовался.

Оригинальный текст переводился на русский язык с применением программы OmegaT, системы автоматизированного перевода, поддерживающей память переводов. Возможности программы включают в себя сегментацию исходного текста, использование точных и неточных иноязычных соответствий уже переведенным фрагментам, использование словарей, а также поиск контекстов в базах данных переводов.

В ходе исследования отбирались узкие контексты (части текста в пределах одного или нескольких предложений) оригинального произведения, представляющие трудности при передаче с ИЯ на ПЯ. Всего было выделено 519 сегментов, из них 26 содержат случайные лакуны: 2 грамматические, 4 этнографические, 5 лексических, 15 особых местоимений и обращений (см. табл. 1).

Таблица 1

ВИДЫ ЛАКУН

Виды	Количество (в абсол. ед.)	Количество (в %)
Грамматические	2	7,69
Этнографические	4	15,38
Лексические	5	19,23
Особые местоимения и обращения	15	57,69

При переводе данных лакун были использованы такие приемы как приближенный перевод, калькирование, трансформационный и описательный виды перевода. Данные методы передачи референциальных значений часто пересекались с приемами генерализации и компенсации. Результаты подсчетов представлены в таблице 2.

Таблица 2

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СЛУЧАЙНЫХ ЛАКУН

Способ перевода	Количество (в абсол. ед.)	Количество (в %)
Приближенный перевод	13	50
Калькирование	9	34,62
Трансформационный перевод	2	7,69
Описательный перевод	2	7,69

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЛАКУН

Как уже было сказано выше, грамматические лакуны – это лексические единицы, не имеющие эквивалента в ПЯ, что обусловлено грамматическими особенностями ИЯ. При переводе исходного текста с китайского языка на русский трудности вызвали лакуны, связанные с особенностями словообразования в китайском языке. Например:

(1) 她享受着被孤立者的自由。 – Теперь она могла наслаждаться той свободой, которая бывает только у отверженных.

Лексическая единица 孤立者 не имеет буквального перевода – она является отглагольным существительным, образованным от глагола 孤立 / *быть отрезанным от всех, быть одиноким* с помощью суффикса 者, обозначающего лиц, принадлежащих к той или иной профессии или категории. Таким образом, рассматриваемое слово подразумевает под собой человека, по каким-то причинам обособленного, изолированного от общества. Следовательно, в данном случае возможно применить метод приближенного перевода и использовать существительное «отверженный», которое обозначает человека, изгнанного из общества, всеми презираемого, избегаемого, хотя оно не является полным синонимом исходной лексической единицы.

Показательным является и следующий пример:

(2) 她心里还在怨恨，在想，世上不值钱不高贵的生命都耐活得很，比如眼前这群卖笑女人，而高贵者如戴少校，都是命定早亡，并死得这般惨烈。 – В глубине души она все еще была безумно зла, думая, что никчемные жалкие люди, вроде этих продажных женщин, стоящих перед ней, живут очень хорошо на этом свете, в то время как ***благородным людям***, вроде майора Дая, суждено умереть рано и трагично.

В примере (2) случайная лакуна 高贵者, как и в примере (1), содержит суффикс 者 и является существительным, образованным от прилагательного 高贵 / *высокий, возвышенный, чтимый, уважаемый*. Здесь подразумевается человек высоких моральных качеств, уважаемый и почитаемый обществом. В связи с тем, что в русском языке полный эквивалент отсутствует, можно использовать калькирование. Основу данного термина 高贵 можно передать контекстуальным синонимом ‘благородный’, а суффикс существительного 者 – обобщением ‘человек, люди’.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЛАКУН

Этнографические лакуны считаются разновидностью культурологических лакун, обусловленных отсутствием реалий, характерных для одной

культуры, в другой культуре [Марковина, Сорокин, 2010]. Они могут вызвать значительные трудности при переводе текста с китайского языка на русский из-за больших различий в культуре и менталитете носителей. Рассмотрим следующий пример:

(3) 仓库已经不是仓库了，是一条地下花船，到处铺着她们的红绿被褥，狐皮貂皮，原先挂香肠火腿的钩子空了，上面包上了香烟盒的锡纸，挂上了五彩缤纷的绿中、纱巾、乳罩、肚兜……四个女人围着一个酒桶站着，上面放着一块厨房的大案板，稀里哗啦地搓麻将。 – Подвал перестал быть обычным подвалом, он превратился в одну из прогулочных лодок, что плавали по реке Циньхуай: повсюду были разложены ***красные*** и ***зеленые*** тюфяки и одеяла, развешаны соболиные и лисьи меха. Крюки, на которых обычно висели сосиски и окорока, были обмотаны сигаретной фольгой и заполнены разноцветными газовыми платками, бюстгальтерами, дудоу … Четыре женщины, стояли у винной бочки, поверх которой лежала разделочная доска, и оживленно играли в маджонг.

Лакуна 红绿 означает «красный и зеленый цвета» – цвета мужской и женской сил природы ян и инь. Именно это образное значение является в рассматриваемом примере основным. Согласно контексту женщины работают в доме терпимости, и постельное белье, которое описывается лексической единицей 红绿, используется для определенных целей. Однако передать средствами русского языка это значение не представляется возможным, поэтому нами использован метод калькирования и переводческий комментарий.

Отдельно отметим случаи, когда одна и та же этнографическая лакуна имеет разный перевод в зависимости от контекста:

(4) 埋尸队队员在门外提高了嗓音：“鬼子随时回来！来了他没命，我也没命了！ – «Эти ***черти*** вернутся в любой момент! – возмутился солдат из похоронного отряда. – Они не пощадят ни его, ни меня!»

В китайском языке слово 鬼子 обладает несколькими значениями. Одно из них имеет соответствие в русском языке, относится к бранной лексике и может переводиться как «чёрт, дьявол». В примере (4) оно имеет тот же стилистический регистр, но используется в ином значении – выражает презрительное отношение к иностранцу, человеку другой расы. В данном случае для передачи этой лексической единицы можно использовать метод калькирования и перевести ее буквально, так как из контекста читателю понятно, что автор подразумевает японских солдат, к которым в китайском обществе в описываемые в повести времена было крайне отрицательное отношение. В следующем примере эту же лексическую единицу можно передать с помощью трансформационного перевода:

(5) 埋尸人的嗓音又响起来：“那边有鬼子过来了！骑马的！“ – Снова послышался голос могильщика из похоронного отряда: «Там ***япошки***! Едут верхом!»’

Поскольку из языкового контекста русскоязычному читателю непонятно, кого подразумевает автор, необходимо прибегнуть к применению метода трансформационного перевода, сохраняя при этом прагматику, заложенную в исходном слове. Используя слово *япошки,* мы не только разъясняем читателю авторский замысел, но и сохраняем то пренебрежение и презрение, которое демонстрируется в произведении.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЛАКУН

Согласно таблице 1, лексические лакуны занимают второе место по частотности и составляют 19.23 % от всех лакун, выявленных в процессе перевода исходного текста. Проанализируем примеры.

(7) 长到十三岁所有的不遂心不如意都在这一刻发作，包括她父母的偏心眼，把她当“狗剩儿” 扔在没吃没喝的半塌的教堂院子里，还让这个吃里爬外的陈乔治背叛，让这些邪女人欺负…… – В тринадцать лет на нее навалились всевозможные беды: из-за своей предвзятости к дочери родители бросили ее как ненужный балласт, оставив без еды и воды в полуразрушенной церкви, где эти ведьмы издеваются над ней, а подлец, Джордж Чень, предает…

Лексическая единица 狗剩儿 не имеет буквального перевода, однако ясно, что она используется в отрицательном значении, подразумевая ненужные остатки еды, а в переносном значении указывая на уцелевшего, выжившего в какой-либо катастрофе человека. В примере (7) она применяется в первом значении и для ее передачи средствами ПЯ необходим метод приближенного перевода – замена на частично синонимичное русское выражение *ненужный балласт*, которое передает отрицательное прагматическое значение, чрезвычайно важное в данном контексте.

При работе с исходным текстом отмечались такие лексические лакуны, передача референциальных значений которых на русский язык

оказалась невозможна, поэтому они были переданы с помощью сохранения их прагматической направленности приемом компенсации:

(8) "这个骚人动手动脚！"她指着推她的阿顾说。"
阿顾吼道："哪个动你了？！"
"就你个挡炮子的动老娘了！"她把胸脯拍得直哆嗦。
阿顾反口道："动了又怎样？别人动得我动不得？" –
«Эта сволочь меня лапает!» – кричала она, показывая на А-гу.
«Да когда это я тебя лапал?!» – завопил А-гу в ответ.
«Ты же ***нагло обжимаешь меня***!» – продолжала она, стуча себя в грудь.
«Ну, тронул я тебя, и что? – огрызнулся в ответ А-гу, – Другим можно, а мне нельзя?»

Лексическая единица 挡炮子 является бранным словом, означающим использование человека на поле боя в роли пушечного мяса. У этой лексической единицы нет буквального перевода, и в данном случае оно подразумевает, что к женщине прикасается нечто сопоставимое по степени неприятия с пушечным мясом. Однако передать референциальное значение данного выражения невозможно, так как в русском языке не существует ни полного, ни частичного синонима данному образному выражению. Но поскольку оно относится к сниженному пласту лексики в тексте перевода его можно отразить с помощью приема компенсации, чтобы сохранить прагматическое значение, т. е. использовать сниженную лексику в других частях предложения – *нагло обжимаешь меня*.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ОСОБЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И ОБРАЩЕНИЙ

В настоящем исследовании была выделена отдельная группа лакун – особые местоимения и обращения. К данному виду лакун мы отнесли лексические единицы китайского языка, не имеющие эквивалента в русском, указывающие на человека и имеющие особое прагматическое либо добавочное референциальное значение. Например:

(9) 呢喃，你那个开宰鸭场的吴老板呢？ – 'Нинань, а как же этот твой ***господин*** У, который уток разделывает?'

Слово 老板 буквально переводится как 'босс, хозяин, владелец лавки или магазина'. В данном контексте подразумевается хозяин мясной лавки по фамилии У. Передать референциальное значение данной лексической единицы средствами русского языка вполне возможно, например, *босс У* или *хозяин У*, однако в рамках рассматриваемого произведения такое сочетание слов будет звучать странно и неуместно. В данном случае можно использовать метод приближенного перевода и заменить буквальное значение частичным синонимом *господин*, а в остальном положиться на контекст, из которого читатель и сможет понять, что человек, о котором идет речь, владеет мясной лавкой.

В ходе анализа исходного текста были отмечены случаи, когда при переводе подобных лакун приближенный либо трансформационный перевод пересекались с приемом генерализации. Например:

(10) "教堂里的厕所是你们用的吗？"法比说："那是给做弥撒的先生太太小姐少爷用的！" – 'Так вы пользуетесь туалетом в храме? – возмутился Фабий. – Им могут пользоваться только те, кто приходят на мессу, – ***благородные дамы и господа***! '

В данном примере автор использует сразу четыре особых обращения: 先生 **–** господин (вежливое обращение к мужчине, используется отдельно или вместе с фамилией), 太太 – госпожа (вежливое обращение к замужней женщине), 小姐 – барышня, госпожа (вежливое обращение к незамужней девушке) и 少爷 – молодой господин (обращение к сыну богатой или знатной семьи). В данном контексте эти обращения подразумевают членов аристократических семей, и, в связи с тем, что в тексте перевода невозможно полностью передать референциальные значение отдельных из перечисленных слов, следует использовать прием приближенного перевода совместно с методом генерализации – *благородные дамы и господа*.

В некоторых случаях особые обращения могли быть переданы в ИЯ по-разному в зависимости от контекста. Например:

(11) 他还看到她这二十五岁错过的千万个做女教师、女秘书、少奶奶、贵妇人的可能性。 – Эта двадцатипятилетняя женщина легко могла бы стать учительницей, секретарем, ***невесткой в уважаемой семье*** или дамой из высшего света.

Лексическую единицу 少奶奶 можно перевести как *молодая госпожа,* однако в примере (11) она подразумевает сноху главы знатной или богатой семьи. Чтобы передать значение лакуны, уместно использовать описательный перевод, выбор которого обусловлен контекстом и призван объяснить читателю понятие, подразумеваемое лакуной 少奶奶. В примере (12) эта же лакуна переводится с помощью приближенного перевода:

(12) 张少奶奶在丈夫世祧的西装内兜里发现了一张旅店经理的名片，苦想不出世祧去旅店做什么。– 'Во внутреннем кармане пиджака своего мужа молодая госпожа Чжан нашла визитку менеджера гостиницы и долго ломала голову над тем, почему Ши-тяо ходил туда'.

Здесь лексическая единица 少奶奶 является обращением к женщине и ставится после ее фамилии, следовательно, использовать описательный перевод не возможно. Необходимо использовать приближенный перевод – *молодая госпожа*. Также допустим переводческий комментарий, чтобы пояснить читателю статус молодой госпожи Чжан в семье.

При переводе многих лакун данного типа возникали проблемы, связанные не только с передачей референциального, но и прагматического значения. Наличие специфического прагматического значения либо добавочного референциального является основной особенностью данного класса лакун. Например:

(14) 一个圆滚滚的女人说："美国大使馆里我有个熟人，原来答应我们藏到那里头，昨天夜里又反悔了。不收留我们了！姑奶奶白贴他一场乐呵！" – 'У меня есть знакомый в американском посольстве. Он обещал пустить нас туда, но вчера ночью передумал, – сказала девушка с пухлыми формами, – не спрятал нас! А ***я этого гада*** еще и обслуживала бесплатно! '

В примере (14) лексическая единица 姑奶奶 также имеет значение *я*, однако это исключительно женское местоимение, используемое в тех случаях, когда женщина возвышает себя над собеседником, показывает свое пренебрежительное к нему отношение. Референциальное значение возможно передать с помощью калькирования, прагматическое – с помощью компенсации, как и в предыдущем примере. Нейтральное местоимение 他 / *он* можно заменить на бранное *гад*, показав пренебрежение и презрение женщины к этому человеку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. При переводе исходного текста с китайского языка на русский трудности вызвали грамматические лакуны, связанные с особенностями словообразования в китайском языке. Для передачи данного вида лакун использовались методы приближенного и описательного перевода.
2. При переводе этнографических лакун чаще всего использовался методы калькирования и переводческого комментария, что обусловлено в основном различиями в культуре носителей ИЯ и ПЯ.
3. Для передачи лексических лакун чаще всего использовался метод приближенного перевода, т. е. замена исходной лексической единицы на частичный синоним, а также метод компенсации при отсутствии у лакуны хотя бы частичного синонима в ПЯ.
4. Особые местоимения и обращения передавались в основном с помощью перекрестного использования методов приближенного перевода и компенсация, так как большинство лакун данного вида имеют добавочные референциальные или прагматические значения.

Полученные в ходе исследования выводы позволят сформировать представление о взаимодействии в процессе перевода двух языков, относящихся к разным языковым семьям, а также выработать эффективные методы перевода лакунарной лексики, которая встречается не только в художественной литературе, но и в других видах текстов. Результаты данного исследования, а также использованные нами примеры могут найти широкое применение в преподавании теоретического и практического курсов китайского языка, а также теории и практики перевода письменного текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
5. Бурыкин А. А. Еще о непереводимом в переводе, или если нельзя, но очень хочется – то можно! Опыт работы над английским переводом песни А. Городницкого «Перекаты» (к 55-летию написания русского текста) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Т. 1. № 4. С. 105–111.
6. Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. Blackwell Publishing, 2011.

7. Глазачева Н. Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации // Лакуны в языке и речи: сборник научных трудов. 2005. Вып. 2. С. 31–34.
8. Кравец А. О. Теоретические основы рассмотрения лакун // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 3. С. 414–421.
9. Муравьев В. Л. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии русского и французского языков. Владимир: ВГПИ, 1980.
10. Антипов Г. А. [и др.] Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск: Наука, 1989.
11. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
12. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учебное пособие. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010.

REFERENCES

1. Barkhudarov, L. S. (1975). Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) = Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). Moscow : Mezhdunarodn·yye otnosheniya Press. (In Russ.)
2. Shveytser, A. D. (1988). Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Translation theory: Status, problems, aspects. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
3. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty) = Theory of translation (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
4. Vlakhov, S., Florin, S. (1980). Neperevodimoye v perevode = Untranslatable in translation. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Press. (In Russ.).
5. Burykin, A. A. (2015). Again about untranslatable in translation or if it is forbidden but mostly desirable – then it is possible! Or the experience of translating A. Gorodnitskiy's bard song "Rifts" (to the 55th anniversary of the Russian words of the song). Theoretical and Applied Linguistics, 1(4), 105–111. (In Russ.)
6. Crystal, D. (2011). A dictionary of linguistics and phonetics. Blackwell Publishing.
7. Glazacheva, N. L. (2005). Lakuny i teoriya mezhkul'turnoj kommunikacii= Gaps and the theory of intercultural communication. Lakuny v yazyke i rechi: sbornik nauchnykh trudov, 31–34. (In Russ.).
8. Kravets, A. O. (2018). Theoretical bases of review of lacunae. Theoretical foundations for considering gaps. Scientific bulletins. Series Humanities, 37(3), 414–421. (In Russ.).
9. Murav'ev, V. L. (1980). Problemy vozniknoveniya ehtnograficheskikh lakun: posobie po kursu tipologii russkogo i francuzskogo yazykov. = Problems of the emergence of ethnographic gaps: a textbook on the course of typology of the Russian and French. Vladimir: VGPI Press. (In Russ.)
10. Antipov, G. A. et al. (1989). Tekst kak yavleniye kul'tury = Text as a cultural phenomenon / G. A. Antipov, O. A. Donskikh, I. Yu. Markovina, Yu. A. Sorokin. Novosibirsk: Nauka Press. (In Russ.).
11. Stepanov, Yu. S. (2003). Frantsuzskaya stilistika (v sravnenii s rus-skoy) = French stylistics (in comparison with Russian): training manual. Moscow : Yeditorial URSS Press. (In Russ.).
12. Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2010). Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu = Culture and text. Introduction to lacunology: training manual. Moscow: GEHOTAR-Media Press. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирпикова Виталия Вадимовна

аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета
Амурского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirpikova Vitaliya Vadimovna

PhD Student of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology, Amur State University

Статья поступила в редакцию	12.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.511.141

Интерференция словацкого языка в языке венгерского меньшинства

И. Е. Коптелова

Дипломатическая академия МИД России Москва, Россия
ms.koptelova@list.ru

Аннотация: За 100 лет проживания после Трианонского договора (1920) на землях, отошедших другой стране, в языке венгерских меньшинств Словакии стали появляться некоторые особенности, вызванные интерференцией словацкого языка. Они наблюдаются на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Основные заимствования из словацкого языка обнаруживаются на лексическом уровне, в виде прямых и непрямых заимствований. Также часто встречаются заимствования-кальки.
Заимствования на морфологическом и синтаксическом уровнях не столь многочисленны, но они есть и, вероятно, будут фиксироваться и дальше.

Ключевые слова: венгерский язык, кальки, аффиксы, сложные слова, агглютинативный язык

Для цитирования: Коптелова Ирина Евгеньевна. Интерференция словацкого языка в языке венгерского меньшинства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 45–50.

Original article

Interference of Slovak Language among Hungarian Minority

Irina E. Koptelova

Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Moscow, Russia
ms.koptelova@list.ru

Abstract: For 100 years since signing the Trianon Treaty (1920) the Hungarian minority in Slovakia has been leaving in a foreign state and has begun to develop some features caused by the interference of the Slovak language. Such features can be seen at the phonological, morphological, syntactic and lexical levels. The main borrowings from the Slovak language are observed at the lexical level, in the form of direct and indirect borrowings. Loan-calques are also common. Borrowings at the morphological and syntactic levels are not so numerous, but they exist and will probably continue to be recorded.

Keywords: the Hungarian language, calques, affixes, compound words, agglutinating language

For citation: Koptelova, I. E. (2024). Interference of Slovak language among Hungarian minority. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 45–50. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война закончилась в 1918 году поражением центральных держав на Западном фронте. На Парижской мирной конференции 1920 года Венгрия была вынуждена подписать Трианонский договор. Державы Антанты, победившие в войне, учитывали политические, стратегические и экономические интересы новой страны-союзника, Чехословакии. Поэтому государственная граница между Венгрией и Чехословакией была проведена южнее венгерско-словацкой языковой границы. В результате в состав вновь созданного государства вошли территории, называемые Верхней Венгрией (венг. *Felvidék*), на которых проживало преимущественно венгерское население, а словаки стали доминирующей этнической группой в восточной половине нового государства.

Со времени создания нового государства и по сегодняшний день венгры – крупнейшее этническое меньшинство в Словакии. По результатам последней переписи населения Словакии (2021) их количество уменьшилось, но, тем не менее, 456 154 человека (т. е. 8,37 % населения) относят себя к венгерскому этносу, а 462 175 человек (т. е. 8,48 % населения) называют венгерский язык своим родным языком [Results of the 2021 Population Census]. Словацкие венгры в основном проживают в сельской местности и небольших городках на юге Словакии, недалеко от границы с Венгрией. Они составляют абсолютное большинство (70–80 %) в двух районах: Комарно (венг. *Komárom*) и Дунайска Стреда (венг. *Dunaszerdahely*). Количество этнических венгров в других районах вдоль южной границы варьируется: их много от Филякова (венг. *Fülek*) до Рожнявы (венг. *Rozsnyó*) и в районе Кралёвски Хльмеца (венг. *Királyhelmec*), который находится на границе с Украиной и географически относится региону Токай.

Не вдаваясь в бурную историю последних 100 лет, можно констатировать, что к настоящему времени на территории проживания венгров в Словакии сложилась реальная многоязычная коммуникация. Имеется в виду коммуникация людей, чьи родные языки различны. Однако каждый из этнических собеседников способен говорить не только на своем языке, но также владеет языком своего географического «соседа». К этому же типу многоязычной коммуникации относится и «рецептивное понимание», т. е. такой способ общения, когда собеседники используют при общении каждый свой родной язык, но, тем не менее, они способны понять высказывания на языке того, с кем общаются [Sándorová, Vančo]. В то же время билингвизм венгерского населения Словакии приводит к появлению языковой интерференции. Она выражается в том, что нормы одного языка (словацкого) накладываются на нормы другого языка (венгерского) и искажают их [ЛЭС, 2002]. Сам термин «интерференция» был предложен в рамках Пражского лингвистического кружка [Самохина,2018]. Явления, возникающие в результате эффекта интерференции, называются «интерференционными явлениями». Лингвистические последствия интерференции представляют собой лингвистические заимствования на всех уровнях языковой системы, прежде всего, на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях [Lanstyák, 2011]. Явление интерференции славянских языков в венгерском языке рассматривалось различными исследователями как в самой Венгрии, так и теми, кто проживает и работает в соседних странах. Особый интерес вызывают работы Золтана Андраша (András Zoltán) и Миклоша Контры (Kontra Miklos), Юлианны и Габора Лёринц (Lőrincz Julianna; Lőrincz Gábor), Илдико Ванчо (Vančo Ildikó) и Иштвана Козмача (Kozmács István), Иштвана Ланштяка (Lanstyák István) и Гизеллы Сабомихай (Szabómihály Gizella) и других.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Цель данного исследования – рассмотреть некоторые интерференционные явления в языке этнических венгров, проживающих на территории Словакии. Объектом исследования являются грамматика и лексика венгерского языка, а предметом исследования – изменения, вызванные интерференцией словацкого языка. Материалом данной работы служат публикации венгерских и словацких исследователей, а также сообщения и комментарии и заметки в соцсетях на венгерском языке.

Наиболее очевидна интерференция на лексическом уровне, где встречаются прямые и косвенные заимствования [Lanstyák, 2011]. Естественно, что в процессе общения с соседними народами – большей частью славянскими – в ходе истории в венгерском языке появилось достаточно много славянских заимствований (заимствований в обратную сторону отмечается значительно меньше). Мы оставим в стороне «исторические» заимствования, которые были приняты в язык столетия назад и входят в лексический состав венгерского языка, используемого как на территории Венгрии, так и одновременно венгерским этническим меньшинством Словакии, например: *léha (венг. /сл.венг.) – lichý (слов.)* – лихой; *mackó (венг. / сл.венг.) – macko (слов.)* – медвежонок; *kacsa (венг. / сл.венг.) – kača (слов.)* – утка. А вот в качестве

«местного» заимствования можно привести слово *kopacski (сл.венг)*. В венгерском языке на территории Словакии оно используется для обозначения футбольной обуви. Его аналогом в словацком языке является слово *kopačky (слов.)* с тем же значением, производное от слова *kopať* «пинать». В стандартном венгерском такого слова нет: с этим же значением используются слова *futballcipő/focicipő (венг.)* [Lanstyák, 2011, с. 68]. Другим примером может служить слово «машина скорой помощи»: *szanitka (сл.венг.)*, очевидно отсылающее к источнику – *sanitka (слов.)*, в то время как в Венгрии такую машину называют *'mentőautó/mentőkocsi' (венг.)*. Другой пример прямого заимствования – слово *matrika (сл. венг.)*, которое и в самом словацком языке является заимствованием *(matrika)*, в Венгрии с этим же значением используется слово '*anyakönyv*' (реестр, книга регистрации актов гражданского состояния).

Помимо прямых заимствований слов, словацкие венгры довольно часто используют кальки, т.е. заимствование из словацкого языка путем перевода структуры слова или словосочетания. Слово-калька может быть совпадающей частью речи, представляя собой полный перевод, или такое слово может быть гибридным, например, *kipratál* (*сл.венг.*) – *vypratať* (*слов.*) – *kirak, kihord* (*венг.*), где венгерский аффикс *ki-* означает движение от говорящего или движение наружу. Слова *orosztojás* (*сл. венг.*) нет в словаре венгерского языка (*orosz* + *tojás* – *русское* + *яйцо*), поскольку это блюдо по-венгерски называется *kaszinótojás* (*kaszinó* + *tojás* казино + яйцо). Но по-словацки оно называется '*ruské vajce*' (*русское яйцо*).

Калькой может быть не только слово, но и словосочетание, как например: *fehér jogurt / joghurt* (*сл.венг.*) – *biely jogurt* (*слов.*) – *natúr joghurt* (*венг.*) – натуральный йогурт, или идиоматическое выражение, например: *benne van az **ujja*** (*сл.венг.*) – *mať v tom **prsty*** (*слов.*) – *benne van a **keze*** (*венг.*) – он приложил к этому руку [Lanstyák, 2011].

В словацком венгерском происходит замена используемого в венгерском языке слова ***kéz*** (*рука*) на слово ***ujj*** (*палец*) по аналогии со словацкой идиомой, в которой используется слово ***prsty*** (*пальцы*).

Среди венгерского меньшинства Словакии встречаются также морфологические заимствования [Lanstyák, 2011]. Исторически морфологические заимствования представляют собой словарные элементы, звуковая форма которых была изменена звуковой формой аналогового слова, найденного в переводном языке, адаптированной к нему. Это значит, что слово считается морфологическим заимствованием в словацком венгерском, если оно встречается в одинаковом или сходном значении как в словацком языке, так и в венгерском, однако фонема словацкого венгерского слова отличается от фонемы слова в венгерском языке тем, что она больше похожа на фонему словацкого слова. Если подобные лексемы различаются стилистически в венгерском и словацком языках, то значение слова в словацком венгерском обычно ближе к значению этого слова в словацком языке. Большинство морфологических заимствований имеют греко-латинское происхождение, поэтому их можно выделить в отдельную группу. Примерами таких заимствований являются слова:

сл.венг.	*kurz*	penálé
слов.	kurz	penále
венг.	kurzus	pönálé
	курс (учебный)	штраф

Морфологических заимствований из других языков меньше и они не образуют отдельных групп. Примерами могут служить слова:

сл.венг.	jogurt	bufet	pausál
слов.	jogurt	bufet	paušál
венг.	joghurt	büfé	pausálé
	йогурт	буфет	единая ставка
	(< *тур.*)	(< *фр.*)	(< *нем.*)

В словацком варианте венгерского языка возник интересный процесс «релатинизации» [Lanstyák, 2011], а именно: адаптация суффиксов венгерских слов на основе греко-латинских заимствований к образцу таких же заимствований, существующих в словацком языке, вызвала желание сделать венгерские слова менее похожими на «словацкие», например:

сл.венг.	tendenció	prémió	antikvariátus
слов.	tendencia	prémia	antikvariát
венг.	tendencia	premium	antikvárium
	тенденция	премия	антикварный / букинистический магазин

Одним из типичных проявлений языковой интерференции выступает стремление к аналитичности. Оно проявляется в использовании аналитических конструкций вместо синтетических. Венгерскому языку, как агглютинативному, присуща синтетичность, например, сложное слово *légtér* – воздушное пространство. В Словакии венгры скорее используют аналитическую конструкцию из прилагательного и существительного – *légi tér* (ср. *слов.* vzdušný priestor). Это значит, что в самой Венгрии встречается только синтетическая конструкция, а на территории, где венгерский язык контактирует со

словацким языком фиксируются одновременно два варианта: синтетический морфемный и аналитический лексический, например:

венг. / сл.венг.	buszozás (buszoz-ás)
сл. венг.	utazás busszal
	поездка на автобусе

Венгерский и словацкий представляют собой разноструктурные языки. Как и другие славянские языки, словацкий язык относится к флективным.

При флективном строе языка (от *лат.* flectivus – гибкий) словоизменение в основном происходит при помощи флексий – формантов, которые сочетают сразу несколько значений. Для агглютинативного строя (от *лат.* agglutinatio – приклеивание), к которому относится венгерский язык, характерно словоизменение при помощи агглютинации различных формантов (аффиксов), каждый из которых несет в себе только одно значение.

Среди правил венгерского языка есть следующее: если перед существительным стоят количественные числительные или числительные *nehány* (*несколько*), *sok* (*много*), *kevés* (*мало*), то существительное «теряет» аффикс множественного числа, т. е. *ablakok,* но *három ablak* (окна – три окна), *fotelek*, но *öt fotel* (кресла – пять кресел), *emberek,* но *nehány ember* (люди – несколько человек), *könyvek,* но *k*evés *könyv* (книги – мало книг). Следующий за таким словосочетанием глагол будет также использован в форме единственного числа, например: *Kevés könyv van az asztalon – на столе мало книг*.

Однако, венгры, проживающие в Словакии, довольно часто добавляют аффикс множественного числа *-ok / ek* к существительному во множественном числе независимо от того, определяется ли оно или нет числительным, т. е. *három ablak-ok*, *öt fotel-ek*, *nehány ember-ek*, *k*evés *könyv-ek*, по аналогии с окончаниями множественного числа словацкого языка [Коптелова, 2019].

Некоторые исследователи отмечают, что по разным причинам в языке словацких венгров наблюдается вариативность в использовании соединительных гласных между аффиксами [Lőrincz, 2016], что приводит к разнице в написании и произношении форм одних и тех же слов.

Структура предложения словацкого языка также оказывает воздействие на структуру предложения венгерского языка словацких венгров, подталкивая к замене глагола в 1-м лице в объектном спряжении с аффиксом *-lak / -lek* на форму 1-го лица ед. ч. без аффикса, но с обязательным добавлением дополнения-местоимения в форме 2-го лица ед. ч. [Lanstyák, 2011]:

венг.	délután majd ***felhívlak***
сл. венг.	délután majd ***hívok neked***
слов.	zavolám ***ti***
	я позвоню тебе днем

Словацкий язык также ответственен за замену некоторых падежных аффиксов [Lanstyák, Szabómihály, 2005], которые традиционно используются в подобных конструкциях в словацком языке. Ниже приводится пример замены аффикса аллатива венгерского языка (*-hoz / -hez / -höz*) на аффикс аблатива (*-tól / -től*) под влиянием словацкого языка (*od*):

сл. венг.	kulcs a szekrény***től***
слов.	kľúč ***od*** skrinky
венг.	szekrény***hez*** kulcsa
	ключ от шкафа

Из синтаксических заимствований в венгерском языке в Словакии зарегистрирована замена падежного аффикса датив на падежный аффикс сублатив по образцу словацкого языка:

венг.	miért (почему?)
сл.венг.	mire (на что?) (ср.: *словацк.* Naco?)
сл. венг.	Mire kell annyit nyafognod?
венг.	Miért kell annyit nyafognod?
	Почему ты так много хнычешь?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для венгров, оказавшихся из-за политики гражданами разных государств, язык – это ключевой фактор национальной идентичности [Vančo, Kozmács, 2023]. Результаты переписи населения показывают: тех, кто считает своим родным языком венгерский больше, нежели тех, кто относит себя к венгерскому этносу. За 100 лет (с небольшим перерывом) после отделения части территории Венгрии произошли многие изменения, в течение долгого периода была ограничена возможность получения образования на родном языке, отмечено общее снижение статуса венгерского языка и, прежде всего, сформировалось двуязычие венгерского меньшинства.

Приведенные примеры из языка венгров, проживающих в Словакии показывают: основная интерференция словацкого языка в языке венгерского меньшинства наблюдается в лексике при различного вида заменах венгерских слов на словацкие или на кальки со словацкого языка. Интерференция на морфологическом и синтаксическом уровне также наблюдается, но она не настолько обширна, как на лексическом уровне.

Если сравнивать результаты переписи населения в Словакии в 2011 и 2021 годах, то видно сокращение венгерского меньшинства примерно на 35 тыс. человек. Через различные программы правительство Венгрии стремится поддержать язык в венгерских общинах сопредельных государств, и в Словакии в частности. Благодаря этому удалось добиться открытия университета в городе Комаром (Selye János Egyetem), где преподавание ведется на словацком и венгерском языках. В последние годы увеличилось количество начальных школ, где обучение идет полностью или частично на венгерском языке. Подготовлены учебники на венгерском языке не только для школ, но и – частично – для использования в профессиональном обучении. Издаваемые венгерскими общинами газеты используют стандартный венгерский язык, радио- и телевизионные программы. Их финансирует венгерское правительство. Стандартное использование венгерского языка также возможно частично снизит давление интерференции словацкого языка.

От того насколько сохранится венгерский язык, зависит, останутся ли венгры самым крупным этническим меньшинством Словакии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Results of the 2021 Population Census. Statistical Office of the Slovak Republic = Результаты переписи населения 2021 г. Статистическое бюро Словацкой Республика. URL: https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/Databases/datacube/!ut/p/z0/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8ziw3wCLJycDB0NLEw9TA0cnZ0CTUJ9DIxMfAz1g1Pz9AuyHRUBDlrN8w!!/ (дата обращения: 12.01.24).
2. Sándorová A., Vančo I. Maďarské nárečia na Slovensku : Súčasnosť a budúcnosť. Jazykovedný časopis. 2020. roč. 71. č. 3. P. 321–336. DOI 10.2478/jazcas-2021-0002.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
4. Самохина И. А. Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2018. № 4. С. 90–96.
5. Lanstyák I. A magyar nyelv szlovákiai változatainak jellemzői = Ланштяк И. Характеристика словацких вариантов венгерского языка // Fórum Kisebbségkutató Intézet / Nyelv. Szabómihály Gizella, Lanstyák István (szerk.). 2011.
6. Коптелова И. Е. Диалектные особенности венгерского языка за пределами Венгрии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (819). С. 46–55.
7. Lőrincz G. Nyelvi variativitás a szlovákiai Magyar nyelvváltozatokban. Líceum Kiadó, 2016.
8. Lanstyák I., Szabómihály G. Hungarian in Slovakia. In: Fenyvesi A., ed. 2005. Hungarian Language Contact Outside Hungary: Studies on Hungarian as a Minority Language. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 47–88.
9. Vančo I., Kozmács I. A szlovákiai magyar nyelvváltozat mint identitásképző tényező. Acta Academiae Beregsasiensis, Philologica 2023/2: 9–31. 10-11 DOI 10.58423/2786-6726/2023-2-9-31.

REFERENCES

1. Results of the 2021 Population Census. Statistical Office of the Slovak Republic [electronic resource]. URL: https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/Databases/datacube/!ut/p/z0/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8ziw3wCLJycDB0NLEw9TA0cnZ0CTUJ9DIxMfAz1g1Pz9AuyHRUBDlrN8w!!/ (last retrieved 12.01.24)
2. Sándorová, A., Vančo, I. (2020). Maďarské nárečia na Slovensku : Súčasnosť a budúcnosť. Jazykovedný časopis. 71, č. 3, p. 321-336. DOI 10.2478/jazcas-2021-0002
3. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' (LES) (2002). = Linguistic encyclopedic dictionary / Yarceva V. N. (ed.), 2nd ed., revised. Moscow : Bol'shaja rossijstaja enciklopedija. (In Russ.)
4. Samohina, I. A. (2018). History of language interference research. .Vestnik TvGU. Serija: Filologija, 4, 90–96. (In Russ.)
5. Lanstyák, I. (2011). A magyar nyelv szlovákiai változatainak jellemzői. In Nyelv. Szabómihály Gizella, Lanstyák István (szerk.), Fórum Kisebbségkutató Intézet.
6. Koptelova, I. E. (2019). Dialect features of the Hungarian language beyond Hungary. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(819), 46–55. (In Russ.)
7. Lőrincz, G. (2016). Nyelvi variativitás a szlovákiai Magyar nyelvváltozatokban. Líceum Kiadó.

8. Lanstyák, I., Szabómihály G. (2005). Hungarian in Slovakia. In Fenyvesi, Anna, ed. 2005. Hungarian Language Contact Outside Hungary: Studies on Hungarian as a Minority Language (pp. 47–88). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
9. Vančo, I., Kozmács, I. (2023). A szlovákiai magyar nyelvváltozat mint identitásképző tényező. Acta Academiae Beregsasiensis, Philologica, 2, 9–31. 10-11 DOI 10.58423/2786-6726/2023-2-9-31

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коптелова Ирина Евгеньевна
кандидат философских наук
доцент кафедры английского языка Дипломатической академии МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koptelova Irina Evgenevna
PhD (Philosophy)
Assistant Professor of the English Chair, Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry

Статья поступила в редакцию	16.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.581

Когнитивные основания категоризации лексических единиц (на материале китайского и английского языков)

Е. А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
krasikova.liza@mail.ru

Аннотация: В статье утверждается, что категоризация лексики как в китайском, так и в английском языках основывается на концептуальных представлениях. Они регулярно воспроизводятся в семантике лексических единиц, относящихся к определенной предметной области. Моделирование концептуальной структуры лексемы позволяет вскрыть концепты, мотивирующие ее многозначность и формирующие категории. Исследование когнитивных аспектов китайских и английских лексем основано на комплексном анализе концептуальной внутренней формы лексической единицы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, китайский язык, английский язык, категоризация лексики, классификатор, концепт

Для цитирования: Красикова Е. А. Когнитивные основания классификации глаголов речевой деятельности в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 51–57.

Original article

Cognitive Bases of Lexical Categorization (based on the material of Chinese and English languages)

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
krasikova.liza@mail.ru

Abstract. The article shows that the lexical categorization in both Chinese and English is based on conceptual structures that are regularly reproduced in the semantics of lexical units related to a specific subject area. Modeling the conceptual structure of the lexeme allows us to reveal the concepts that motivate its ambiguity and form categories. The study of the cognitive aspects of Chinese and English lexemes is based on a comprehensive analysis of the conceptual internal form of a lexical unit.

Keywords: cognitive linguistics, Chinese language, English language, lexical categorization, classifier, concept

For citation: Krasikova, E. A. (2024). Cognitive bases for the classification of speech communication verbs in the Chinese language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 51–57. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие общества в последние десятилетия основывается на достижениях компьютерной техники, а также когнитивных наук. Когнитивная наука в широком смысле представляет собой совокупность наук о познании, т. е. приобретении, хранении, переработке знаний и об их наиболее эффективном применении. Когнитивная лингвистика (*далее* КЛ), в свою очередь, ориентирована на выявление того, каким образом язык реализует свою способность служить в качестве важнейшего способа получения, хранения, переработки и передачи информации об окружающем человека мире. Как отмечает В. И. Заботкина, «анализ базы данных ИНИОН и Российской государственной библиотеке показывает, что среди всех направлений когнитивной науки лидирует когнитивная лингвистика» [Заботкина, 2012, с. 209].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической базой настоящего исследования послужили следующие труды отечественных лингвистов: Е. Г. Беляевская, О. К. Ирисханова [Беляевская, 2017; Ирисханова, 2014] и др. Среди зарубежных лингвистов отметим таких ученых, как E. Rosch, B. B. Lloyd, G. Lakoff, W. Croft, A. D. Cruise и др. [Rosch, Lloyd, 1978; Lakoff, 1986; Croft, Cruise, 2004]. Китайские исследователи также внесли значимый вклад в развитие КЛ: 张敏, 胡壮麟 и др. [张敏, 1998; 胡壮麟, 2004].

Когнитивная лингвистика исходит из положения о том, что категоризация – это лингвистическое явление, результаты которого «отражены в полнозначной лексике, а каждое полнозначное слово можно рассматривать как отражающее отдельно взятую категорию со стоящими за ней многочисленными ее представителями» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 42].

Цель данной статьи – обосновать положение о том, что в основе категоризации лексики китайского языка лежат конкретные когнитивные модели, при помощи которых носитель «подводит» явления, объекты и процессы под определенную рубрику опыта, категорию и признает их членами этой категории.

Классификаторы, являясь лексико-грамматической особенностью в таких языках, как японский и китайский, давно привлекают внимание лингвистов (см. анализ японского классификатора *hon* [Lakoff, 1986]). Они представляет собой набор языковых единиц, которые сочетаются с существительным не только для измерения количества, но и для конкретизации типа описываемого объекта. В русском языке никакие специальные определители перед существительным не ставятся: *собака*, *стол*, *дерево*, *нож*. В английском языке перед конкретными существительными употребляется артикль: ***a*** *dog*, ***a*** *table*, ***a*** *tree*, ***a*** *knife*. В китайском языке для всех вышеперечисленных существительных необходимо употребление различных специальных классификаторов, которые в связке с числительным не только маркируют число существительного, но и указывает на определенную характеристику объекта: 一只狗, 一张桌子, 一棵树, 一把刀. Естественно, что у русскоязычных студентов данный пласт лексики китайского языка вызывает определенные трудности, поскольку в русском языке отсутствует лексико-грамматический инструмент, способный объединять существительные в некие классы согласно их атрибутивным особенностям.

В русской и китайской лингвистических традициях учеными по-разному воспринимается такое понятие, как счетное слово или классификатор. Например, А. А. Драгунов, В. И. Горелов, В. А. Курдюмов и др. не проводят различия между терминами *классификатор*, *счетное слово*, *мерное слово*, *вспомогательное существительное*, рассматривая эти понятия как взаимозаменяемые, профилируя служебную роль и грамматическую функцию «счетности» данного класса слов [Драгунов, 1952; Горелов, 1989; Курдюмов, 2006]. Однако с переходом к когнитивной научной парадигме ряд зарубежных исследователей номинирует данные языковые единицы «классификаторами» [Tai, 1994; Wang, 1994], закрепляя за ними такого рода номинацией важный статус языкового инструмента категоризации действительности.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Когнитивная лингвистика позволяет предположить, что в основе употребления китайских счетных слов лежат когнитивные модели. Например, 一把刀 – *нож* (классификатор 把 высвечивает две идеи: 1) ‘количество субстанции, помещающееся в ладони’: *горсть риса*, *пригоршня крупы*; 2) «действие рукой, чтобы обхватить предмет до неподвижного состояния» и сочетается с существительными, обозначающими объекты, у которых есть «ручка»: *стул*, *веер*, *чайник* и т. д.).

Попытки описать классификаторы с позиции когнитивной лингвистики уже предпринимались ранее. Например, китайский лингвист Тай выделил пять аспектов классификации существительных (1) одушевленность, (2) форма, (3) размер, (4) консистенция и (5) атрибуты, относящиеся к частям объектов, как соответствующие когнитивные категории в китайской системе классификаторов.

Коммуникативные ошибки у студентов, изучающих китайский язык, часто связаны с сочетаемостью того или иного классификатора с именем существительным. Для наибольшей наглядности сравним английские и китайские лексемы лексико-семантической группы «ЧАСТЬ ЦЕЛОГО» [Красикова, 2023].

Например, в английском языке, измерительное слово loaf описывает часть целой съедобной субстанции (*a loaf of bread* – буханка хлеба). А если нужно конкретизировать определенную форму хлеба (тонкий и плоский кусок), мы можем использовать лексему *slice* (a slice of bread – ломтик хлеба). При упрощенном лингводидактическом подходе студентов принято обучать тому, что лексическая сочетаемость лексемы *slice* в английском языке, за исключением нескольких случаев, ограничена существительными тематической группы «пища», например: *a slice of cheese* – 'ломтик сыра', *a slice of potato* – 'ломтик картофеля', *a slice of meat* – 'ломтик мяса' и т. д. Используя метод лексической семантики и анализируя КВФ (концептуальная внутренняя форма) слова *slice* с позиций когнитивной лингвистики, открывается более обширная семантическая картина, которая позволяет сделать ряд интересных выводов относительно когнитивно-семантических оснований полисемии данной лексемы.

Слово *slice* происходит от старофранцузского *escliz* (*XIII век*) «splinter, broken piece of wood». В английском языке данная лексема первоначально была зафиксирована в XV веке со значением «thin, broad piece cut from something», и с тех пор появилось множество технических применений для обозначения конкретных тонких, широких предметов[1].

Как видно из этимологической справки, в семантической структуре данного существительного, основанной на его концептуальной внутренней форме (КВФ), имеются маркеры, высвечивающие несколько идей: 1) форма «thin, broad»; 2) часть, отрезанная от целого при помощи инструмента «cut from something»; 3) характер части и целого (твердая субстанция) «piece of wood». Данные концепты прослеживается в лексикографической презентации семантики лексемы: Oxford English Dictionary[2], Merriam Webster[3] и The Britannica Dictionary[4]. Проанализированные словарные статьи подтверждают наличие следующих концептов, закрепленных в КВФ слова *slice*: 1) форма (тонкая, плоская, широкая, клинообразная); 2) функция + инструмент для нарезания и поднятия в воздух над поверхностью); 3) часть, предназначенная для получателя; 4) резкое действие отрезания; 5) характер части и целого (твердая субстанция); 6) часть, отрезанная от целого при помощи инструмента; 7) маленький размер части целого. Все вышеперечисленные концепты служат источником метафорического расширения значения у анализируемой лексемы и предопределяют ее сочетаемость с существительными.

Идея 'тонкого плоского среза некоторого объекта' реализуется и в китайском языке, причем эту функцию выполняет специальное счетное слово. В китайской системе классификации особое внимание уделяется еще более обширным категориям, охватывающим широчайший спектр объектов. Например, классификатор 片 «обслуживает» существительные, которые на первый взгляд ничем не связаны между собой: *горная цепь*, *пластина льда*, *овощное поле*, *отголоски хохота*, *тишина*, *отрывок текста*. Соответственно, для русскоязычных студентов остается большой загадкой, какие основания лежат при выборе данного классификатора для вышеперечисленных существительных и какой перевод будет считаться адекватным.

Далее мы постараемся описать когнитивную модель, которая определяет выбор рассматриваемого классификатора в речи. На первом этапе, рассмотрим подробнее китайский иероглифический знак 片 [piān]. Пиктограмма 片 относится к указательному типу иероглифического знака (指事). Согласно данным лексикографического источника «说文解字», впервые данный знак был зафиксирован в надписях 甲骨文 *цзягувянь* со значением «判木也。» древесина, разделенная на части[5]. Первое значение данного иероглифического знака 动词，将原木剖切成若干薄块[6] глагол, со значением *кругляк (необработанная древесина) нарезана на несколько тонких кусков*.

В словарных статьях также были выявлены глагольные и именные значения данного иероглифического знака. Приведем некоторые из них:

1) 扁而薄的东西 плоские и тонкие предметы: 唱片 пластинки, 木片 древесная стружка, 名片 визитка, 虾片 креветочные чипсы;
2) 半;整体中的一小部分或较大地区内划出来的较小地区 половина; небольшая часть целого или меньшая площадь, выделенная в пределах большей площади: 片简 (片断的文字材料) фрагмент рукописи (*отрывок письменных материалов*), 分片包干 подрядная ответственность по секторам, 片玉 (比喻群贤之一) нефрит (*образно о мудром человеке, подразумевая выделение его одного среди группы таких же мудрецов*);
3) 雪花 снежинка;

[1]URL: https://www.etymonline.com/search?q=slice
[2]URL: https://www.oed.com/?tl=true
[3]URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/slice
[4]URL: https://www.britannica.com/dictionary/slice
[5]URL: https://www.zdic.net/hans/%E7%89%87
[6]URL: https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=11891

4) 花瓣 лепесток: 花片 лепесток цветка, 牡丹片 лепесток пиона;
5) 词的分段称分片，上段叫“上片”，下段叫“下片”。下一段的开头叫“过片” [section]. Деление стихотворения на отрезки называется 分片 фрагментация. Предшествующий раздел называется “上片”, последующий раздел называется “下片”. Начало последующего раздела называется “过片”.

На следующем этапе исследования мы обратились к лексикографическим данным словаря счетных слов 汉语量词大词典 (2013)[1]. В качестве классификатора в словарных статьях зафиксированы следующие значения:

1) 用于薄而成片的东西 для тонких и ломтеобразных (плоских) объектов: 一片冰 пластина льда; 几片玻璃 несколько листов стекла; 一片小木条 деревянная рейка; 一片肉 ломтик мяса (*соломкой*);
2) 用于成片的空间，多指地面、水面、有时也指人。数词多用“一” для обозначения фрагментов пространства, в основном относится к поверхности земли, водной поверхности, а иногда и к людям. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片土地 клочок, земли; 一片群山 горная цепь; 一片森林 сплошной лес; 一片大海 океанская гладь; 一片菜田 овощное поле (*сплошное*); 一片黑压压的人 тьма-тьмущая людей;
3) 用于景象、气象。数词多用“一” для пейзажей, панорам, метеорологических явлений. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片火海 стена огня (*море огня*); 一片黑暗 мрак; 一片明丽的秋色 залитый солнечным светом осенний пейзаж;
4) 用于声音、语言。数词多用“一” для голоса, языка. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片欢笑声 отголоски хохота (*сплошной хохот*); 一片号哭声 звуки плача (*шум плача*); 一片欢呼 приветственные возгласы; 一片谎言 сплошная ложь; 一片冷言冷语 колкости; 一片甜言蜜语 сладкие речи;
5) 用于心意、心情、神情等。数词多用“一” для выражения мыслей, настроения, самочувствия и т. д. В большинстве случаев сочетается с числительным «единица»: 一片好意 атмосфера доброты; 一片好心 от всего сердца; 一片痴情 ослепленность страстью;
6) 用于文字 для текстов: 一片文字 отрывок текста.

Ранее Цзинь Тао уже предпринимала попытку анализа данного классификатора с точки зрения КЛ. Во-первых, автор указывает на такие пространственные характеристики, как плоскость и тонкость, присущие данному классификатору (примеры пункта 1). Кроме того, анализируя данную пиктограмму, автор пришел к выводу о том, что во внутренней форме данного классификатора содержатся несколько уровней абстрактизации. Как отмечает Цзинь Тао, «в китайском языке с помощью счетных слов вырисовывается ‘некая вещность’ ощущений и переживаний, которые испытывает человек при воздействии внешних факторов» [Цзинь Тао, 2007, с. 22]. То есть абстрактные объекты, не имеющие видимой формы в материальном мире, в языковой репрезентации обладают «формой» и «способностью» заполнять определенный участок пространства.

Первая ступень абстракции значения слова 片 просматривается в его сочетаниях со словами, которые могут быть восприняты как обширный плоский участок (примеры пункта 2). В данных примерах лексемы *земля*, *лес*, *поле*, *океан* и др., при сочетании с классификатором 片 рассматриваются не просто как географические объекты, существующие на земле, а как «конкретные участки, которые простираются перед взором человека». Иными словами, классификатор 片 «передает «охват» взором человека всей обширности участка» [Цзинь Тао, 2007, с. 23].

На второй ступени абстаркции значения данной лексемы опираются на переход от ощущения «охвата» зрительным восприятием чего-то на «охват» самого человека какими-то ощущениями. К таким абстрактным объектам автор относит пейзажи, панорамы времен года, атмосферу, настроение, тишину и т. д. С точки зрения автора, классификатор 片 профилирует идею существования объекта в момент, когда их воспринимает или переживает человек, при этом объект ***не является реальным предметом*** (примеры пункта 3). Восприятие таких абстрактных объектов действительности, как природные пейзажи, панорамы времен года в основном, по мнению автора, опирается на зрение человека. В фокусе внимания носителя китайского языка фиксируется «захват взором картины природы» [Цзинь Тао, 2007, с. 22], которая простирается перед глазами и воспринимается как нечто реальное, заполняющее все поле зрения человека. Немаловажным является наслоение психологического воздействия на данную «картину», поскольку она может вызывать печаль, умиротворение и другие ощущения. По мнению Цзинь Тао, «человек физически ощущает, что чувства, вызванные зрительным восприятием, могут ”заполнять его“. И благодаря этому в сознании человека эти “картины” обладают некой вещностью и соответственно могут

[1]汉语量词大词典/刘子平编著. 上海 上海辞书出版社, 2013.10, 322页

заполнять и определенный участок в пространстве» [Цзинь Тао, 2007, с. 23].

Таким образом, автор пришла к выводу о том, что во внутренней форме данного классификатора содержатся несколько уровней абстракции, которые диктуются реальным пространственным восприятием в сознании китайцев абстрактных объектов, не имеющих видимой формы существования в материальном мире.

Автор замечает, что классификатор 片 может сочетаться только с числительным один, который не выражает количества, а имеет значение *целый, весь, сплошной* и выполняет функцию описания ситуации [Цзинь Тао, 2007, с. 17]. Данное положение подтверждают словарные статьи 2–5.

Интересно и суждение автора о том, что возникновение такого рода восприятия базируется на «переключении» потока ощущений человека. Это сложное переплетение когнитивно-физических ощущений моделируют целую цепочку семантических связей (от ощущения «охвата» взором возникает ощущение «заполнения» субстанцией нашего поля зрения, от ощущения «заполнения» себя переживаниями возникает ощущение «заполнения» пространственного участка тем, чем были вызваны эти переживания), которые, в свою очередь, формируют иерархически сложную семантическую структуру классификатора 片.

ВЫВОДЫ

Мы позволим себе дополнить дефиниции Цзинь Тао, относящиеся к классификатору 片, рядом новых выводов, которые мы получили в ходе проведенного нами исследования.

Во-первых, психологический аспект является источником метафоризации для словарного значения (пункта 5), а именно переплетение физического ощущения заполненности с чувствами, вызванными зрительным восприятием, «рисуют картину» ***полностью заполненного*** участка. В примере 一片好心 *от всего сердца* (*от всей души*), душа или сердце воспринимается как некий участок или сосуд, который должен быть ***полностью заполнен***.

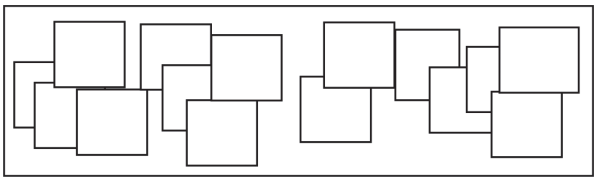
Во-вторых, классификатор 片 следует рассматривать как лексему ЛСГ «часть целого», в семантике которой содержится идея отделенной при помощи инструмента тонкой по форме части на фоне целого. Данная идея подтверждаются маркерами, скрытыми в этимологии исследуемой лексемы (切成若干薄块), а также примерами словарной статьи (пунктов 4 и 6), например: 一片文字 (*досл.* 'один + 片*пянь* + текст') можно трактовать как ***отрывок текста***.

Что касается концепта «часть на фоне целого», в пункте 4 речь идет о сочетании данного классификатора с существительными, обозначающими различные голосовые потоки. При этом вне контекста невозможно понять, каким образом следует перевести словосочетание 一片声音 (*досл.* 'один + 片*пянь* + голос'). При использовании данного классификатора со словом *голос*, речь не идет о голосе как о человеческой физической функции, или о форме (голос как длинная тонкая полоска). Отнюдь нет, в данном речевом узусе конкретизируется небольшой заполненный (голосом) участок в пространстве, т. е. голос как длинная тонкая полоска воспринимается на фоне более обширного целого. В качестве примера, позволяющего лучше понять и представить себе общую ментальную картинку, можно привести ситуацию, когда в зале неразбериха и на фоне, на разных участках зала слышатся сразу несколько голосов, т. е. зал воспринимается как целое пространство, а голоса, как маленькие отдельные части на фоне целого, которые как бы «понемногу, то тут, то там» в разных участках целого заполняют его. Именно, поэтому, на наш взгляд, такого рода словосочетания следует переводить по-разному в зависимости от контекста (一片声音 отголоски, 一片呼唤声 возгласы). В качестве примера контурно обозначим следующую контекстную ситуацию:

> 茶堂里响起一片零乱的呼唤声。(沙汀 “在其香居茶馆里”). – В чайном зале раздался беспорядочный шум (возгласы) (*Ша Тин. В ароматной чайной*).

Визуально, данный контекст можно представить в виде следующего схематического рисунка:

Схема 1.



В-третьих, развивая идеи Цзинь Тао, заметим, что важную роль играет точка, на которой находится говорящий. Имеет значение то, как она расположена по отношению к описываемому объекту. Примером тому может послужить словосочетание 一片群山 (*досл.* 'один 片 *пянь* горная цепь'). Снова вне контекста догадаться о том, что речь не идет о манифестации географического объекта, расположенного на земле, довольно трудно. Словарная статья в лексикографическом источнике также не дает полного

представления об особенностях описываемого объекта. Для русскоязычного пользователя ситуация становится еще более затруднительной, поскольку скорее всего горная цепь будет ассоциироваться у него с острой формой пика горной вершины или ее большим размером, но никак не с плоским объектом, указание на который имеется в семантике лексемы 片, а на уровне обучения студентов практически во всех учебных пособиях отмечено, что данный классификатор употребляется для пластинообразных предметов. Все вышеперечисленное направляет когнитивные процессы русскоязычных пользователей в неверном направлении при выборе существительных для классификатора 片. Исследуя глаголы направленного действия, А. А. Шахаева отметила схожую проблему, которая заключается в том, что «в учебной литературе значения глаголов направленного движения представлены статичными переводами на русский язык, которые не только не раскрывают компоненты значений лексических единиц, а наоборот, направляют мыслительный процесс обучаемого по ложному пути» [Шахаева, 2024, с. 421]. Только исходя из этимологии, а также из контекстной реализации данной лексемы и обладая обширными знаниями в области мировосприятия китайской картины мира, мы можем прийти к выводу о том, что в данном случае важнейшую роль играет восприятие и локализация объектов в пространстве с позиции антропоцентризма. Иными словами, в китайской картине мира профилируется локализация говорящего в пространстве. Например, для того чтобы использовать данный классификатор в словосочетании *горная цепь*, говорящий должен находится на небольшой возвышенности, которая выше данной горной цепи. Именно такой пейзаж будет восприниматься носителем как нечто непрерывное и даже плоское с определенного ракурса и описываться представителем китайской лингвокульутры при помощи классификатора 片.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, все вышеизложенное указывает на то, что понимание глубинной семантики той или иной лексемы способно радикально поменять вос приятие лексического уровня китайского языка. На наш взгляд, ввод такого рода информации на занятиях по иностранному языку способен упорядочить представление студентов о принципах категоризации лексики в китайском языке, что, в свою очередь, будет способствовать решению лингводидактических задач, направленных на повышение эффективности усвоения иноязычной лексики, которые стоят перед преподавателем иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заботкина В. И. Некоторые тенденции развития когнитивных исследований в России [Слово и смысл]. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 205–216.
2. Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л. В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2017. С. 82–155.
3. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. Rosch E., Lloyd B. Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum, 1978.
5. Lakoff J. Classifiers as a reflection of mind // Noun Classes and Categorization / ed. by C. G. Craig. Amsterdam: John Benjamins, 1986. P. 13–52. (Typological studies in Language, 7).
6. Croft W., Cruise A. D. Cognitive Linguistics. Cambridge University Press, 2004.
7. 张敏. 认知语言学与汉语名词短语. 北京：中国社会科学出版社，1998年 = Чжан Минь. Когнитивная лингвистика и китайские именные словосочетания. Пекин: Издательство общественные науки Китая, 1998.
8. 胡壮麟. 认知隐喻学. 北京: 北京大学出版社, 2004年，244页。Ху Чжуанлинь. Когнитивная метафорика. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2004.
9. Кубрякова Е. С. Категоризация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 42–45.
10. Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.-Л.: АН СССР, 1952.
11. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989.
12. Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд; Вече, 2006.
13. Tai J. H-Y. Chinese Classifier Systems and Human Categorization" // Interdisciplinary Studies on Language and Language Change: In Honor of William S.-Y. Wang / M. Y. Chen and O. Tzeng (eds.). Taipei: Pyramid Press, 1994.
14. Wang L. Origin and Development of Classifiers in Chinese: PhD Dissertation. The Ohio State University, 1994.
15. Красикова Е. А. Когнитивные доминанты смыслового пространства «часть – целое» в китайском языке (англо-китайское сопоставление) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 62–68.
16. Цзинь Тао. Концептуальная система пространства (фрагмент китайской языковой картины мира): монография. Владивосток: ВГУЭС, 2007.

17. Шахаева А. А. Когнитивный подход в лингводидактике китайского языка // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 1 (57). С. 419–422.

REFERENCES

1. Zabotkina, V. I. (2012). Nekotorye tendencii razvitiya kognitivnyh issledovanij v Rossii [Slovo i smysl] = Some trends in the development of cognitive research in Russia. Word and meaning (pp. 205–216). Moscow. Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. (In Russ.)
2. Belyaevskaya, E. G. (2017). Interpretaciya znanij o mire v yazyke: metody izucheniya = Interpretation of knowledge about the world in language: methods of study. In Boldyrev, N. N. (ed.), Interpretaciya mira v yazyke (pp. 82–155): collective monograph. Tambov: Derzhavin Tambov State University. (In Russ.)
3. Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya = Games of tricks in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
4. Rosch, E., Lloyd, B. (1978). Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum.
5. Lakoff, J. (1986). Classifiers as a reflection of mind. In Craig, C. G. (ed.), Noun Classes and Categorization (pp. 13–52). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. (Typological Studies in Language, 7).
6. Croft, W., Cruise, A. D. (2004). Cognitive Linguistics. Cambridge University Press.
7. 张敏. 认知语言学与汉语名词短语. 北京：中国社会科学出版社，1998年 = Zhang Min (1998). Cognitive linguistics and Chinese noun phrases. Beijing: China Social Science Publishing House. (In Chinese)
8. 胡壮麟. 认知隐喻学. 北京: 北京大学出版社, 2004年 = Hu Zhuanglin. (2004). Cognitive metaphors. Beijing: Peking University Press. (In Chinese)
9. Kubryakova, E. S. (1996). Kategorizaciya = Categorization. In Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov (pp. 42–45). Moscow: Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
10. Dragunov, A. A. (1952). Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitajskogo yazyka = Studies on the grammar of modern Chinese. Moscow–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
11. Gorelov, V. I. (1989). Teoreticheskaya grammatika kitajskogo yazyka = Theoretical grammar of the Chinese language. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
12. Kurdyumov, V. A. (2006). Kurs kitajskogo yazyka. Teoreticheskaya grammatika = Chinese language course. Theoretical grammar. Moscow: Citadel-treid; Veche. (In Russ.)
13. Tai, J. H-Y. (1994). Chinese Classifier Systems and Human Categorization. In Chen, M. Y., Tzeng, O. (eds.), In Honor of William S.-Y. Wang: Interdisciplinary Studies on Language and Language Change. Taipei: Pyramid Press.
14. Wang, Lianqing. (1994). Origin and Development of Classifiers in Chinese. PhD Dissertation. The Ohio State University.
15. Krasikova, E. A. (2023). Cognitive dominants of the semantic space "part – whole" in Chinese (English-Chinese comparison). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 62–68. (In Russ.)
16. Jin, Tao. (2007). Konceptual'naya sistema prostranstva (fragment kitajskoj yazykovoj kartiny mira) = Conceptual system of space (a fragment of the Chinese linguistic picture of the world): monograph. Vladivostok: VGUES. (In Russ.)
17. Shahaeva, A. A. (2024). Cognitive approach to linguodidactics of the Chinese language. Cognitive language studies, 1(57), 419–422. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красикова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков Институт иностранных языков им. Мориса Тореза Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasikova Elizaveta Aleksandrovna

PhD (Philology)

Associate Professor of the Department of Rare Languages Teaching Methodology

M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	16.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'33

Приемы делакунизации в автопереводах Владимира Набокова (на материале двуязычной автобиографической прозы писателя: «Другие берега», «Speak, Memory»)

Д. Д. Курушин

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
dmitry.kurushin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема делакунизации, часто возникающая в процессе перевода. Конкретной задачей данного исследования является выявление способов элиминирования лакун разного типа, использованных В. Набоковым в его двуязычной автобиографии, которая является одним из самых знаковых примеров литературного билингвизма в истории автоперевода. Анализируется соотношение распространенных в современном переводоведении понятий «реалия» и «лакуна», поскольку методологическую основу исследования составляют лингвистическая теория реалий и теория лакун, предложенная Ю. А. Сорокиным и его учениками.

Ключевые слова: лакуна, лакунарность, делакунизация, реалия, перевод, авторский перевод

Для цитирования: Курушин Д. Д. Приемы делакунизации в автопереводах Владимира Набокова (на материале двуязычной автобиографической прозы писателя: «Другие берега», «Speak, Memory») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 58–64.

Original article

Delacunization techniques in V. Nabokov's self-translations (based on the writer's bilingual autobiographical prose: "Other Shores", "Speak, Memory")

Dmitry D. Kurushin

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
dmitry.kurushin@gmail.com

Abstract. The article focuses on the problem of delacunization while translating almost any literary text. The specific objective of this study is to identify ways to eliminate lacunae of various types used by V. Nabokov in his bilingual autobiography which is considered to be among the most iconic examples in the history of self-translation. The correlation of the concepts of "realia" and "lacuna" common in modern translation studies is analyzed, in connection with which the methodological basis of the study is the linguistic theory of realities and the theory of lacuna model proposed by Jurij Sorokin and his students.

Keywords: lacuna, lacunarnost, delacunization, realia, translation, self-translation

For citation: Kurushin, D. D. (2024). Delacunization techniques in V. Nabokov's self-translations (based on the writer's bilingual autobiographical prose: «Other Shores», «Speak, Memory»). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 58–64. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Основной проблемой межъязыкового перевода художественного текста, как известно, является проблема соотнесения ***своего*** и ***чужого***, соотнесения языковых единиц, принадлежащих к разным языковым системам. Они, в свою очередь, содержит разные культурные коды.

Решение этой проблемы требует особой переводческой компетенции, нахождения способов преодолеть взаимное отчуждение различных языков и связанных с ними различных культур. Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина считаются в отечественном переводоведении основателями лакунологии как особого направления в исследованиях межкультурной коммуникации. Лакунология ориентирована на изучение причин недопонимания значения реалий, возникающих на стыке двух языков и культур. Ю. А. Сорокину и его соавторам принадлежат первые исследования в области национально-культурной специфики художественного текста [Сорокин, Марковина, 1989], ими и была впервые сформулирована концепция лакунарности, предложена классификация лакун, а также описаны способы их элиминирования в процессе межъязыкового перевода [Марковина, Сорокин, 2010].

Сегодня теория лакун и проблема делакунизации исследуется достаточно активно [Рябова, 2011; Липатова, 2008; Булгакова, 2013 и др.].

Существуют различные значения понятия «лакуна», которые будут рассмотрены в основной части данной работы. Параллельно с понятием «лакуна» в лингвистике и переводоведении существует и понятие «реалия». Межъязыковая передача реалий относится к ключевым проблемам в переводческой практике. Обычно оба эти понятия рассматриваются в контексте традиционной ситуации перевода, в которой имеются автор исходного текста и переводчик – автор вторичного текста, текста перевода. В настоящей работе мы обращаемся к ситуации литературного автоперевода, в которой переводчиком является сам автор. Самым известным автором-переводчиком был, несомненно, Владимир Набоков. На наш взгляд, изучение его автопереводов, его авторских приемов делакунизации представляют большой интерес как для исследователей, так и переводчиков-практиков. Целью данной работы стало выявление приемов элиминирования лакун в двуязычной автобиографии В. Набокова при межъязыковой передаче русских реалий (языковых и предметных), относящихся к дворянскому быту дореволюционной России, и тех особых русских слов, для которых Набоков не видел точных эквивалентов в английском языке.

ПОНЯТИЯ «ЛАКУНА» И «РЕАЛИЯ» В НАУКЕ О ПЕРЕВОДЕ

Понятия «реалия» и «лакуна» являются, по мнению исследователей [Булгакова, 2013] комплементарными. Чтобы уяснить их комплементарность, обратимся к словарным терминологическим дефинициям, в которых отражаются разные подходы к их пониманию. Приведем некоторые из них: реалии – «слова, обозначающие предметы, понятия или ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов, 1975, с. 95]. «Термин "реалия" является родовым, так как он относится к корреспондирующим объектам из трех сфер: к предметам / явлениям внеязыковой действительности, к соответствующим им культурным концептам (т. е. единицам ментальной сферы) и к языковым единицам (словам и фразеологизмам), обозначающим их в языке» [Основные понятия … 2010, с. 166–167]. Лакуна – «отсутствие в лексической системе языка слова для значения, выраженного в других языках» [Степанов, 1965]. Лакуны – «это "пробелы", "белые пятна" в семантике языка, которые появляются вследствие отсутствия в данном языке эквивалента или переводческого соответствия» [Основные понятия … 2010, с. 77].

В «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина приведенным понятиям даются следующие определения: реалии – «1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке. 3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [Нелюбин, 2008, с. 178]. Лакуна – «отсутствие лексических эквивалентов в одном языке обозначениям, преимущественно национальных реалий, в другом» [там же, с. 94].

Анализ приведенных определений дает все основания считать понятия «реалия» и «лакуна» комплементарными, взаимосвязанными. В определении лакуны, приводимом Л. Л. Нелюбиным, прямо указывается на эту связь. Представляется справедливым мнение С. Ю. Булгаковой о корреляции данных понятий. Исследователь подчеркивает, что «явление лакунарности тесно связано с лингвокультурными реалиями как одной из разновидностей безэквивалентной лексики и

"непереводимого в переводе". Следовательно, лакуны и реалии должны рассматриваться как комплементарные понятия: там, где в ИТ имеется лингвокультурная реалия, в сознании носителя языка ПТ, в первую очередь, переводчика, возникает лакуна, "белое пятно" на "семантической карте" текста» [Булгакова, 2013, с. 188].

Основываясь на представлении С. Ю. Булгаковой о корреляции понятий реалии и лакуны, целесообразно проанализировать реалии, содержащиеся в русскоязычной версии автобиографии В. Набокова «Другие берега»[1], и способы их передачи в англоязычной версии («Speak, Memory»)[2], которые, на наш взгляд, являются примерами делакунизации, т. е. элиминирования так называемых «белых пятен» в принимающей лингвокультуре.

РЕАЛИКОН, ИЛИ «ТВАРНЫЙ МИР» В. НАБОКОВА

Термин «художественный реаликон» был введен в отечественную лингвистическую теорию реалий Н. А. Фененко [Фененко, 2020]. Исследователь отмечает, что реалии в художественном тексте с высоким уровнем национального колорита в своей совокупности создают «художественный реаликон», отражающий авторскую картину мира писателя. Авторская картина мира, представленная в автобиографической прозе Набокова (а к ней можно отнести не только собственно автобиографические тексты «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Memory», но многие другие его произведения, начиная с первого романа «Машенька»), – это картина счастливого детства, которая осталась в памяти писателя «потерянным раем», наполненным дорогими людьми и вещами. Богатство вещного («тварного») мира Набокова и вызвало наше желание проанализировать данный мир и выявить способы его передачи в процессе автоперевода на английский язык. Мы сочли возможным назвать данный мир «реаликоном» и включили в него около 200 реалий, в основном относящихся к дворянскому быту дореволюционной России. Это усадебные реалии, реалии-топонимы, этнографические реалии, а также языковые единицы русского языка, которые не имеют закономерных эквивалентов в английском языке и потому представляют собой языковые лакуны – лексические и грамматические.

[1]Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, Огонек, 1990. Т. 4.

[2]Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. Penguin Books, 2016.

АВТОРСКИЕ ПРИЕМЫ ДЕЛАКУНИЗАЦИИ

Как уже говорилось выше, мы посчитали возможным рассмотреть двуязычную автобиографию В. Набокова с точки зрения проблемы делакунизации при создании английской версии мемуаров («Speak, Memory»). Несомненно, писатель-переводчик понимал, что для английского читателя многие русские реалии представляют собой «белые пятна», т. е. лакуны, которые требуют расшифровки, делакунизации. Проблеме делакунизации в художественном переводе была посвящена диссертационная работа М. В. Рябовой, непосредственной ученицы Ю. А. Сорокина. В своем исследовании она определяет делакунизацию как процесс «расшифровывания значений единиц, входящих в его состав, с последующим перекодированием их в единицы текста перевода, сопровождающимся элиминированием лакун в лингвистических и фоновых знаниях переводчика» [Рябова, 2011, с. 20].

В теории лакун и делакунизации Ю. А. Сорокин и его школа пользуются такими терминами, как транслемы (единицы содержания оригинального текста, требующие перекодирования) и трансляты (вербальные соответствия в тексте перевода). В нашем исследовании транслемами можно считать российские реалии, представленные в русскоязычном варианте («Другие берега»), а транслятами – их англоязычные эквиваленты, использованные В. Набоковым при автопереводе. К транслемам были отнесены и те русские слова, которые автор-переводчик считал необходимым «расшифровывать» тем или иным способом для англоязычного читателя. Ниже приведем примеры таких пар «транслема – транслят», выявленных при сопоставительном анализе двух версий автобиографии писателя.

Данное сопоставление представляет особый интерес. Для переводчика, который является одновременно и автором, текст не является лакунизированным. В отличие от традиционного перевода автоперевод не сопровождается особыми трудностями в сфере понимания переводчиком языка оригинала. Однако тем острее автор перевода (он же автор оригинала) ощущает отсутствие в языке перевода эквивалентов языку оригинала. Соответственно, перед автором-переводчиком стоит проблема поисков способов элиминирования лакун в языке перевода. В концепции Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной основными способами элиминирования лакун считаются компенсация и заполнение: «Компенсирование лакун – это подбор квази-эквивалента, аналога "чужому" в своей культуре. <...> Заполнение лакун – это сохранение иноязычной единицы в транслитерированном виде и ее перевод, который может сопровождаться

переводческими примечаниями, комментариями, объясняющими читателю значение чужой языковой единицы» [Марковина, 2006, с. 16–17].

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть переводческие решения автора-переводчика, направленные на элиминирование лакун в процессе автоперевода, и, соответственно, выявить случаи заполнения и компенсации лакун. Согласно краткому меморандуму, заявленному выше, мы рассматриваем не только предметные реалии, но и те переводные соответствия, которые можно отнести к лингвокультурологическим лакунам. Ниже приведены и проанализированы некоторые из них в паре «транслема – транслят» с указанием приема делакунизации.

1. С помощью взрослого ***домочадца*** (*Набоков В. В. Другие берега*). – With the help of the ***grown-up person*** (*Nabokov V. Speak, Memory*).

Русское слово *домочадец*, бесспорно, не имеет прямых аналогов в английском языке и является лексической лакуной. Вариант перевода, предлагаемый В. Набоковым, можно отнести, на наш взгляд, к имплицитной компенсации, поскольку в нем нет отсылок к исходному слову. Вместо русского слова *домочадец* В. Набоков использует английское *grown-up person*, не передающее прямого значения слова (*lived-in servant*) и стилистической окраски (устаревшее), но сохраняющее теплое эмоциональное отношение к кому-то старше себя.

2. …мой отец обозвал его ***крепостником*** (*Набоков В. В. Другие берега*). – …my father accused him of a ***slaveowner's mentality*** (*Nabokov V. Speak, Memory*).

В данном фрагменте используется исконно русское слово *крепостник*, неизвестное англоязычной аудитории. По нашему мнению, это этнографическая реалия, а в качестве приема делакунизации В. Набоков использовал имплицитную компенсацию. Английский вариант *slaveowner* является квазианалогом, сохраняющим отрицательную коннотацию оригинальной языковой единицы.

3. …представляет стилизованную **домну** (*Набоков В. В. Другие берега*). – …a stylized version of a ***domna*** (primitive blast furnace) (*Nabokov V. Speak, Memory*).

Слово *домна*, которое происходит от древнерусского глагола *дъмати – дуть*, в русском языке считается почти устаревшим. Совершенно очевидно, что данная этнографическая реалия неизвестна англоязычной аудитории. Возможно, для перевода мог подойти функциональный аналог *furnace*, но для В. Набокова, по нашему мнению, было важно передать звучание слова, поэтому он использовал транслитерацию с объяснением. Автор-переводчик не ограничивается словом *furnace*, но уточняет что это *primitive* (*устаревшая*) печь. Это классический пример заполнения.

4. …над мучительной, каменной, совершенно непроницаемой кротостью искалеченных **мужиков** (*Набоков В. В. Другие берега*). – …those crippled ***peasants*** and the ineffectiveness of part-time compassion (*Nabokov V. Speak, Memory*).

В данном случае В. Набоков использует нейтральное слово *peasants* вместо *мужиков*. Слово *мужик* является этнографической реалией, и для его передачи автор использует имплицитную компенсацию, заменяя на эмоционально неокрашенное *peasants*.

5. ***Классная*** разрисована ломаными лучами солнца (*Набоков В. В. Другие берега*). – The ***schoolroom*** was drenched with sunlight (*Nabokov V. Speak, Memory*).

В данном случае можно говорить о грамматической лакуне. Русское слово *классная* является субстантивированным прилагательным из тематической группы «помещение» (ср.: *столовая*, *диванная* и др). В английском языке тоже есть группы субстантивированных прилагательных, но такой группы нет, поэтому вместо русской домашней *классной* в переводе появляется нейтральное существительное *schoolroom*.

6. …а к концу грамматики настоящий связный ***рассказец*** развивался ***взрослыми фразами*** в награду маленькому читателю (*Набоков В. В. Другие берега*). – …and at the very end of the brown, inkstained volume, a real, sensible story unfolded its adult sentences ("***One day Ted said to Ann: Let us***–") (*Nabokov V. Speak, Memory*).

Русскую диминутивную форму *рассказец* невозможно передать в англоязычной версии, но В. Набоков дает пример содержания такого «рассказца», т. е. использует прием заполнения.

7. Это простое словечко «где» превращалось у нее в «***гиди-э***» (*Набоков В. В. Другие берега*). – her pronunciation may be phonetically rendered as "***giddy-eh***" (actually it is *gde* with *e* as in "yet"), meant "Where?" (*Nabokov V. Speak, Memory*).

При описании речи гувернантки для Набокова было важно передать особенности произношения. Помимо описания звука, чужого для английского языка, для передачи данной речевой лакуны автор-переводчик использует заполнение, предоставляя объяснение и описание ("***giddy-eh***" (actually it is *gde* with *e* as in "yet").

8. ...в вертикально падающий крупный снег ***Мира Искусства*** (*Набоков В. В. Другие берега*). – ...into some lane of great gates and green lions with rings in their jaws, into the ***stylized snowscape*** of the "***Art World***," ***Mir Iskusstva*** (*Nabokov V. Speak, Memory*).

В данном примере бросается в глаза отсутствие кавычек в русском тексте и их присутствие в английском. Нам представляется, что для русскоязычной аудитории того времени словосочетание «Мир искусства» (художественное объединение, сформировавшееся в России в конце 1890-х годов) было настолько хорошо известно, что В. Набоков не стал выделять его. Однако для англоязычной аудитории он дает два варианта: перевод и транслитерацию, оба в кавычках. На наш взгляд, это пример эксплицитной компенсации.

9. ...цитатами из «***Долой оружье!***» благонамеренной, но бездарной Берты Зуттнер (*Набоков В. В. Другие берега*). – ...popular pacifist book ***Doloy Oruzhie!*** (a translation of Bertha von Suttner's *Die Waffen Nieder!*) (*Nabokov V. Speak, Memory*).

В приведенном фрагменте используется название известной книги того времени «Долой оружье!» и упоминается ее автор. Для передачи данной реалии искусства и культуры В. Набоков использует заполнение в качестве приема делакунизации. Транслитерируя русскую версию названия, автор-переводчик передает звучание книги, которая вызвало бурную реакцию у него в юные годы.

10. Летние ***сумерки*** («сумерки» – какой это томный сиреневый звук! (*Набоков В. В. Другие берега*). – Summer ***soomerki*** – the lovely Russian word for dusk (*Nabokov V. Speak, Memory*).

Приведенный выше пример представляется нам особенно интересным, поскольку здесь Набоков-переводчик пользуется, с одной стороны, транслитерацией, но с другой – приводит английское слово, используемое для обозначения этой части светового дня. В русскоязычной версии Набоков описывает свое отношение к звучанию слова, а в англоязычной автор-переводчик подчеркивает, что это слово русское, и уточняет, что оно «lovely». В этом случае можно говорить об использовании эксплицитной компенсации.

Приведенные примеры лингвокультурологических лакун являются только небольшой частью нашей выборки пар «транслят – транслема». Всего из текстов двуязычной автобиографической прозы В. Набокова «Другие Берега» и «Speak, Memory» было отобрано и проанализировано около 200 таких пар, что позволяет сделать определенные выводы об авторских приемах делакунизации, использованных В. Набоковым в процессе автоперевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Владимир Набоков был не только переводчиком, занимавшимся автопереводом и переводом, но и автором своеобразной концепции перевода, отраженной в нескольких его работах: «Искусство перевода», «The Servile Path», «Problems of Translation», «Onegin in English», в предисловии к собственному переводу «Герой нашего времени» и др. Хорошо известны слова из его статьи «Искусство перевода», в которой он говорит о переводческих «грехах»: «Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию»[1]. Очевидно, что в случае автоперевода ошибок, связанных с незнанием и непониманием, не может быть. Однако проблема словесных превращений становится особенно ощутимой, поскольку автор-переводчик остро чувствует различие между языковыми кодами и их культурными смыслами. Соответственно, поиск средств перевыражения и, как следствие, поиск приемов делакунизации в случае авторского перевода является очень важной составляющей переводческого процесса.

Проведенный сопоставительный анализ двух версий автобиографии (русскоязычной и англоязычной) позволяет нам заключить, что В. Набоков как переводчик стремится элиминировать лакуны, поскольку, как известно, он был сторонником точного перевода.

На наш взгляд, именно стремлением к точности перевода объясняется выбор его приемов делакунизации. Приведенные в статье примеры демонстрируют, что наиболее часто В. Набоков пользовался заполнением с комментарием и эксплицитной компенсацией, т. е. теми приемами, где сохраняется исходное слово.

Сохраняя как можно больше русских исходных слов в транслитерированном виде, по нашему мнению, В. Набоков создает своего рода «межъязыковой

[1]Nabokov V. Servile Path. Harvard University Press, 1959. P. 97.

диалог». Особенно явным это стремление проявилось в последнем романе писателя (тоже частично автобиографическом) «Look at the Harlequins!»[1]. Подробнее о русских словах в англоязычных произведениях Набокова мы писали в работе, посвященной именно этой теме [Курушин, 2023].

Выбор названных приемов делакунизации, по всей видимости, объясняется тем, что Набоков стремится, с одной стороны, к точному переводу, а с другой – к межъязыковому диалогу, демонстрируя читателю межъязыковое и межкультурное различие языков исходного текста и текста перевода. Стремление к точности приводит к тому, что автор дает русское слово в транлитерированном виде, а стремление к диалогу выливается в присутствие англоязычного соответствия и его толкования на английском языке. Именно благодаря сочетанию оригинального слова, перевода и авторского объяснения становится возможным данный диалог.

Подводя итоги, подчеркнем, что проблема элиминирования лакун – это объективная проблема любого переводчика, и хотя она изучается, не так много внимания уделяется именно автопереводу. Нам представляется, что именно в том случае, когда писатель-билингв занимается автопереводом, его приемы делакунизации можно считать наиболее адекватными, так как он хорошо представляет себе, какую лакуну заполняет или элиминирует.

[1]Nabokov V. Look at the harlequins! New York: Vintage International, 1990.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. М.: Наука, 1989.
2. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
3. Рябова М. В. Делакунизация в художественном переводе (на материале произведений Э. М. Ремарка на немецком и русском языках): дис. … канд. филол. наук. М., 2011.
4. Липатова Ю. Ю . Категория лакунарности и ее отражение в русских переводах сер. XIX–XX вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2008.
5. Булгакова С. Ю. Корреляция реалий и лакун при переводе художественного текста // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 188–192.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ИМО, 1975.
7. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965.
8. Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; отв. ред. канд. филол. наук М. Б. Раренко. М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2010.
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2016.
10. Фененко Н. А. Художественный реаликон: к проблеме определения и интерпретации понятия // Этнопсихолингвистика. 2020. № 3. С. 95–105.
11. Марковина И. Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «Притяжения» и «Отталкивания» // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 12–33.
12. Курушин Д. Д. «Русское слово» в последнем англоязычном романе В. Набокова // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Уфа, 23–24 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. П. Пешкова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. С. 82–85.

REFERENCES

1. Sorokin, Yu. A., Markovina, I. Yu. (1989). Nacional'no-kul'turnaya specifika hudozhestvennogo teksta = National and cultural specificity of a literary text. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2010). Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu = Culture and text. Introduction to lacunology. Moscow: GEOTAR-Media. (In Russ.)
3. Ryabova, M. V. (2011). Delakunizaciya v hudozhestvennom perevode (na materiale proizvedenij E. M. Remarka na nemeckom i russkom yazykah) = Delacunization in literary translation (based on the material of the works of E. M. Remarque in German and Russian): dis. … candidate of Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Lipatova, Yu. Yu. (2008). Kategoriya lakunarnosti i ee otrazhenie v russkih perevodah = The category of lacunarity and its reflection in Russian translations ser. XIX–XX centuries. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russ.)

5. Bulgakova, S. Y (2013). Korrelyaciya realij i lakun pri perevode hudozhestvennogo teksta = Correlation of realities and lacunae in the translation of a literary text. Vestnik of the Voronezh State University. Series: linguistics and intercultural communication, 2, 188–192. (In Russ.)
6. Barkhudarov, L. S. (1975). Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda = Language and translation. Questions of general and particular theory of translation. Moscow: IMO. (In Russ.)
7. Stepanov, Y. S. (1965). Francuzskaya stilistika = French stylistics. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ.)
8. Rarenko M. B. (Ed.). (2010). Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyj opyt). Terminologicheskij slovar'-spravochnik = Basic concepts of translation studies (Domestic experience). Terminological dictionary-reference. Linguistics. Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam (INION) RAN. (In Russ.)
9. Nelubin, L. L. (2016). Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' = Comprehensible Dictionary of Translation. Moscow: Flinta: Nauka.
10. Fenenko, N. A. (2020). Hudozhestvennyj realikon: k probleme opredeleniya i interpretacii ponyatiya = Artistic realikon: On the problem of definition and interpretation of the concept. Ethnopsycholinguistics, 3, 95–105. (In Russ.)
11. Markovina, I. Y. (2006). Eliminirovanie lakun kak dejstvie social'nopsihologicheskih mekhanizmov «prityazheniya» i «ottalkivaniya» = Elimination of lacunae as the effect of socio-psychological mechanisms of "attraction" and "repulsion. Journal of Psycholinguistics, 3, 12–33. (In Russ.)
12. Kurushin, D. D. (2023). «Russkoe slovo» v poslednem angloyazychnom romane V. Nabokova = «The Russian word» in the last English-language novel by V. Nabokov. In Peshkova, N. P. (Ed.), Mezhkul'turnaya ↔ intrakul'turnaya kommunikaciya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda (pp. 82–85): materialy XI Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii (Ufa, 23–24 November, 2023). Ufa: RIC UUNiT. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курушин Дмитрий Даниилович
ассистент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермского национального исследовательского политехнического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurushin Dmitry Daniilovich
Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

Статья поступила в редакцию	20.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'27

Основные признаки коммеморативного дискурса (на материале аутентичных англоязычных текстов)

Е. П. Мурашова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия
e.p.murashova@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению специфики коммеморативного дискурса – разновидности институционального дискурса, направленной на реактуализацию, продвижение и сохранение наследия прошлого. На материале англоязычных текстов интернет-коммуникации, опубликованных британскими и американскими политиками, выявляются наиболее ярко выраженные признаки коммеморативного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, коллективная память, интернет-коммуникация, коммеморативная коммуникация, коммеморация, прецедентное имя, ретроактивность, гипертекстуальность, хэштегирование, виральность

Для цитирования: Мурашова Е. П. Основные признаки коммеморативного дискурса (на материале аутентичных англоязычных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 65–71.

Original article

The Main Features of the Commemorative Discourse (an analysis of authentic English-language texts)

Ekaterina P. Murashova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russia
e.p.murashova@mail.ru

Abstract. The present article is devoted to the peculiarities of the commemorative discourse, which is a type of the institutional discourse aimed at reactualising, promoting and preserving the heritage of the past. Having analysed English-language texts of internet communication published by British and American politicians, the author reveals the most vividly expressed features of the commemorative discourse.

Keywords: discourse, collective memory, internet communication, commemorative communication, commemoration, precedent name, retroactivity, hypertextuality, hashtagging, virality

For citation: Murashova, E. P. (2024). The Main Features of the Commemorative Discourse (an analysis of authentic English-language texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 65–71. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной гуманитарной науке на фоне турбулентных геополитических процессов наблюдается всплеск интереса к проблемам памяти как социального феномена в различных аспектах ее проявления, прежде всего в психологическом [Memory in the Wild, 2020], культурном [Azaryahu, 2021; Шуб, 2018], историко-политическом [History, Memory and Public Life ... 2018] и семиотическом [Reisigl, 2018]. Потребность в обеспечении национальной сплоченности в целях противодействия внешним вызовам обусловливает актуальность изучения основных особенностей коммеморативного дискурса, под которым здесь и далее понимается отдельная разновидность институционального дискурса, мобилизирующая ресурсы коллективной памяти для реактуализации, продвижения и сохранения наследия прошлого.

В отечественной лингвистике изучение коммеморативного дискурса ведется преимущественно в русле когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического направлений. В рамках когнитивной лингвистики следует отметить фундаментальные труды, посвященные выявлению и описанию принципов, закономерностей и механизмов выражения мнемических процессов в естественном языке [Кубрякова, 2004; Тивьяева, 2018], и работы, направленные на выделение моделей и средств вербализации исторической памяти и трансфера исторических знаний в конкретных жанрах, таких как мемориальная доска или газетная статья [Беседина, Буркова, 2023]. Лингвокультурологическое направление представлено исследованиями, в которых коммеморация рассматривается в контексте репрезентации культурно-исторической памяти в той или иной лингвокультуре, например, [Таскаева, 2021]. В зарубежной лингвистике распространен лингвопрагматический подход к коммеморативному дискурсу, который предполагает выявление стратегий и тактик эффективной коммеморации [The Art of Commemoration ... 2003]. В большинстве работ не проводится четкой демаркации между коммеморативным и политическим разновидностями дискурса, что демонстрирует недостаточную разработанность вопроса границ между ними.

Цель настоящей статьи – выявить основные признаки, составляющие специфику коммеморативного дискурса в ряду иных разновидностей дискурса (политического, академического, музейного и др.), осуществляющих интерпретацию прошлого. Мы полагаем, что термин «признаки» наиболее точно отражает сущность выбранного предмета исследования в соположении со смежными терминами типа «характеристики» или «параметры», так как содержит указание на возможность идентифицировать носителя: признак – «показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь»[1].

В настоящем исследовании мы используем два обусловливающих друг друга понятия – «коммуникация» и «дискурс» и фокусируемся на последнем, так как считаем необходимым рассматривать коммеморативную коммуникацию в дискурсивном русле.

Материалом исследования выступают 250 англоязычных текстов интернет-публикаций британских и американских политиков в популярных социальных сетях за период с 2020 по 2024 годы, отобранных методом сплошной выборки из личной картотеки автора настоящей статьи. Выбор политического медиадискурса в качестве эмпирического материала продиктован, прежде всего, тем, что коммеморативная коммуникация является неотъемлемым компонентом коммеморативных практик в политике, в том числе при реализации так называемой «политики памяти».

КОММЕМОРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Коммеморация традиционно представляет собой объект общегуманитарного и междисциплинарного знания и изучается с привлечением достижений наук социального цикла, в основном философии, культурологии, социологии, истории и политологии.

Сложность и многогранность феномена коллективной памяти, а также многообразие форм ее объективации обусловливает отсутствие общепринятого толкования термина «коммеморация». В большинстве работ коммеморация понимается в узком прикладном смысле как совокупность социальных практик памятования, направленных на сохранение в коллективной памяти сообщества историко-культурного наследия [Шуб, 2018, с. 236]. Попытка примирить различные точки зрения на коммеморацию и память в целом осуществляется в рамках относительно новой междисциплинарной области знания – *memory studies* (*рус.* исследования памяти). Концептуальной основой для преодоления терминологических, методологических и иных разночтений в рамках новой дисциплины является, прежде всего, рассмотрение памяти как «мировоззренческой универсалии», образующей «фундамент культуры» и «геном социальной жизни» [Степин, 2011, с. 151].

В лингвистике термин «коммеморация» еще не получил специального определения и нуждается в адаптации. Этимология слова *коммеморация* (*лат.*

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. С. 591.

com- + memorare, *рус.* вместе + упоминать) указывает на обязательность таких компонентов его значения, как «совместность» и «вызывание в сознании», а также на коллективный и событийный характер обозначаемого явления. Лингвистическая трактовка коммеморации становится возможной и необходимой благодаря тому, что вспоминание, как правило, опосредуется коммуникацией на естественном языке и выступает реакцией на коммуникативный стимул. В большинстве случаев коммуникативным стимулом коммеморации выступает прецедентное имя, обозначающее персоналию, явление или событие прошлого.

При разработке лингвистического определения коммеморации, как нам представляется, необходимо учитывать, что понятие коммеморации не ограничивается актами вспоминания и забвения и наиболее близко по содержанию к понятию памятования в его философском толковании. Памятование представляет собой единство трех взаимосвязанных процессов, направленных на «ревитализацию» наследия прошлого: во-первых, реактуализации, под которой следует понимать переосмысление прошлого в контексте настоящего времени; во-вторых, продвижения историко-культурного наследия, предполагающего применение маркетинговых и пиар-технологий; в-третьих, собственно сохранения памяти, благодаря которому становится возможной передача историко-культурного опыта от поколения к поколению. Памятование, как следует из вышеприведенного определения, является «ретроактивным процессом», суть которого заключается в наделении прошлого новыми смыслами посредством трансфера знаний о нем – «путешествия в прошлое» и «забегания вперед» [Жижек, 1999, с. 61–62]. Толкование памятования как ретроактивного процесса, на наш взгляд, позволяет удачно объяснить своеобразие хронотопа коммеморативного дискурса.

Таким образом, в первом приближении коммеморация – это ретроактивная массовая коммуникация, оперирующая прецедентными феноменами (как правило, именами) в целях реактуализации, продвижения и сохранения наследия прошлого.

СПЕЦИФИКА КОММЕМОРАТИВНОГО ДИСКУРСА

Анализ материала исследования позволил выявить следующие основные признаки коммеморативного дискурса. Если для политического дискурса характерен один или несколько из нижеприведенных признаков (см. труды Р. Водак, Т. Ван Дейка, В. И. Карасика, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал), то для коммеморативного дискурса ингерентна их совокупность. Все признаки стабильно выражены и проявляются одновременно.

Ретроактивность

Термин «ретроактивность», как правило, используется в гуманитарных науках для обозначения обратного действия чего-либо, воздействия чего-либо на прошлое. Так, в юриспруденции ретроактивность – действие закона на решения, принятые до его вступления в силу; в психологии и психиатрии – влияние какого-либо стимула в настоящем на что-либо в прошлом (например, ретроактивная интерференция – явление, при котором новая информация ингибирует вспоминание старой). В настоящей работе мы считаем целесообразным придерживаться толкования ретроактивности, выработанного в психоанализе, – как переработки прошлого когнитивного опыта и наделения его новым смыслом (ср. с *нем.* Nachträglichkeit З. Фрейда, *рус.* последействие). Указание на синергетический эффект в приведенном определении, как мы полагаем, в наибольшей мере отражает смыслообразующую сущность коммеморации и позволяет отграничить коммеморативный дискурс от других разновидностей дискурса ретроспективной направленности. Под ретроактивностью коммеморативного дискурса мы понимаем его способность конструировать новые значения с помощью адаптивной модификации означающих прошлого.

Основным способом реализации ретроактивности в тексте англоязычной интернет-публикации является сочетание трех временны́х планов в его темпоральной структуре, причем порядок их предъявления обычно определяется логикой движения от прошлого к будущему через настоящее. В качестве примера приведем публикацию президента США Джо Байдена от 27.11.2020, посвященную празднованию Дня наследия коренных американцев. Три временны́х пласта выражены в ней следующими языковыми средствами: настоящее – формами глагола в простом настоящем времени (*give*, *celebrate*) и указательным местоимением *this*; прошлое – существительными *H/heritage*, *ancestors*, будущее – глаголом в повелительном наклонении (*let's commit*) и сочетанием прилагательного с существительным (*a new future*).

> ***This*** Native American ***Heritage*** Day, we ***give*** thanks to our Indigenous communities and their ***ancestors***. As we ***celebrate*** their rich ***heritage*** and contributions, ***let's commit*** to writing ***a new future*** together – one built on a strong partnership and filled with opportunity for all.

В данном примере смыслообразование осуществляется за счет вербализации актуальных для настоящего времени идеологем «сотрудничество» и «возможность» (*a strong partnership*, *opportunity for all*): они служат своеобразными ассимиляторами между временны́ми планами, адаптируя план прошлого таким образом, что оно становится аргументативной основой для планирования траектории развития нации. Итак, будущее приобретает относительную определенность благодаря применению современных идеологем к явлению прошлого.

Витуперативность

В настоящем исследовании мы считаем необходимым ввести новый термин «витуперативность», поскольку, на наш взгляд, он наиболее метко отражает специфику реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в коммеморативном дискурсе. Витуперация (*лат.* vituperare = vitium + parare, *досл.* 'подготовка вины'), представляет собой коммуникативную стратегию, направленную на объединение «своих» против «чужих» в процессе подготовки обвинения и его предъявления. Витуперация отличается от речевой агрессии тем, что включает в себя комплекс разнонаправленных стратегий – кооперативных и некооперативных (конфронтационных) [Иссерс, 2008], обслуживающих консолидацию «своих» на фоне и на основе дискредитации «чужих», т. е. витуперация и речевая агрессия соотносятся как общая и частная стратегия. В коммеморативном дискурсе «подготовка вины» в основном реализуется за счет параллелизации событий прошлого и настоящего с использованием средств речевой агрессии. Примечательно, что факт параллелизации, в некоторых случаях представляющий собой псевдоаргумент, позиционируется как оправданный на фоне активного применения средств консолидации «своих».

Например, в следующей публикации бывшего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона от 08.05.2022, приуроченной к Дню победы в Европе, коммеморация имеет подчеркнуто обвинительный характер: чествование героев Второй мировой войны реализуется параллельно обвинению в адрес России в страданиях украинского народа. В основе витуперации в данном примере лежит параллелизация двух событий – Второй мировой войны и Специальной военной операции РФ, реализуемая с помощью синтаксического параллелизма:

> On VE Day, as ***we remember those who*** sacrificed their lives in WW2, ***we also think of those who***'ve died and suffered in Russia's illegal invasion of Ukraine.
>
> Our respect ***for those who*** fought strengthens our determination to support Ukrainians today. #WeStandWithUkraine

Конфронтационная стратегия витуперации вербализуется за счет прецедентного имени *WW2* и лексики с негативной коннотацией *sacrificed*, *died*, *suffered*, *illegal*. Кооперативная стратегия реализуется при помощи активного использования личного местоимения *we*, *our*.

Приведенный пример демонстрирует, что коммеморация не сводится к вспоминанию прошлого, но погружает прошлое в контекст настоящего времени и привлекает его для обслуживания текущей идеологии.

Гипертекстуальность

Гипертекстуальность чаще всего рассматривается как реализация интертекстуальности в сети интернет, однако для нашего исследования релевантна более широкая трактовка гипертекстуальности как возможности расширения смысла текста на основе его нелинейного прочтения [Масалова, 2003]. Нелинейное прочтение в коммеморативном дискурсе выступает необходимым условием понимания историко-культурного контекста сообщения и, как правило, осуществляется посредством исторических справок и отсылок, которые в онлайн-дискурсе чаще всего реализуются при помощи гиперссылок и хэштегов. Историческая справка составляется с учетом двух факторов: во-первых, особенностей интерпретирующей деятельности адресата [Болдырев, Дубровская, 2015] (важным условием понимания сообщения является синхронизация социокультурных знаний о прошлом адресанта и адресата); во-вторых, технических и жанровых требований канала и платформы коммуникации. Так, в одной из популярных американских социальных сетей в стандартной версии действует ограничение объема публикации до 280 символов, которое по рекомендации разработчиков можно преодолеть за счет мультимедийного инструментария (изображения, GIF, опросы и др.), иначе – путем создания полимодального текста и / или гипертекста.

Публикация МИДа Соединенного Королевства от 01.03.2024, посвященная новости о президентстве государства в Международном альянсе в память о Холокосте, представляет собой многолинейный гипертекст. Гипертекст состоит из текстового сообщения с двумя отметками – аккаунта Альянса и аккаунта специального посланника по вопросам Пост-Холокоста Лорда Эрика Пиклза, а также прикрепленной публикации того же

источника от 27.01.2024 с текстовым сообщением, в которое включены отметки аккаунта министра иностранных дел Дэвида Кэмерона и аккаунта Посольства Израиля в Лондоне, ряд коммеморативных хэштегов и видеофрагмент интервью Д. Кэмерона с пережившей Холокост Ив Куглер.

Текст основного сообщения представлен двумя предложениями, напоминающими заголовочный комплекс за счет расположения друг за другом через интервал, введения акторов посредством имен собственных (*the UK*, *the International Holocaust Remembrance Alliance*, *Eve Kugler*), использования глаголов в настоящем времени (*takes on*, *are*) и эпитета (*stark*):

> Today ***the UK takes on*** the presidency of ***the International Holocaust Remembrance Alliance***.
>
> Testimony from survivors like ***Eve Kugler are*** a ***stark*** reminder ***why we must never forget***. @TheIHRA @EricPickles

Связь между основной и приложенной публикациями реализуется за счет лексического повтора:

> ***Holocaust survivor Eve Kugler*** speaks to Foreign Secretary @David_Cameron about ***why we must not forget***.

Читателю публикации предлагается выбор объема историко-культурной информации в зависимости от его интересов и социокультурного фона: проиграть видео, перейти по хэштегам и отметкам.

Виральность

С середины 1980-х годов и по настоящее время мир переживает так называемый «мемориальный бум» – своеобразное модное веяние, для которого характерна популяризация истории, спрос на эстетику былых времен, стремление найти в прошлом ответы на современные вопросы. Как справедливо отмечает И. А. Гусейнова в своем исследовании, посвященном вопросам моды на язык как способу реализации стратегии «мягкой силы», «для дискурса современных лингвокультур в условиях многополярности мира характерно обращение к архаике, нередко реализуемое при помощи феномена ретро, мода на который наиболее эксплицитно представлена в медиальном дискурсе» [Гусейнова, 2017, с. 38–39]. В рамках постмодернизма «мода на прошлое» во многом объясняется утратой референтов в настоящем, которая вынуждает обращаться к прошлому как источнику верифицированного, проверенного временем опыта [Мурашова, 2020].

Виральность коммеморативного сообщения, как правило, обеспечивается хэштегированием. Коммеморативные хэштеги могут быть как относительно универсальными (*#LestWeForget*, *#NeverForget*), так и специфичными для определенного события, явления или персоналии (*#BlackHistoryMonth*, *#PoppyAppeal*, *#MLKDay*). Хэштеги позволяют объединить и систематизировать тексты с общей тематикой из разных источников, облегчая поиск и передвижение по гипертекстовому массиву.

Ритуальность

Ритуальность, подразумевающая отсутствие элемента новизны, предсказуемость и преобладание фатики над информативностью, в той или иной мере присуща политическому дискурсу [Шейгал, 2000]. С помощью средств коммуникации ритуальность позволяет обеспечить социальную стабильность, в том числе подтверждением приверженности участников коммуникативного акта общим идеям и ценностям, сохранением общей исторической памяти и сплоченности группы [Фирстов, 2023]. Есть, однако, определенные жанры, которые могут называться сугубо ритуальными из-за значительного преобладания в них фатического компонента (инаугурационное обращение, приветственное слово, общение руководителя с народом). Коммеморативный дискурс, в отличие от политического, характеризуется стабильно высокой степенью ритуальности, которая при этом не исключает вариативности выражения и даже лингвокреативности. Большую роль в реализации ритуальности в коммеморативном дискурсе играют так называемые «знаки интеграции» [Шейгал, 2000, с. 158], т. е. знаки, осуществляющие консолидацию «своих»: вербальные (прецедентные имена, даты, цитаты, клише, «слова памяти», слова-символы, местоимение *we*) и невербальные (национально-государственные символы, портреты государственных лидеров, возложение венков и др.).

Например, в публикации премьер-министра Великобритании Риши Сунака от 11.11.2021, посвященной Дню памяти павших, содержится целый ряд «знаков интеграции»: прецедентные имена (*the Constituency Garden of Remembrance*, *the Green Howards Regiment*, *our Armed Forces*, *#RemembranceDay*), клишированные фразы (*it was an honour to*, *those who have served*, *Today and forever we will remember them*), «слова памяти» (*to commemorate*, *will remember*, *#LestWeForget*), слово-символ *a cross*, местоимение *we / our*, черно-белая фотография, на которой Риши Сунак, преклонив колено, устанавливает мемориальный крест в Саду памяти.

> Yesterday it was an honour to place a cross in the @CommonsSpeaker Constituency Garden of

Remembrance to commemorate the Green Howards Regiment, and all those who have served in our Armed Forces.
Today and forever we will remember them.
#LestWeForget #RemembranceDay

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что коммеморативный дискурс представляет собой отдельную разновидность дискурса, отличную от других разновидностей, осуществляющих смыслообразование на основании обращения к прошлому. Коммеморативный дискурс – это институциональный дискурс, направленный на реактуализацию, продвижение и сохранение наследия прошлого, характеризующийся такими основными признаками, как ретроактивность, витуперативность, гипертекстуальность, виральность и высокая степень ритуальности. Нами было установлено, что главное отличие коммеморативного дискурса от политического дискурса состоит в том, что для первого характерно постоянное выраженное присутствие совокупности всех пяти вышеперечисленных признаков, в то время как во втором могут быть выражены один или несколько из них. Перспективным направлением исследования нам представляется изучение стратагемно-тактической организации коммеморативного дискурса в его соположении с политическим дискурсом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Memory in the Wild / ed. by B. Wagoner, I. Brescó de Luna, S. Zadeh. Charlotte, NC: Information Age Publishing, Inc., 2020.
2. Azaryahu M. An Everlasting Name: Cultural Remembrance and Traditions of Onymic Commemoration. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021.
3. Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: дис. … д-ра культурологии. Челябинск, 2018.
4. History, Memory and Public Life: The Past in the Present / ed. by A. Maerker, S. Sleight, A. Sutcliffe. L.: Routledge, 2018.
5. Reisigl M. The Semiotics of Political Communication // The Routledge Handbook of Language and Politics / ed. by R. Wodak, B. Forchtner. L. and N. Y.: Routledge, 2018. P. 368–382.
6. Кубрякова Е. С. Организация и хранение знаний в голове человека // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 355–389.
7. Тивьяева И. В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2018.
8. Беседина Е. А., Буркова Т. В. Коммеморативный дискурс в контексте трансфера знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. Вып. 2. С. 38–46.
9. Таскаева А. В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2021.
10. The Art of Commemoration: Fifty Years after the Warsaw Uprising / ed. by T. Ensink, Ch. Sauer. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003.
11. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
12. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.
13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
14. Масалова М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ульяновск, 2003.
15. Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Вып. 3(44). С. 14–25.
16. Гусейнова И. А. Мода на язык как способ реализации стратегии «мягкой силы» в условиях современных геополитических изменений // Язык и мода: сб. статей; отв. ред. Трошина Н. Н. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 28–48.
17. Мурашова Е. П. Ретро как объект изучения лингвистики // Верхневолжский филологический вестник. 2020. Вып. 4(23). С. 113–120.
18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
19. Фирстов М. С. Некоторые особенности устного перевода социально-ритуальных текстов. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13(881). С. 102–108.

REFERENCES

1. Wagoner, B., Brescó de Luna, I., Zadeh, S. (Eds.). (2020). Memory in the Wild. Charlotte, NC: Information Age Publishing, Inc.
2. Azaryahu, M. (2021). An Everlasting Name: Cultural Remembrance and Traditions of Onymic Commemoration. Berlin, Boston: De Gruyter.

3. Shub, M. L. (2018). Obraz proshlogo kak fenomen kul'tury: kontseptualizatsiya i formy reprezentatsii v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve = The image of the past as a phenomenon of culture: conceptualisation and forms of representation in the modern socio-cultural space: Senior Doctoral thesis in Culturology. Chelyabinsk, 2018. (In Russ.)
4. Maerker, A., Sleight, S., Sutcliffe, A. (Eds.). (2018). History, Memory and Public Life: The Past in the Present. L.: Routledge.
5. Reisigl, M. (2018). The Semiotics of Political Communication. The Routledge Handbook of Language and Politics (pp. 368–382). Ed. by R. Wodak, B. Forchtner. L. and N. Y.: Routledge.
6. Kubryakova, E. S. (2004). Organizatsiya i khranenie znanii v golove cheloveka = Organisation and storage of knowledge in a human's mind. In Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira (pp. 355–389). Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)
7. Tiv'yaeva, I. V. (2018). Kognitivno-kommunikativnaya kontseptsiya mnemicheskoi deyatel'nosti = The cognitive-communicative concept of mnemic activity: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Besedina, E. A., Burkova, T. V. (2023). Commemorative discourse in the context of knowledge transfer. Issues of Cognitive Linguistics, 2, 38–46. (In Russ.)
9. Taskaeva, A. V. (2021). Realizatsiya geroicheskoi paradigmy v natsional'noi yazykovoi kartine mira = Realisation of the heroic paradigm in the national language picture of the world: abstract of Senior Doctorate in Philology. Chelyabinsk. (In Russ.)
10. Ensink, T., Sauer, Ch. (Eds.). (2003). The Art of Commemoration: Fifty Years after the Warsaw Uprising. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
11. Stepin, V. S. (2011). Tsivilizatsiya i kul'tura = Civilisation and culture. St.Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. (In Russ.)
12. Zhizhek, S. (1999). Vozvyshennyi ob"ekt ideologii = The sublime object of ideology. Moscow: Art Journal. (In Russ.)
13. Issers, O. S. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi = Communicative strategies and tactics of the Russian speech. 5th ed. Moscow: LKI. (In Russ.)
14. Masalova, M. V. (2003). Gipertekstual'nost' kak immanentnaya tekstovaya kharakteristika = Hypertextuality as an immanent text characteristic: abstract of PhD in Philology. Ul'yanovsk. (In Russ.)
15. Boldyrev, N. N., Dubrovskaya, O. G. (2015). On the problem of sociocultural discourse specificity construction. Issues of Cognitive Linguistics, 3(44), 14–25. (In Russ.)
16. Guseinova, I. A. (2017). Fashion for language as a way of implementing the strategy of "soft power" in context of contemporary geopolitical changes. In Troshina, N. N. (Ed.), Yazyk i moda (pp. 28–48): a digest of articles. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
17. Murashova, E. P. (2020). Retro as an object of linguistic study. Verhnevolzhski Philological Bulletin, 4(23), 113–120. (In Russ.)
18. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse: Senior Doctoral thesis in Philology. Volgograd. (In Russ.)
19. Firstov, M. S. (2023). Interpreting socio-ritual texts. Some features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 102–108. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурашова Екатерина Павловна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук
Московского государственного лингвистического университета; доцент кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета «Московский государственный энергетический институт»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Murashova Ekaterina Pavlovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication
in the Sphere of Political Science, Moscow State Linguistic University
Associate Professor at the Department of Foreign Languages, National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.131.1

Экономичность выражения смысла в языке итальянских средств массовой информации

А. И. Назаренко

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
annushka_n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проявление принципа речевой экономии в языке итальянских СМИ, отмечается усиление тенденций к аналитизму в итальянском языке, анализируется словообразование по моделям «существительное + существительное», «глагол + существительное» и «прилагательное + существительное», а также адаптация англицизмов. Отмечается, что злоупотребление подобными неологизмами в СМИ часто приводит к терминологической путанице. В заключение подчеркивается важность принципа экономии для развития языка.

Ключевые слова: принцип речевой экономии, тенденция к аналитизму, аналитическое словообразование, сложные слова, язык итальянских СМИ, англицизмы, псевдоанглицизмы

Для цитирования: Назаренко А. И. Экономичность выражения смысла в языке итальянских средств массовой информации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 72–77.

Original article

Manifestation of the Economy Principle in the Italian Media Discourse

Anna I. Nazarenko

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
annushka_n@mail.ru

Abstract. The article concerns the manifestation of the economy principle in the language of the Italian media, elaborates on the analytical tendencies in Italian, explores the analytical word forms such as “Noun+Noun”, “Verb+Noun” and “Adjective + Noun” compounds as well as the adaptation of the anglicisms. It posits that the abuse of this kind of neologisms in the media frequently leads to terminological confusion. In conclusion, we emphasize the importance of the economy principle for the development of the language.

Keywords: economy principle in language, language analytical tendencies, analytical word forms, Italian media discourse, compound words, anglicisms, pseudo-anglicisms

For citation: Nazarenko, A. I. (2024). Manifestation of the economy principle in the Italian media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 72–77. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Последние несколько лет характеризуются ускорением процессов лингвистических трансформаций во многих языках вследствие изменения социальных, политических и экономических условий, и, в первую очередь, событий, связанных с пандемией Covid-19. Примечательно, что в ноябре 2020 года эксперты-лексикографы Оксфордского словаря не смогли выбрать традиционное «Слово года» и предложили список из 47 слов и словосочетаний, наиболее ярко отражавших все происходившее в мире в тот период. Ученые отметили, что невероятная скорость, с которой англоговорящий мир за несколько месяцев сформировал словарный запас, связанный с коронавирусом, стала по-настоящему беспрецедентной[1]. Новые явления и стремительно развивающиеся события в различных сферах жизни влияют на язык как на важнейшее средство коммуникации и выражения мысли, способствуя возникновению новых слов. В настоящее время большинство неологизмов попадают в язык именно из средств массовой информации, поэтому изучение языка современной прессы – одна из наиболее актуальных и интересных тем для исследования.

Одной из особенностей языка итальянских средств массовой информации является постоянно усиливающая тенденция к его превращению в своего рода метаязык, понимание которого становится труднодоступным для большинства читателей и телезрителей. Например, заголовки статей часто выглядят как ребусы: в них опускаются предлоги и вспомогательные глаголы, часто используются аббревиатуры, а итальянские слова чередуются с англицизмами и псевдоанглицизмами. Все эти приемы часто становятся предметом нападок со стороны защитников чистоты итальянского языка, однако они являются средством ускорения процесса передачи информации. Следовательно, данную тенденцию в языке итальянских СМИ можно рассматривать в качестве одного из проявлений закона речевой экономии. Изучение реализации этого закона в различных языках является актуальным для многих современных исследователей [Ковригина, 2013; Харитонова, 2014; Величко, 2015; Самборук, 2020].

Отметим также все возрастающий в лингвистической среде «интерес к разным способам пополнения лексического запаса отдельных языков, к принципам моделирования новых единиц номинации, к созданию таких языковых форм, которые закрепляют в языке новые структуры знаний» [Петрова, 2004, с.4]. Цель данной работы – проанализировать, как тенденция к экономичности выражения смысла в языке итальянских СМИ сосуществует с необходимостью номинации новых явлений.

По мнению А. И Ковригиной, «языковая экономия является сегодня одним из самых активных процессов развития языка, его движущей силой, оперирующей самыми разнообразными приемами и единицами на лексическом и синтаксическом уровнях языковой системы. Во многих случаях речь идет о неологических образованиях, которые с течением времени приобретают статус устойчивых моделей и активно проникают в языковое употребление» [Ковригина, 2013, с. 2]. А. В. Величко отмечает, что «принцип экономии органично сочетается с другим фундаментальным свойством языка – тенденцией к развитию, обновлению, совершенствованию... Взаимосвязь двух свойств языка – процесса развития и стремления к экономии – получает разнообразное проявление. Язык имеет ресурсы и механизмы для обозначения новых явлений, понятий, представлений, которые возникают в жизни данного социума, избегая при этом слишком большого появления новых языковых единиц. Для этого язык всегда подключает возможности словообразования, синтаксиса, а также когнитивные механизмы» [Величко, 2015, с. 14].

В данной работе на материале итальянских СМИ мы покажем, как при обозначении новых явлений экономия языковых средств выражается на уровне словообразования и лексикологии.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПО МОДЕЛИ «СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» (N + N)

Среди разнообразных проявлений экономичности выражения смысла важное место занимает тенденция к аналитизму, все более активно утверждающаяся сейчас во многих языках. Одной из самых продуктивных для итальянского языка является модель аналитического словообразования «N + N» («существительное + существительное»). В английском языке, из которого она заимствована, «атрибутивный комплекс N+N позволяет выразить практически любые отношения между предметом и его определением, достигая при этом максимальной семантической спаянности между определением и определяемым словом и одновременно краткости высказывания» [Щёголева,

[1]Oxford Dictionaries: 2020 has too many Words of the Year to name just one // The Guardian. 2020, 23 novembre. URL: https://www.theguardian.com/books/2020/nov/23/oed-says-2020-too-many-potential-words-of-the-year-to-name-just-one-oxford-english-dictionary (дата обращения: 25.11.2023).

2002, с. 5]. Итальянские СМИ активно использовали словообразовательную модель «N + N» для обозначения новых реалий в период пандемии: *punto tamponi* (*пункт сдачи тестов на коронавирус*); *centro vaccini* (*центр вакцинации*). Данная модель идеально подходит для языка прессы, поскольку дает возможность максимально кратко – в буквальном смысле в двух словах – описать достаточно сложные явления. Например, в 2008–2011 годы правительством Сильвио Берлускони был разработан закон, ограничивавший полномочия правоохранительных органов в отношении прослушивания телефонных переговоров в ходе оперативных мероприятий и предполагавший запрет на публикацию журналистами их расшифровок. Этот законопроект получил в итальянской прессе название *la legge bavaglio* (*закон, принуждающий к молчанию*, *досл.* 'закон-кляп').

Приведем другие примеры использования этой словообразовательной модели в языке итальянской прессы. Помощь со стороны государства предприятиям и финансовым учреждениям, находящимся на грани банкротства, называется *il regime ombrello* (*зонтичный режим*), а временное краткосрочное финансирование, позволяющее решить текущие проблемы компании – *il prestito ponte* (*кредитный мост*). В этом выражении, являющемся калькой английского термина *bridge loan*, существительное *ponte* выступает в роли ананлитического прилагательного, занимает место в постпозиции к существительному и не изменяется.

Уточним, что атрибутивно употребленные существительные выполняют функцию несогласованных определений и никогда не приобретают всех свойств, характерных для прилагательных, например, не могут образовывать степени сравнения.

Словообразовательная модель «N + N» является прекрасным инструментом для реализации принципа речевой экономии. Однако если между двумя существительными не хватает большого числа связующих элементов, смысл выражения может стать понятным только при знании контекста. Например, о том, что *Plastic Tax* – это налог на производство пластиковой упаковки для напитков, пищевых и промышленных товаров, можно догадаться. Однако созданное в итальянских СМИ на основе этой модели выражение *Web Tax* оказалось непонятным для большинства итальянцев [Назаренко, 2020a]. Речь шла вовсе не о «налоге на интернет», который должны были платить жители, а о налоге на прибыль для так называемых цифровых гигантов Facebook, Google, Apple, Amazon. Слово *Web* в названии привело к путанице и к неверному пониманию сути вводимого налога.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПО МОДЕЛИ «ГЛАГОЛ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

Рассмотрим продуктивную словообразовательную модель «глагол + существительное», по которой в итальянском языке также образовано большое количество слов: *il portafoglio* (*кошелек*); *il cacciavite* (*отвертка*); *l'asciugamano* (*полотенце*) и т. п. В последнее время в итальянской прессе данная модель используется для обозначения не просто тех или иных предметов, а именно новых понятий, смысл которых необходимо передать в максимально сжатой форме. Приведем пример, касающийся актуальной для сегодняшней Италии темы роста цен. За последние два года в рамках поддержки населения на фоне растущей инфляции было принято несколько указов правительства, направленных на сдерживание цен и называющихся в прессе «*Il decreto Salva spesa* (*salva-spesa*)». Так, с 1 октября 2023 года вступил в силу очередной указ, предусматривающий сохранение фиксированных цен на некоторые продукты и товары первой необходимости, которые в прессе называются *il paniere salva spesa* (*корзина товаров*, *приобретение которых позволит сэкономить на покупке, сберечь деньги, сократить траты*). Указ стал результатом договора, достигнутого правительством с целым рядом итальянских производителей, согласившихся «заморозить» цены, поэтому он также именуется в СМИ *il Patto Salva spesa / salva-spesa* (*договор, в результате которого жители смогут сэкономить деньги при покупках*).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПО МОДЕЛИ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *CARO* + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

Сложные слова в итальянской прессе часто образуются по модели: «прилагательное *caro* (*дорогой*) + существительное». Выражения *il carovita / il caro vita* (*дороговизна*, *высокая стоимость жизни*) и *il caro prezzi / il caro-prezzi* (*повышение цен*, *дороговизна*) существуют в итальянском языке уже давно, и постепенно журналисты стали использовать данную модель для обозначения все новых реалий. Приведем некоторые примеры из авторитетного итальянского толкового словаря Treccani[1]:

- il caro-euro – повышение цен после отказа от лиры и введения евро
- il caro-ombrellone – подорожание услуг на прокат пляжных зонтиков и лежаков
- il caro-farmaci – повышение цен на лекарства

[1]Caro-prezzi // Vocabolario Treccani. URL: https://www.treccani.it/vocabolario/ricerca/caro-prezzi/ (дата обращения: 25.11.2023).

И хотя в словаре зафиксированы варианты написания подобных сложных слов через дефис, в языке СМИ встречаются два графических варианта, причем раздельное написание является на данный момент более частотным.

В последние два года, в период обострения инфляции наиболее частотными выражениями стали:

- il caro energia – рост цен на энергоносители
- il caro bollette – рост цен на коммунальные услуги
- il caro benzina – рост цен на бензин
- il caro voli – рост цен на авиаперелеты

Данная словообразовательная модель является поистине универсальной, так как позволяет в сжатой форме описать любой случай подорожания, что подтверждает следующий пример. В сентябре 2023 года в газете «Il Mattino» вышла статья о том, что дорожает буквально всё и итальянцам приходится сталкиваться не только с повышением цен на бензин и на авиабилеты, но и с ростом прейскуранта на услуги сиделок, ухаживающих за пожилыми людьми или больными – *il caro badanti*[1].

АНГЛИЦИЗМЫ И ПСЕВДОАНГЛИЦИЗМЫ И ПРИНЦИП РЕЧЕВОЙ ЭКОНОМИИ

Употребление в итальянских СМИ англицизмов и псевдоанглицизмов также является одним из проявлений принципа речевой экономии. В наши дни «языку не хватает времени, чтобы дать наименование новому явлению или предмету, и он заимствует его название из другого языка, в настоящее время, как правило, из английского» [Коптелова, 2020, с. 128]. Одной из особенностей адаптации английских словосочетаний в прессе является их сокращение. Отметим, что при этом от словосочетания остается только определяющий компонент, а определяемый исчезает. Например, английское словосочетание *in pole position* (*наиболее выгодная позиция лошади при старте на бегах*; *позиция, с которой стартует лидер предварительных заездов в ралли и мотогонках*) сократилось в итальянских СМИ до определяющего компонента *in pole*. В современной англоязычной прессе выражение *in pole position* употребляется и для того, для того, чтобы показать, у кого из участников предвыборной гонки больше шансов на победу. Однако в итальянских СМИ, в тех случаях, когда речь идет о наиболее вероятном кандидате на какой-либо высокий пост, используется именно сокращенное выражение *in pole*:

> Di Maio in pole per l'incarico di inviato speciale Ue nel Golfo Persico[2]. – Ди Майо лидирует в списке кандидатов на пост спецпредставителя ЕС в Персидском заливе[3].

Подобным образом псевдоанглицизм *smart working* (*удаленная работа*, *удаленка*), ставший одним из самых распространенных неологизмов периода пандемии [Назаренко, 2021], преобразовался в языке СМИ в выражение *in smart* (*удаленно*). В 2020 году в итальянской прессе можно было часто встретить словосочетания *lavorare in smart* (*работать на удаленке*) или *lezioni in smart* (*дистанционные уроки*).

В заключение отметим, что словосочетание *smart working* стало образцом для создания еще одного неологизма-псевдоанглицизма. Летом 2020 года по этой модели было создано название для проекта *South Working* (*работать с юга*), который заключается в налаживании системы удаленной работы для жителей южной Италии в компаниях, расположенных на Севере. Участники программы считают, что подобная организация рабочего процесса поможет не только остановить «утечку мозгов» на Север, но также способствовать расширению мелкого и среднего бизнеса в сфере услуг в южных областях и в перспективе ликвидировать существующий дисбаланс экономического развития между различными регионами страны [Назаренко, 2020б]. Однако название *South Working* не раскрывает конкретного смысла этой новаторской инициативы: сохраняется возможность различных трактовок данного термина в зависимости от контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав на материале итальянских СМИ некоторые способы моделирования новых единиц номинации, мы убедились в том, что принцип экономии, посредством активации внутренних ресурсов языка, способствует его развитию.

Аналитические тенденции в итальянском языке благоприятствуют появлению инноваций в словообразовании, но часто ограничивают возможность правильной интерпретации значения неологизмов, повышая ее зависимость от наличия

[1]Caro badanti, in sei mesi 80 euro in più: forti aumenti anche per baby sitter e colf // Il Mattino. 2023, 21 settembre. URL: https://www.ilmattino.it/economia/news/badanti_aumenti_colf_baby_sitter_cosa_succede_ora-7646004.html#:~:text=Dopo%20il%20caro%20benzina%20e,a%201.224%20euro%20al%20mese (дата обращения: 25.11.2023).

[2]Di Maio in pole per l'incarico di inviato speciale Ue nel Golfo persico: ecco durata e compensi // Il Sole 24 ore. 2022, 19 novembre. URL: https://www.ilsole24ore.com/art/di-maio-pole-l-incarico-inviato-speciale-ue-golfo-persico-ecco-durata-e-compensi-AEasBLIC (дата обращения: 25.11.2023).

[3]Перевод наш. – *А. Н.*

фоновых знаний. Дальнейшее изучение данной темы представляется актуальным ввиду того, что «принцип экономии является тем механизмом, который обеспечивает, с одной стороны развитие и обогащение языка, а с другой стороны, его стабильность и системность» [Величко, 2015, с. 14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковригина А. И. Реализация принципа экономии языковых средств в современной испанской прессе: лексико-синтаксический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013.
2. Харитонова Е. В. Динамика структуры синтаксиса современного русского языка: тенденции к экономичности и к дистинктности (на материале современной прессы)): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград. 2014.
3. Величко А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 12–17.
4. Самборук Л. А. Языковая экономия в современном англоязычном интернет-пространстве (на материале публикаций о предвыборной кампании в США) // Современные исследования социальных проблем. 2020. Том 12, № 5. С. 305–319.
5. Петрова Т. А. Свернутые конструкции как тип сложных номинативных единиц в современном английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
6. Щёголева А. А. Структурно-семантические особенности лексических единиц типа N+N в английском языке (на материале словарных определений в общей и специальной лексике): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002.
7. Назаренко А. И. Тенденция к аналитизму в языке итальянской прессы // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: сборник материалов III Ежегодной международной научно-практической конференции. М., 2020а. С. 745–753.
8. Коптелова И. Е. Hungarian or Hunglish // Английский язык на территории Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами: сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 126–142. (Сер. «Теория и история языкознания»).
9. Назаренко А. И. Англицизмы и псевдоанглицизмы в итальянском языке в 2020 году // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: сборник материалов IV Ежегодной международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 776–786.
10. Назаренко А. И. Неожиданный результат пандемии: изменение в дихотомии Север – Юг в медийном дискурсе Италии // Филологический аспект. Серия: История, культура и искусство. 2020б. № 1(1). С. 17–28.

REFERENCES

1. Kovrigina, A. I., (2013) Realizatsiia printsipa ekonomii iazykovykh sredstv v sovremennoi ispanskoi presse: leksiko-sintaksicheskii aspect = The implementation of the principle of economy of language in the contemporary Spanish press: the lexical-syntactic aspect: abstract of the Doctoral Thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Haritonova, E. V., (2014) Dinamika struktury sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka: tendentsii k ekonomichnosti i k distinktnosti (na materiale sovremennoj pressy) = The dynamics of the syntax structure of the modern Russian language: a tendency to profitability and distance (based on the material of the modern press): abstract of the Doctoral Thesis in Philology. Volgograd. (In Russ.)
3. Velichko, A. V., (2015). Law of economy as a condition of language functioning and development. Mir russkogo slova, 2, 12–17. (In Russ.)
4. Samboruk, L. A., (2020). Yazykovaya ehkonomiya v sovremennom angloyazychnom internet-prostranstve (na materiale publikacij o predvybornoj kampanii v SSHA) = Law of language economy in modern Emglish virtual space (based on American presidential campaign publications) . Modern Studies of Social Issues, 12(5), 305– 319. (In Russ.)
5. Petrova, T. A., (2003). Svernutyye konstruktsii kak tip slozhnykh nominativnykh yedinits v sovremennom angliyskom jazyke = Compound structures as a type of complex nominative units in modern English: abstract of the Doctoral Thesis in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
6. Shhyogoleva, A. A., (2002) Strukturno-semanticheskie osobennosti leksicheskih edinicz tipa N+N v anglijskom yazyke (na materiale slovarnyh opredelenij v obshhej i special'noj leksike) = Structural-semantic features of the lexical units "N+N" in the English (based on the vocabulary definitions in common and domain-specific lexicons): abstract of the Doctoral Thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

7. Nazarenko, A. I, (2020a). Tendenciya k analitizmu v yazyke ital'yanskoj pressy = The tendency towards analytism in the language of the Italian media . New World. New language. New Thinking (pp. 745–753): Proceedings of the III Annual International Scientific and Practical Conference. (In Russ.)
8. Koptelova, I. E., (2020). Hungarian or Hunglish? In Anglijskij yazyk na territorii Soedinennogo korolevstva Velikobritanii i Severnoj Irlandii i za ego predelami (pp. 126–142): collection of papers. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
9. Nazarenko, A. I., (2021). The Anglicisms and the Pseudo-anclicisms in the Italian language in 2020. New World. New language. New Thinking (pp. 776–786): Proceedings of the IV Annual International Scientific and Practical Conference. Moscow. (In Russ.)
10. Nazarenko, A. I., (2020б). Neozhidannyj rezul'tat pandemii: izmenenie v dikhotomii Sever – Yug v medijnom diskurse Italii = The unexpected consequence of the pandemic: a change in the "North-South" dichotomy in the Italian media discourse. Philolgicheskiy aspect. Seriya: Istoriya, kultura i iskusstvo, 1(1), 17–28. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назаренко Анна Игоревна
кандидат филологических наук
доцент кафедры европейских языков Дипломатической академии МИД России, Москва

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nazarenko Anna Igorevna
PhD in Philology
Associate Professor, Department of European Languages
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Статья поступила в редакцию	17.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'33:81'42:343.98

Лингвистическое профилирование интернет-личности

Р. К. Потапова[1], В. В. Потапов[2], К. А. Нефедова[3]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, RKpotapova@yandex.ru*
[2]*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, Volikpotapov@gmail.com*
[3]*Московский исследовательский центр Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции, Москва, Россия, nord344@mail.ru*

Аннотация. В связи с появлением и повсеместным использованием Интернета изменилось понятие языковой личности. Оно получило название «цифровая личность». Основная цель исследования – проверить, сможет ли новый алгоритм позволить профилировать и идентифицировать «цифровую личность» по письменному тексту. В статье рассматриваются такие методы профилирования личности, как: фоноскопическая и авторoведческая экспертизы, особенности цифровой личности и методика исследования новых способов профилирования и идентификации личности с учетом смены парадигмы лингвистической экспертологии.

***Ключевые слова*:** лингвокриминалистика, профайлинг, интернет-личность, лингвистическая экспертиза, фоноскопия, авторoведение

***Для цитирования*:** Потапова Р. К., Потапов В. В., Нефедова К. А. Лингвистическое профилирование интернет-личности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 78–83.

Original article

Linguistic Profiling of Internet Personality

Rodmonga K. Potapova[1], Vsevolod V. Potapov[2], Kseniya A. Nefedova[3]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, RKpotapova@yandex.ru*
[2]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Volikpotapov@gmail.com*
[3]*Moscow Research Center of the Department of Regional Security and Anti-Corruption, Moscow, Russia, nord344@mail.ru*

Abstract. Due to the advent and widespread use of the Internet, the concept of a linguistic personality has changed, while obtaining the name of "digital personality". The main goal of the study is to find out whether the new algorithm can make it possible to profile and identify a "digital personality" by their written speech. The article discusses such methods of personality profiling as: phonoscopic and authorship examination, features of a digital personality and a methodology for developing new ways of personality profiling and identification, taking into account the shift in the linguistic expertology paradigm.

***Keywords*:** forensic linguistics, profiling, internet personality, linguistic examination, phonoscopy, authorship studies

***For citation*:** Potapova, R. K., Potapov, V. V., Nefedova, K. A. (2024). Linguistic profiling of internet personality. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 78–83.

INTRODUCTION

With the advent and development of the Internet, the so-called "electronic communication" began to take shape, which is an integral part of social communication [Курьянова, Лопаткин, 2022]. An increasing number of people prefer Internet communication, using various Internet resources for digital communication, such as: Telegram, WhatsApp, VKontakte, etc. This widespread use of the Internet has led to the emergence of such a concept as "Internet personality", or "digital personality" [Потапова, Курьянова, 2022]. It has its own differences from a linguistic personality due to its specific features, which creates challenges in its identification when traditional profiling methods are applied.

Initially, the term “profiling” was used in the field of forensics in the area of creating a kind of search psychological portrait of the suspect. Recently, this term has been used in a broader context up to the discovery of hidden psychological information about the individual under consideration (see, e. g.: [Ekman, 1985]).

Anonymity and the possibility of masking the identity of the Internet user have led to uncontrollable behavior of people on the Internet. Concepts such as "cybercrime", "cyber threat" have emerged and have spread rapidly on the Internet in recent years. With increasing frequency, one can encounter copyright infringement, fraud, violation of human dignity, blackmail, extortion, as well as the appearance of calls for extremist activity and other illegal actions on the Internet. In this regard, it is necessary to search for new methods for profiling a digital personality. This problem determines the relevance of this study [Курьянова, Лопаткин, 2022].

Compilation of a speech portrait of the speaker, i.e. linguistic profiling, is based on the description of psychic phenomena through the establishment of their correlation with features of another kind, specifically, with their manifestations in speech. These tasks in linguistic profiling are addressed in the context of phonoscopic and authorship examinations [Курьянова, Лопаткин, 2022; Галяшина, 2003].

Phonoscopic examination deals with identification (the speaker is recognized by their speech features (according to the principle “*one of many*”)) and verification (an expert determines whether a given voice sample belongs to a particular speaker or not (according to the principle “*yes – no*”) of the speaker on the basis of their voice and speech features [Потапова, Потапов, 2006].

The object of phonoscopic examination is a phonogram (sound recordings). The specificity of such an examination is the fact that the expert must have good knowledge in such areas as: linguistics, acoustics, radio engineering, mathematics, etc. (e.g., see: [Gibbons, 2003; Hollien, 1990; Hollien, 2002; Hudson, McDougall, Hughes, 2021; Галяшина, 2021]).

It is worth paying special attention to the fact that the human voice can have not only linguistic features, but also contain information regarding the emotional state of the speaker, their psychological and physiological peculiarities, geographical affiliation and social status, level of education, etc. [Потапова, Потапов, 2006].

Such studies are always interdisciplinary in nature and are conducted taking into account factors that can affect the change in the speech signal. These are: stress, mental state, fatigue, drug or alcohol intoxication, illness, defects in the structure of the articulatory organs, as well as various techniques of disguising a voice [Бурыгина, 2016]. Voice disguise can include transformations of the speaker’s language or dialect, change in the category of age in speech, an appearance of a prominent feature, such as "harsh / creaky voice" [Потапова, Потапов, 2006].

Authorship examination is a type of examination in which the text is examined to establish its authorship, individual features of the author, and the conditions for creating the text. The features of the author can be identified by a level-by-level analysis of speech: from punctuation to discourse [Моисеева, Огорелков, 2022].

When identifying the author of a text, consideration should be given to the probability that the author could disguise (mask) the individual features of their personality. The fact of masking can usually be determined by identifying inconsistencies in the text between individual elements of linguistic features. For example, a high level of spelling skills may be identified, which may not correspond to a low level of syntactic skills.

The traditional methods used by linguists when conducting authorship or phonoscopic examinations, of course, are the basis of all linguistic forensic studies. The transition to a Digital Personality, which realizes itself in a virtual communication environment, required new fundamental developments from forensic linguists [Карпова, 2007; Лутовинова, 2009]. The digital personality has characteristic language features that are manifested clearly on the Internet mainly due to anonymity, but also in the absence of any editors. The Internet has given rise to a completely new form of communication, located at the intersection of the two known forms – written spoken speech, which differs from both standard written speech and standard spoken speech [Потапова, Курьянова, 2021]. Such speech may include vernacular or

foreign words and neologisms, and it may also be characterized by a large number of errors and typos, because such speech is almost never checked and corrected. In addition, a characteristic feature of the digital personality is the simplification of the language and the desire to use the least effort in the process of speech production.

Since this communication has a computer-mediated nature and, as a rule, the communicants do not see each other (there is no video channel), this implies another characteristic feature of the virtual personality: the use of graphic techniques to convey paralinguistic information in writing, such as bold, italic, underline, capital letters, etc. A special role is given to emoticons (pictograms depicting emotions), which are used everywhere in Internet communication.

Thus, due to the emergence and spread of network communication, the speech behavior of the speaker changes, thus leading to a linguistic transformation. The Internet-personality acquires its own qualities and features that distinguish it from the linguistic personality. In addition, in recent years, Internet users have been using various digital processing tools that help the author disguise their speech features while significantly changing them, thus complicating the work of an expert identifying them, which dictates the need for the search for new methods of profiling such a personality in forensic examination [Потапова, Курьянова, 2022].

EXPERIMENTAL STUDY

An experimental study was carried out to solve the tasks at hand. The purpose of the study was to profile and identify the previously selected respondent among other participants of the experiment by identifying the most significant individual features and peculiarities of their written speech.

The experiment involved 10 male and female subjects aged 19 to 25 years.

The material of the study included essays written by each respondent in Russian in electronic format based on the painting by I. Repin «Ivan the Terrible and his son Ivan on November 16, 1581». The main respondent to be identified during the study also had provided an additional sample of written speech, later used for a comparative analysis to identify this respondent.

The experimental research methodology includes:

1) formation of databases (DBs) for further analysis (n=10);
2) material analysis:
   - analysis of the text sentiment (all words were divided into 3 groups: negative, positive and neutral). The results were converted to relative data (in %);
   - identification of tenses used in the text (all verbs in the text were divided into 3 tense groups: present, past and future tense. The largest group was the one that determined the main tense of the text);
   - analysis of the intertextuality of the text (identification of references to someone else's opinion in the text).

Next, some individual language writing skills were considered:

a) individual attributes of punctuation skills:
   - permanent violation of a certain punctuation rule;
   - peculiar or predominant use of certain punctuation marks;
b) individual attributes of spelling skills:
   - permanent violation of the spelling rules;
c) individual attributes of lexical and phraseological skills:
   - use of certain lexemes;
   - permanent lexical and phraseological errors;
   - use of dialectisms, vulgarisms, elements of some jargon, vernacular words, etc.;
d) individual attributes of syntactic skills:
   - use of simple and complex sentences;
   - violation of syntax norms;
e) individual attributes of stylistic skills:
   - presence of stylistic errors;

3) processing of obtained data;
4) description of the results and summing up.

During the experiment, the texts were analyzed at all language levels. After analyzing the data, we were able to identify patterns in the texts of the same author and thereby identify the same among other respondents. Their characteristic features are:

- essay structure;
- permanent violations of punctuation skills, in particular, the absence of a comma in compound and complex sentences, in adverbial participial phrases;
- frequent use of sentences with negation and conjunction;
- frequent use of phraseological units and set phrases;
- frequent use of personal pronouns: "I", "we", "you".

See table 1 for a summary of the analyzed data on the main respondent.

The results of the study led to the following conclusions:

1. The discourse of the Internet is characterized by a combination of various parameters

Table 1

MAIN FEATURES BY WHICH THE MAIN RESPONDENT WAS IDENTIFIED

Respondent features	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Main
Punctuation errors	1	1	2	2	5	2	2	0	0	1	6
Personal pronouns	4	3	8	0	15	4	9	13	0	2	18
Set phrases and phraseological units	5	3	5	5	11	6	7	8	5	5	10
Simple sentences – Complex sentences	5 19	15 16	19 34	11 4	31 26	35 16	11 13	16 23	19 7	6 14	20 19
Negation – Conjunction	8 1	6 0	11 2	4 1	6 5	13 2	4 2	10 2	2 2	10 2	12 13

manifested in the verbal characteristics of a written text.

2. The methodological approach to text analysis being tested in this study has proven to be applicable in the analysis of written texts for solving the tasks of profiling and identifying a digital personality.
3. The approach proposed in this study makes it possible to provide a holistic complex analysis of written speech, which allows making a decision about the identity of the author of the text and compiling their speech portrait.

CONCLUSION

The technological and communicative development of the Internet and migration of the personality to the digital space have led to the emergence of new opportunities for intruders and fraudsters to commit crimes remotely. On the Internet, one can often become a victim of fraud, blackmail or extortion. This is only a small part of the threats that can be encountered, while communicating over the Internet [Курьянова, Лопаткин, 2022].

The large-scale use and rapid development of Internet technologies has led to the transformation of a linguistic personality into a digital one. Various ways of self-presentation, a variety of virtual communication environments, anonymity, absence of all restraints in virtual behavior, a written colloquial form of communication, simplification of speech are some of the main features of such a digital personality.

The transformation into a digital personality has complicated the tasks of forensic linguistics, since the traditional methods used earlier to analyze speech now prove unequal to the task of profiling and identifying a digital personality. They cannot contribute to identification of an informative individual set, by which it is possible to identify and characterize a corresponding digital personality. Therefore, the main objective of this study was to determine and test those conventional and newly available methods that would allow us to solve the tasks of profiling and identifying a personality by their written speech. As a result, the developed algorithm allows us to profile and identify a personality by their written speech, which means it can be used to study written texts published on the Internet. With examinations described above, an expert can identify the author of both a spoken and written message by their steady skills and abilities manifested in generation of a verbal utterance, as well as by the results of the level-by-level analysis of written speech.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курьянова И. В., Лопаткин С. Н. Глобальное цифровое пространство как способ и средство совершения преступлений // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным: сб. науч. трудов / ИНИОН РАН ; отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М., 2022. С. 267–279.
2. Потапова Р. К., Курьянова И. В. Научно-исследовательская основа лингвокриминалистики и особенности портретирования «цифровой личности» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 56–61.
3. Ekman P. Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage. New York: W.W. Norton & Company, 1985.

4. Галяшина Е. И. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств // Материалы международной научно-практической конференции. Симферополь: Доля, 2003. С. 15–22.
5. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006.
6. Gibbons J. Forensic linguistics: an introduction to language in the new justice system. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publ., 2003.
7. Hollien H. The acoustics of crime: The new science of forensic phonetics. New York; London: Plenum Press, 1990.
8. Hollien H. Forensic: Voice identification. London; San Diego: Academic Press, 2002.
9. Hudson T., McDougall K., Hughes V. Forensic phonetics / ed. by J. Setter, R.-A. Knight. Cambridge: CUP, 2021. (Cambridge Handbook of Phonetics).
10. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021.
11. Бурыгина Н. А. Факторы, влияющие на речевой аппарат и речь человека // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 15 (754). С. 37–46.
12. Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В. Судебная автороведческая экспертиза: учебное пособие. М.: РГУП, 2022.
13. Карпова Т. Б. Самовыражение личности в Интернете: лингвистический аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. науч. статей по материалам докладов и сообщений Международного конгресса. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 384–385.
14. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.
15. Потапова Р. К., Курьянова И. В. Особенности исследования текста в эпоху цифровой коммуникации // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2021. Том 20. № 2. С. 5–15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-issledovaniya-teksta-v-epohu-tsifrovoy-kommunikatsii.

REFERENCES

1. Kuryanova, I. V., Lopatkin, S. N. (2022). Global'noye tsifrovoye prostranstvo kak sposob i sredstvo soversheniya prestupleniy = Global digital space as a way and means of committing crimes. In Potapov, V. V., Kazak, Ye. A. (Eds.), Rechevaya kommunikatsiya v setevykh strukturakh: mezhdu global'nym i lokal'nym (pp. 267–279): collection of papers. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
2. Potapova, R. K., Kuryanova, I. V. (2022). The research basis of linguistic forensics and the features of profiling a "digital personality". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 56–61. (In Russ.)
3. Ekman, P. (1985). Telling lies: Clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage. New York: W.W. Norton & Company.
4. Galyashina, Ye. I. (2003). Lingvisticheskaya ekspertiza ustnoy i pis'mennoy rechi kak istochnik sudebnykh dokazatel'stv = Linguistic examination of oral and written speech as a source of judicial evidence (pp. 15–22): Proceedings of the International scientific and practical conference. Simferopol': Dolya. (In Russ.)
5. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). Yazyk, rech', lichnost' = Language, speech, personality. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
6. Gibbons, J. (2003). Forensic linguistics: an introduction to language in the new justice system. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publ.
7. Hollien, H. (1990). The Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics. New York; London: Plenum Press.
8. Hollien, H. (2002). Forensic: Voice identification. London; San Diego: Academic Press.
9. Hudson, T., McDougall, K., Hughes, V. (2021). Forensic phonetics. Ed. by J. Setter, R.-A. Knight. Cambridge: CUP. (Cambridge Handbook of Phonetics).
10. Galyashina, Ye. I. (2021). Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza = Forensic linguistic expertise. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
11. Burygina, N. A. (2016). Factors affecting the speech apparatus and human speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 15(754), 37–46. (In Russ.)
12. Moiseyeva, T. F., Ogorelkov, I. V. (2022). Sudebnaya avtorovedcheskaya ekspertiza = Judicial author's examination: a textbook. Moscow: RGUP. (In Russ.)
13. Karpova, T. B. (2007). Samovyrazheniye lichnosti v Internete: lingvisticheskiy aspekt = Self-expression of a person on the Internet: a linguistic aspect. Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost' (pp. 384–385): collection of papers of the International Congress. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
14. Lutovinova, O. V. (2009). Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki virtual'nogo diskursa = Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse: senior doctoral thesis in philology. Volgograd. (In Russ.)

15. Potapova, R. K., Kuryanova, I. V. (2021). Features of text research in the age of internet-mediated communication. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 20(2), 5–15. https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-issledovaniya-teksta-v-epohu-tsifrovoy-kommunikatsii. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна
доктор филологических наук, профессор
действительный член Международной академии информатизации
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович
доктор филологических наук
старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Нефедова Ксения Андреевна
эксперт Московского исследовательского центра
Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Full Member of the International Informatization Academy
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich
Doctor of Philology (Dr. habil.)
Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Nefedova Kseniya Andreevna
Forensic Expert
Moscow Research Center of the Department of Regional Security and Anti-Corruption

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.11

Специфика вербального моделирования пространства в современном немецком детективном романе

М. Б. Рыбакова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eva212@inbox.ru

Аннотация. Интерес ученых и литературоведов к феномену пространства во многом обусловлен необходимостью научного анализа пространственных характеристик художественного текста. При их описании нередко используется термин локус, который имеет иерархическую структуру и может быть метафорически представлен в виде матрешки. Автор статьи выделяет локус *места преступления,* являющийся центральным жанрообразующим элементом детектива. Именно иерархическая структура локуса позволяет построить вербальную модель пространства современного немецкого детективного романа, имеющую «пульсирующий» характер: пространство расширяется от *места преступления* до масштаба *страны* или европейского и мирового пространства и снова сужается до *места преступления*.

Ключевые слова: детективный роман, место преступления, локус, модель пространства, пульсация

Для цитирования: Рыбакова М. Б. Специфика вербального моделирования пространства в современном немецком детективном романе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 84–89.

Original article

The Specifics of Verbal Modeling of Space in a Modern German Detective Novel

Margarita B. Rybakova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eva212@inbox.ru

Abstract. The interest of scientists and literary critics in the phenomenon of space is due to the need for scientific analysis of the spatial characteristics of a literary text. The term locus is often used, which has a hierarchical structure and can be metaphorically represented in the form of matrjoshka. The author of the article identifies the locus of the crime scene, which is the central genre-forming element of the detective genre. It is the hierarchical structure of the locus that allows us to build a verbal model of the space of a modern German detective novel, which has a “pulsating” character: the space expands from the crime scene to the scale of the country or European and world space and narrows again to the crime scene.

Keywords: detective novel, crime scene, locus, model of the space, pulsating

For citation: Rybakova, M. B. (2024). The specifics of verbal modeling of space in a modern German detective novel. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 84–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Объектом нашего исследования является детективный жанр, а именно его особая разновидность – региональный. Предметом изучения выступает вербальная специфика моделирования пространства в детективном романе. Под вербальным моделированием в рамках нашей статьи мы понимаем представление информационной модели средствами естественного языка. Цель настоящей статьи заключается в попытке построения вербальной модели пространства детективного романа, в частности, регионального.

Для достижения поставленных целей мы применяем метод моделирования, лексико-семантического и контекстуального анализа и метод сплошной выборки. Стоит отметить, что данная часть исследования носит междисциплинарный характер. Для анализа пространственных характеристик регионального детективного романа нам необходимо привлечь положения когнитивистики, жанроведения и литературоведения.

Анализ эмпирического материала выполнен с опорой на работы А. Швейцера, Н. В. Любимовой, Е. И. Карпенко, В. Ю. Прокофьевой, Г. Хайссенбюттеля и Э. Блоха.

В статье мы анализируем следующие региональные детективные романы: «Лето убийц» Оливера Боттини[1] (2007), «Мальчик без тайн» Штефана Брюггентиса[2] (2009), «Смерть не ошибается» Йорга Маурера[3] (2016), «Убийство на ваттовом море» Кати Лунд и Маркуса Штефана[4] (2021).

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ

Литературное произведение пронизано пространственно-временными отношениями, которые актуализируются через топологические и хронологические маркеры. Категории времени и пространства, тесно связанные друг с другом, являются важнейшими категориями человеческого бытия и мышления. Человеческий разум не способен представить себе что-либо, отделимое от пространства и времени [Schweizer, 2008]. При этом пространство обладает собственными характеристиками, позволяющими исследовать его отдельно от времени, что подтверждается возросшим интересом в последнее время к научному анализу категорий пространства в художественном тексте. Данное явление получило в литературоведении название *spatial turn* – пространственный поворот, что позволило в дальнейшем изучать типы, функции и символические образы литературного пространства [Карпенко, Любимова, 2021].

Пространство художественного текста реферирует к реальному миру, однако, организуется в соответствии с семиотическими кодами, обусловленными жанром текста. По мнению В. Ю. Прокофьевой, в художественном тексте пространство предстает в виде гештальтов, фреймов, пропозиций, метафорических и метонимических моделей, являющихся содержательными формами тех или иных пространственных концептов [Прокофьева, 2005]. В нашем исследовании при описании пространства художественного текста мы используем термин *локус*. Вслед за В. Ю. Прокофьевой мы понимаем под данным термином «текстовое представление социокультурного пространства, созданного и организованного человеком» [Прокофьева, 2005, с. 92]. Локус цивилизации взаимодействует в текстовом пространстве с природным *топосом*, являющимся неотъемлемой частью пространства. При этом термин локус применяется в отношении закрытых пространств, в то время как термин топос – в отношении открытых.

Для анализа характеристик пространства мы остановили свой выбор на произведениях, которые можно причислить к региональному детективу, приобретающему популярность благодаря детективной серии *Eifelkrimi* Ж. Берндорфа, вышедшей в конце 80-х годов XX века. Произведения данного поджанра отличаются большим количеством достоверных деталей, которые создают региональный колорит, например, через описание особенностей ландшафтов, флоры и фауны, региональной кухни и других [Любимова, 2012].

Остановимся ниже на характеристиках термина локус. Принято считать, что локус имеет иерархическую структуру и может быть представлен в виде матрешки: страна, город, дом, квартира, комната. По мнению В. Ю. Прокофьевой, последней неделимой частью «матрешки» является внутренний мир героев [Прокофьева, 2005].

В жанре детективного романа следует, прежде всего, выделять локус места происшествия / преступления – *Tatort*. В нашем исследовании понятие *Tatort* мы трактуем: 1) как место происшествия и 2) как юридический термин, место совершения преступления. Немецкий словарь (DWDS) приводит следующую дефиницию термина: «Ort, an dem die Straftat begangen wurde» с пометой *Jura* (юриспруденция).

[1] O. Bottini. Im Sommer der Mörder. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2006. S. 457

[2] St. Brüggenthies. Der geheimnislose Junge. Eichborn AG, Frankfurt am Main, 2009. S. 510.

[3] J. Maurer. Der Tod greift nicht daneben. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2016. S. 443

[4] K. Lund, M. Stephan. Wattenmeermord. Blanvalet Verlag, München, 2021. S. 348.

При этом понятие включает в себя, по нашему мнению, не только конкретную локацию, т. е. место, где был обнаружен труп или совершено преступление, но и в более широком смысле населенный пункт, регион и страну. Наряду с термином *Tatort* в детективных романах, в которых официальное расследование проводит полиция, употребляется также термин *Leichenfundort* – место обнаружения трупа, так как место совершения преступления и место обнаружения трупа могут не совпадать.

Место преступления и/ или обнаружения трупа является жанрообразующим элементом детективного жанра, так как представляет собой отправную точку для расследования преступления и развития сюжета. Этот ключевой момент связывает сюжет и действующие лица. Немецкий критик и эссеист Г. Хайссенбюттель, исследовавший кроме прочего роль топографических элементов в детективном романе, подчеркивает, что реконструкция нерассказанного происходит благодаря топографической *пронизанности* текста [Heißenbüttel, 1998]. В свою очередь, реконструкция нерассказанного, предыстории, как считает немецкий философ и публицист Э. Блох, является жанрообразующим признаком детективного романа [Bloch, 1998].

Таким образом, в детективном романе следует выделить следующую иерархическую структуру представления пространства: страна, регион, город, место преступления. Приведем для иллюстрации вышесказанного пример из романа «Мальчик без тайн» Шт. Брюггентиса (2009). Страна, в которой начинается полицейское расследование – Германия (Deutschland), федеральная земля – Северный Рейн-Вестфалия (Nordrhein-Westfallen), город – Кёльн (Köln), дом – дом номер 6 на Любекер штрассе (Lübecker Straße 6), в котором живут родители пропавшего подростка:

> ***Die Lübecker Straße*** 6 schaute auf das ***Eigelsteintor***, das mittelalterliche ***Nordtor von Köln*** (*St. Brüggenthies. Der geheimnislose Junge*).

Айгельштайнские ворота являются одними из наиболее хорошо сохранившимися частями средневековой оборонительной стены Кёльна и позволяют в полной мере судить о ее фортификационной мощи. Айгельштайнские ворота являются одной из наиболее посещаемых достопримечательностей Кёльна[1]. Упоминание в тексте большого количества достопримечательностей подчеркивает принадлежность текста к региональному поджанру детективного романа.

[1]URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Айгельштайнские_ворота.

Таинственное исчезновение подростка является отправной точкой производимого полицией расследования. Как бы далеко ни удалялся от места происшествия комиссар, он возвращается в квартиру, так как именно здесь находит важные улики, помогающие выйти на след исчезнувшего подростка: спрятанный телефон, открытку из Нормандии, книги и музыкальную партитуру любимого произведения.

В результате анализа эмпирического материала мы выявляем две ключевые стратегии организации пространства в детективном романе, а именно, расширение и сужение пространства: пространство расширяется от локуса *места преступления* до локуса *страны* или европейского и мирового пространства и снова сужается до *места преступления*. Данные стратегии могут быть представлены схематично (см. рис. 1):

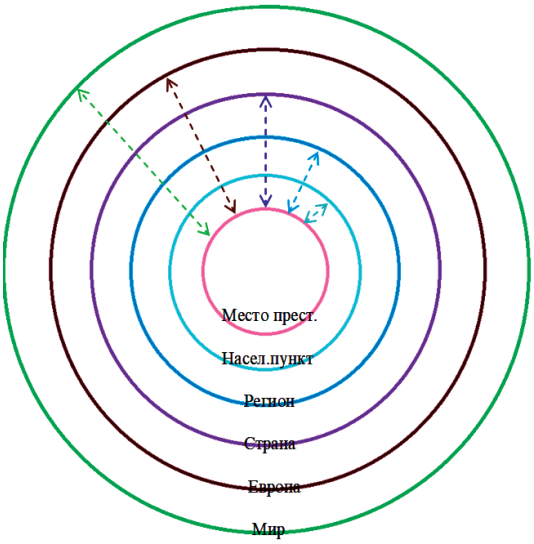


Рис. 1

Расширение и сужение пространства, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве самоорганизующейся модели. Данная модель носит пульсирующий характер и реализуется в тексте детективного романа на макро- и микроуровнях.

Рассмотрим ниже «пульсацию» на макроуровне – в сюжетно-композиционной структуре текста. Сюжет вышеупомянутого романа «Мальчик без тайн» Шт. Брюггентиса начинает развиваться в Кёльне (Северный Рейн-Вестфалия). Неудивительно, что уже на первых страницах упоминается знаменитый Кёльнский Собор – символ города. Следуют подробные описания отдельных кварталов и площадей: Breslauer Platz, Lübecker Straße, Gereonswall, Agnesviertel и т. д. Урбанонимы Kölnarena, Mediapark или клуб Underground продолжают нас знакомить с городскими достопримечательностями и предоставляют читателю возможность следить за передвижениями главного героя. Упоминания

вьетнамского (ein vietnamesischer Imbiss) и китайского кафе (ein chinesischer Imbiss) дополняют картину современного многонационального города.

Далее сюжет, расходясь кругами по Европе, захватывает итальянский Турин, перемещается во французскую Нормандию и заканчивается в Кёльне, возвращаясь в исходную точку развития сюжета. Раскрыть преступление и выйти на след организованной преступной группы высокопоставленных лиц позволяет взаимодействие полиции трех европейских стран: Германии, Италии и Франции. Упоминаются и страны Восточной Европы и азиатского региона. При этом главный герой в определенном смысле противопоставляет единое европейское пространство, где граничащие страны не воспринимаются как чуждые друг другу, другим странам мира, сравнивая их криминогенную обстановку:

> ...wie sehr Frankreich heutzutage noch ein fremdes Land war. So <...> klang es eher nach ***den fremden Gefahren von Kambodscha*** (*St. Brüggenthies. Der geheimnislose Junge*).

> Man kannte derartige Kinderbordelle ***im fernen Osten***, aber hier, im Herzen von Europa? Es war unfassbar (*St. Brüggenthies. Der geheimnislose Junge*).

Предложенную модель пространства реализует также региональный детективный роман К. Лунд и М. Штефана «Убийство на ваттовом море» (2021), действие которого разворачивается на острове Пелльворм в Северном море. Полицейский Ян Бенден, для того чтобы установить мотив преступника и опросить свидетелей, выезжает на материк, в город Хусум (Шлезвиг-Гольштейн).

Данное «расширение» места действия реализует жанровую тактику путешествия, так как зачастую расследующая инстанция вынуждена покидать город или населенный пункт, где произошло преступление, для того чтобы выйти на след преступника.

Модель расширяющегося и сужающегося пространства также реализуется на микроуровне, а именно, при построении отдельных эпизодов. Рассмотрим пример из романа О. Боттини «Лето убийц» (2006):

> Vom Frühstückstisch nach ***Kirchzarten***, am Vormittag zurück nach ***Freiburg*** zur allwöchentlichen Führungsbesprechung, anschließend erneut nach ***Kirchzarten***, und das bei sechsunddreißig Grad Celsius (*O. Bottini. Im Sommer der Mörder*).

Кирхцартен, на окраине которого совершается преступление, является общиной в земле Баден-Вюртемберг и подчиняется административному округу Фрайбург. Таким образом, происходит сначала расширение: Кирхцартен – Фрайбург, затем сужение: Фрайбург – Кирхцартен.

Расширение пространства определяется также взаимным противопоставлением территориальных объектов, географических пространств. Так, для регионального детектива характерна оппозиция: провинция – столица административного округа или провинция – столица федеральной земли:

> Die Segnungen der ***Provinz***, in der ***Hauptstadt*** sei das nicht so einfach (*O. Bottini. Im Sommer der Mörder*).

Также расширение может выходить за рамки Германии:

> „Die Zuständigkeit war einvernehmlich geklärt worden, die Aufgabenzuteilung wie folgt: Die ***Freiburger*** kümmerten sich um ***Baden*** und ***Pakistan***, die ***Kehler*** um ***Marseille***, die ***Stuttgarter*** um ***den Rest der der Welt*** (*O. Bottini. Im Sommer der Mörder*).

Представители полиции Фрайбурга ответственны за регион Баден и Пакистан, Кель, административный центр, подчиняющийся Фрайбургу, отвечает за Марсель, город во Франции. Штутгарт, столица земли Баден-Вюртемберг, – за оставшийся мир.

Региональная составляющая детективного текста может также влиять на выбор способа совершаемого преступления и «сгущать» региональное пространство до места преступления. Так, в альпийском детективном романе Йорга Маурера «Смерть не ошибается» (2016) жертву сталкивают в измельчитель для веток (*нем*. Häcksler), находящийся в саду одного из главных героев. Подчеркивается, что данный герой очень любил работать в саду. Причем данный род увлечения имеет давние традиции:

> Der Suderer Bartl wollte ***die Gartenarbeit*** genießen, er wollte sich Zeit nehmen. ***Garteln*** wie vor hundert Jahren (*J. Maurer. Der Tod greift nicht daneben*).

Глагол *garteln* в данном примере согласно словарю Wortbedeutung.info[1] употребителен в баварском и австрийском диалектах, что на лексическом уровне еще раз выражает региональную составляющую детектива. В литературном немецком данному глаголу соответствуют словосочетания *Gartenarbeit verrichten, im Garten arbeiten*.

[1]URL: https://www.wortbedeutung.info/garteln/

В романе К. Лунд и М. Штефана «Убийство на ваттовом море» труп обнаруживают на скамейке с видом на море, находящейся на плотине. В данном случае место обнаружения трупа совпадает с местом преступления:

> Er saß auf der einsamen Bank oben auf der ***Deichkrone***, von der aus man an klaren Tagen bis zu ***den Halligen*** sehen konnte (*K. Lund, M. Stephan. Wattenmeermord*).

Лексемы *Deichkrone* (*гребень плотины*) и *Halligen* (*группа небольших северо-фризских островов*) входят в лексико-семантическое поле, образующееся вокруг Северного моря и северо-фризских островов. Региональный колорит подчеркивают и *овцы* (*Schafe*), пасующиеся рядом с местом преступления. Местный инспектор вынужден охранять его особенно тщательно, чтобы животные не вытоптали траву и не уничтожили возможные улики:

> „Nu sitze ich die Nacht über hier und passe auf, dass uns niemand durch ***den Tatort latscht***." Tammes Blick wanderte am ***Deich*** entlang zu den ***Schafen*** (*K. Lund, M. Stephan. Wattenmeermord*).

Оружием преступления становится *вязальная спица* (*Stricknadel*). Вязание и шерсть овец входят в лексико-семантическое поле, характеризующее уклад и быт островных жителей.

Место преступления также может предопределять выбор оружия в независимости от региона, как это происходит в романе Шт. Брюггентиса «Мальчик без тайн». Проводя расследование таинственного исчезновения подростка, комиссар Збигнев оказывается во французском за́мке, в котором совершались сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. Оружие, которое комиссар вынужден применить для самообороны, – это *копьё* (*Lanze*), которое он выхватывает из доспехов рыцаря:

> ...ein einsamer ***Ritter*** in voller ***Montur*** und mit einer Furcht einflößenden ***Lanze*** (*St. Brüggenthies. Der geheimnislose Junge*).

Лексема копье, наряду с другими лексическими единицами, описывающими местоположение, внешний вид и внутреннее убранство замка (*Kronleuchter, Kandelaber, Olgemälde, Dienstbotentreppe, Eingangsportal, Hauptportal*) входит в лексико-семантическое поле, ядро которого образует понятие «за́мок».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя анализ языкового материала, мы приходим к выводу о том, что пространство в немецком детективном романе «пульсирует», сжимаясь до центральной точки – места преступления – и расширяясь до мирового пространства. На лексическом уровне «пульсация» актуализируется посредством прямых указаний на пространство, различных видов топонимов, и косвенных отсылок, выражающихся в упоминании региональных блюд или хобби, характерных для данного региона. Пульсирующая модель пространства особенно ярко реализуется в региональном детективном романе ввиду присущего ему регионального колорита и влияния региональной составляющей на оформление *места преступления*. Нами установлено, что, если косвенные указания на место действия чаще сжимают пространство, то языковые средства области географических реалий выполняют двойную функцию: сжимают и расширяют пространство, что обеспечивает упомянутую выше пульсацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schweizer H. Krach oder Grammatik? Streitschrift für einen revidierten Sprachunterricht. Kritik und Vorschläge. Frankfurt-am-Main (u.a.): Peter Lang, 2008. S. 191–192.
2. Карпенко Е. И., Любимова Н. В. Геопоэтика как способ прочтения литературных пространств: лингвистические аспекты (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 216–230.
3. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–93.
4. Любимова Н. В. Стилистический смысл гибридизации жанров на стыке различных дискурсов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 5 (638). С. 311–322.
5. Heißenbüttel H. Spielregeln des Kriminalromans // Der Kriminalroman. Poetik. Theorie. Geschichte. J. Vogt (Hrsg.) Fink, München, 1998. S. 111–120.
6. Bloch E. Philosophische Ansicht des Kriminalromans // Der Kriminalroman. Poetik. Theorie. Geschichte. J. Vogt (Hrsg.). München: Fink, 1998. S. 38–51.

REFERENCES

1. Schweizer, H. (2008). Krach oder Grammatik? Streitschrift für einen revidierten Sprachunterricht. Kritik und Vorschläge (pp. 191–192). Frankfurt-am-Main (u.a.): Peter Lang.
2. Karpenko, E. I., Lyubimova, N. V. (2021). Geopoetics as a means of literary spaces interpretation: linguistic aspects (on the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(853), 216–230. (In Russ.)
3. Prokofieva, V. Ju. (2005). The category of space in the artistic refraction: locus and topos. Orenburgskii Gosudarstvennyi Universitet. Vestnik, 11, 87–93. (In Russ.)
4. Lyubimova, N. V. (2012). Stylistic meaning of hybridization of genres of different discourses. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 5(638), 311–322. (In Russ.)
5. Heißenbüttel, H. (1998). Spielregeln des Kriminalromans. In Vogt, J. (Hrsg.), Der Kriminalroman. Poetik. Theorie. Geschichte (pp. 111–120). München: Fink.
6. Bloch, E. (1998). Philosophische Ansicht des Kriminalromans. In Vogt, J. (Hrsg.), Der Kriminalroman. Poetik. Theorie. Geschichte (pp. 38–51). München: Fink.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Маргарита Борисовна
старший преподаватель
кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybakova Margarita Borisovna
Senior Lecturer
at the Department of German Language and Translation and Interpreting
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42

Средства вербализации феномена «Beziehungen» в профессиональной и гражданской онлайн-журналистике

Е. А. Северина[1], С. Ю. Имбер[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*ratriniada@mail.ru*, [2]*yanaimber@yandex.ru*

Аннотация: Коммуникация в цифровой среде является актуальной и популярной формой общения, которая обладает определенными лингвистическими особенностями. В данной статье рассматривается феномен вербализации взаимоотношений в паре («Beziehungen») на материале современного немецкоязычного фельетона и социальной сети Reddit. Анализ эмпирического материала демонстрирует тенденцию проникновения элементов устной речи в электронную профессиональную и гражданскую журналистику, в частности, фразеологических единиц, англицизмов и сленговых выражений.

Ключевые слова: электронная коммуникация, публицистический дискурс, фельетон, социальная сеть, фразеологизм, англицизм, сленг

Для цитирования: Северина Е. А., Имбер С. Ю. Средства вербализации «Beziehungen» в профессиональной и гражданской онлайн-журналистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып 6 (887). С. 90–98.

Original article

Verbalization of Phenomenon «Beziehungen» in Professional and Civil Online Journalism

Ekaterina A. Severina[1], Slavyana Yu. Imber[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*ratriniada@mail.ru*, [2]*yanaimber@yandex.ru*

Abstract. Communication in the digital environment is a relevant and popular form of communication that has certain linguistic features. This article discusses the phenomenon of verbalization of relationships in a couple («Beziehungen») on the material of modern German satirical article and the social network Reddit. The analysis of the empirical material demonstrates the tendency for the elements of oral speech to penetrate into electronic professional and civil journalism, in particular, phraseological units, anglicisms and slang expressions.

Keywords: electronic communication, journalistic discourse, satirical article, social network, phraseological unit, anglicism, slang

For citation: Severina, E. A., Imber, S. Yu. (2024). Means of verbalization «Beziehungen» in professional and civil online journalism. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 90–98. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие цифровых технологий способствует формированию киберпространства и распространению компьютерных сетей. Интернет позволяет оперативно создавать, хранить и транслировать информацию, преодолевая пространственные ограничения. Таким образом, виртуальная реальность меняет структуру и функциональную нагрузку системы коммуникации, вызывая интерес к данной теме в различных областях научного знания.

Современные ученые-лингвисты определяют Интернет как «особую глобальную социально-коммуникационную компьютерную (электронную, виртуальную, сетевую) среду» [Кулёва, 2012, с. 36], анализ общения внутри которой возможен в терминах и понятиях, характерных для вербальной коммуникации. Вслед за Л. Ю. Щипициной мы определяем электронную коммуникацию как обмен текстовыми и другими знаковыми сообщениями, при помощи «опосредованно связанных в сеть компьютеров» [Щипицина, 2009, с. 237]. Отличительной особенностью сетевого общения является неограниченный объем передачи данных, мобильность и структурированность информации.

МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В данной статье мы рассматриваем функционирование феномена вербализации взаимоотношений в паре („Beziehungen“) в рамках профессиональной и гражданской виртуальной журналистики. Под данным феноменом мы подразумеваем взаимоотношения, включающие в себя различные проявления человеческого общения в паре, и рассматриваем их на примере корпуса немецкоязычных фельетонов, а также публикаций и комментариев форума Reddit. Распространенным способом решения проблем взаимопонимания во время личностного контакта является поиск информации по конкретному вопросу в Интернете и / или обсуждение сложностей взаимоотношений в различных социальных сетях. Нам представляется интересным проанализировать средства вербализации, используемые гражданскими и профессиональными журналистами при описании проблемных ситуаций в паре, а также их обсуждение на просторах Всемирной паутины.

Материалом исследования послужил корпус из 20 современных немецкоязычных фельетонных текстов, опубликованных в таких изданиях, как «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Stuttgarter Nachrichten», «Süddeutsche Zeitung», «Neue Zürcher Zeitung», «News. Choices» и др., посвященных описанию конфликтов в парных отношениях. Материалом исследования являются также публикации и комментарии немецкоговорящих пользователей социальной сети-форума Reddit, сообщества которого были выбраны нами для анализа. Мы обратили внимание на сабреддиты под названиями «Beziehungen», «Ratschlag», «Hilfe», направленные на обсуждение взаимоотношений между людьми и возникающих проблем, совместный поиск решений, обмен мнениями и опытом.

Фельетон как жанр профессиональной журналистики согласно ежегодному отчету «News aktuell Trendreport 2019»[1] является распространенным и популярным информационным каналом в современной Германии. Опираясь на немецкие исследования, посвященные жанру фельетона, мы определяем данный тип текста публицистического дискурса (ср. *нем.* die Glosse) как короткое медиасообщение на актуальную тему с ярко выраженной авторской оценкой [Wylot, 2015, с. 2]. Тематическое разнообразие данного жанра не ограничивается сугубо политической проблематикой. Социально-бытовые темы, как то проблемы взаимоотношений нередко ложатся в основу современного немецкоязычного фельетона, что прослеживается в заголовках «Magnetisierende Beziehungen» (ср. *рус.* притягивающие отношения[2]), «Liebe geht durch's linke Ohr» (ср. *рус.* любовь проходит через левое ухо) и др. Задачей социально-бытового немецкоязычного фельетона является не только фокусирование внимания общественности на значимых тенденциях, но и «стимулирование читателя к размышлениям» [Северина, 2018, с. 123].

Современный немецкоязычный фельетон можно отнести к компьютерно-опосредованной коммуникации, так как с развитием и распространением виртуального пространства фельетон становится интерактивным. Реципиент получает возможность не только ознакомиться с информацией, но и оставить комментарий к заинтересовавшему его тексту. Таким образом, в читательских комментариях нередко возникает дискуссия не только между читателями, но также дискуссия читателей с автором фельетона. Многие исследователи рассматривают подобную «мгновенную обратную связь» от реципиентов как одну из форм качественной гражданской журналистики, которая обеспечивает профессиональных журналистов ценными суждениями, побуждает к зарождению интеллектуальных дискуссий и способствует

[1]News aktuell. Ein Unternehmen der dpa-Gruppe. news aktuell GmbH. 2020. URL: file:///C:/Users/agosm/Downloads/newsaktuell_Trend-Report_2019_english.pdf/

[2]Здесь и далее перевод наш. – *Е. С., С. И.*

раскрытию новых тем и идей для будущего материала, в том числе фельетона [Ziegele, 2016; Lolies, 2012]. Отметим, что гражданская журналистика «подразумевает деятельность не профессиональных авторов» в Интернете и в традиционных СМИ [Хлебникова, 2011, с. 4].

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать в сабреддитах: именно в комментариях пользователи выражают свое мнение об увиденном / прочитанном. Публикации пользователей представляют собой тексты разного объема, содержания и структуры, при составлении которых автор должен учитывать правила, положения и требования того сабреддита, которому он предлагает материал для публикации. Например, в анализируемом материале обязательными условиями было наличие заголовка с формулировкой проблемы, а также указание пола и возраста действующих лиц. Такие требования позволяют комментирующим более точно понять и оценить ситуацию и дать наиболее уместный комментарий. Сегодня онлайн-комментарий называют одной из «форм существования обратной связи, универсальным способом выражения отношения» [Топчий, 2020, с. 158] и даже «читательским письмом 2.0» [Lolies, 2012, с. 28]. Также как и при написании автором публикации, для комментирующих действуют определенные правила поведения, принятые в сабреддите и обеспечивающие симметричную, конструктивную коммуникацию между пользователями [Имбер, Томская, 2023].

Изучение функционирования электронной сети Интернет и средств вербализации при разрешении различных социально-психологических противоречий допускает разнообразие подходов и методов. Немаловажную роль в нашем исследовании играет сравнительный метод, так как авторы статьи проводят сопоставление средств вербализации конфликтов в фельетонных текстах профессиональных журналистов и в публикациях и комментариях так называемых гражданских журналистов в социальной сети. Для адекватного понимания всей ситуации необходимо применение контекстуального метода, при обобщении данных использовался также описательный метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Вербальные особенности электронного общения

Современные исследователи (Ю. А. Зуляр, М. Ю. Казак) отмечают, что электронная коммуникация объединяет в себе устное и письменное общение. Подобно письменной форме материал фиксируется графически, в то же время язык отличается неформальностью и использованием определенных средств выразительности, характерных для устной речи, в частности фразеологических единиц, сленговых выражений, заимствований, преимущественно англицизмов. Рассмотрим особенности электронного общения на материале современного немецкоязычного фельетона и социальной сети Reddit.

Фразеологические выражения

Одним из часто используемых средств образности в виртуальной коммуникации являются фразеологические обороты. «Словарь лингвистических терминов» определяет фразеологизм как «устойчивый оборот, значение которого основано на возникновении постоянного контекста, возникающего тогда, когда одно из слов выпадает из свободного употребления, превращаясь в компонент составной лексемы»[1]. Немецкий толковый словарь Duden характеризует фразеологию как «совокупность типичных сочетаний слов, устойчивых фраз, сочетаний и оборотов речи»[2]. Вышеприведенные дефиниции позволяют выделить основные признаки подобных сочетаний – устойчивость, воспроизводимость, лексикализацию и идиоматичность [Schippan, 1992]. Высокий оценочный и, как следствие, экспрессивно-эмоциональный потенциал большинства фразеологических единиц отмечается в работах В. Н. Телии, Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой. В качестве примера рассмотрим следующий комментарий, относящийся к посту об абьюзивных отношениях:

> Statt dich in den Freundeskreis zu integrieren, <…> grenzt sie dich aus und gibt dir auch sonst das Gefühl, ein Klotz am Bein zu sein[3].

Фразеологическая единица *Klotz am Bein* (ср. *рус.* обуза, камень на шее) характеризуется ярко выраженным общеоценочным предикатом «плохо». Отметим, что примеры с другими устойчивыми выражениями, не вошедшими в данную статью, также содержат, как правило, имплицитно выраженную отрицательную оценку, что обусловлено спецификой выбранного нами материала для анализа. Авторы публикаций описывают какие-либо проблемы в отношениях, т. е. явно негативные стороны, Комментаторы, в свою очередь, предоставляют соответствующую речевой ситуации

[1]Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.

[2]URL: https://www.duden.de/suchen/dudenonline/phraseologie.

[3]URL: https://www.reddit.com/r/beziehungen/comments/10tkkvt/brauche_rat_zu_meiner_beziehung/.

обратную связь, которая также осуществляется при помощи отрицательно окрашенных оборотов и словосочетаний.

В рамках устно-письменной формы онлайн-коммуникации устойчивые сочетания реализуют образно-экспрессивную и аппелятивную функцию, позволяя говорящему более четко выразить свои чувства и эмоции и усилить воздействие на адресата [Лобанова, 2015].

Обратимся к следующему примеру из фельетона, в котором автор проводит сравнение отношений мужчины и женщины с отношениями кукол Кена и Барби. Отсылка к известным для многих героям позволяет фельетонисту наглядно представить материал:

> Ken und Barbie – das perfekte Paar, füreinander geschaffen. <…> Als zwei Pole der gleichen Sache können sie durchs Leben gehen[1] (*Pretzer. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 11. 2001*)[2].

В то же время, стремясь разъяснить модель поведения в паре и разрешить возможные конфликтные ситуации, фельетонист доводит до читателя свою основную мысль. Она заключается в том, что Кен и Барби являют собой два полюса единого целого. Эта мысль выражается посредством фразеологизма *als zwei Pole der gleichen Sache*. Они разные, но могут гармонично сосуществовать, если будут стараться понять друг друга и идти на компромиссы.

В нижеприведенном комментарии мы можем наблюдать реализацию аппелятивной функции устойчивых сочетаний на примере использования фразеологизма *den Bach runtergehen* (ср. *рус*. идти насмарку, вылететь в трубу). Участники сабреддита высказывали свои мнения об одиночестве и страхе перед новыми отношениями, описанными в одной из публикаций. Своим высказыванием комментатор пытается воззвать к здравому смыслу автора, успокоить его, подбодрить.

> Es kann aber auch nicht sein, dass dein Leben jedes Mal den Bach runter geht, wenn aus einer Beziehung nichts wird[3].

В. Н. Телия отмечает, что использование фразеологических единиц способствует также реализации «принципа экономии речевых усилий» [Телия, 1996, с. 179]. Говорящий имеет в своем распоряжении готовые сочетания и фразы, которые позволят выразить его мысль не только более быстро, но и красочно и образно. Например, в фельетоне, посвященном взаимному недопониманию в отношениях, которое неизбежно ведет к конфликту, автор обращается к женской читательской аудитории, лаконично типичные претензии к партнеру. Ему адресован упрек в недостатке заботы:

> Permanentes Beziehungschaos? Niemand, der Sie auf Händen trägt?[4] (*Kleinbrahm. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 09.2001*).

Таким образом, при помощи таких фразеологических выражений, как *auf Händen tragen* (ср. *рус*. носить на руках), фельетонист заинтересовывает читателя, экономя языковые средства.

Сходную ситуацию мы можем наблюдать в публикации, автором которой является девушка, отклоняющая попытки молодого человека завести с ней более близкие отношения.

> Später an dem Abend habe ich ihm dann <…> einen netten Korb gegeben[5].

Пользовательница внесла в устойчивое выражение *j-m einen Korb geben* (ср. *рус*. отказать, отклонить приглашение) дополнительный авторский оценочный элемент посредством положительно окрашенного прилагательного *nett*. Таким образом, изначально негативно окрашенная фразеологическая единица получила новый «оттенок», уменьшающий ее отрицательный градус. Мы предполагаем, что героиня пыталась обратить внимание пользователей на то, что была крайне вежлива и учтива с молодым человеком и ничем не спровоцировала неуважительное отношение к себе. Мы допускаем вероятность того, что с помощью подобной формулировки девушка пытается оправдаться перед другими пользователями.

Англицизмы

Англицизмы нередко используются при описании и обсуждении взаимоотношений в паре Интернет-пользователями и фельетонистами. Англоязычные заимствования в немецком языке имеют достаточно долгую историю: начиная с XVI века, когда Великобритания превратилась в одну из ведущих

[1]Pretzer C. Magnetisierende Beziehungen. Frankfurter Allgemeine Zeitung. November 2001. URL: https://www.faz.net/aktuell/gesellschaft/glosse-magnetisierende-beziehungen-1147449.html (дата обращения: 11.04.2023).

[2]Здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены.

[3]URL: https://www.reddit.com/r/Ratschlag/comments/10jf4z0/was_kann_ich_gegen _einsamkeit_tun/

[4]Kleinbrahm K. Liebe geht durch's linke Ohr. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Semptember 2001. URL: https://www.faz.net/aktuell/gesellschaft/glosse-liebe-geht-durch-s-linke-ohr-130969.html (дата обращения: 11.04.2023).

[5]URL: https://www.reddit.com/r/BinIchDasArschloch/comments/122hkni/bida_wenn_ich_mich_von_ihm_belästigt_fühle/

торговых держав, вплоть до нашего, охваченного глобализацией времени, и, преимущественно англоязычной, интернет-сетью, которая предоставляет в распоряжение пользователей непрерывный, всемирный виртуальный канал передачи информации [Сон, 2013; Банщикова, 2009]. Согласно исследованиям Ю. В. Кобенко и Е. Д. Роо, «английский язык следует признать полновесным компонентом языковой ситуации в ФРГ» [Кобенко, Роо, 2014, с. 7]. Говоря о функциях англицизмов в виртуальной общении, можно отметить «введение новых слов для обозначения новых понятий, явлений ... которые не нашли адекватного лексического ответа в языке-реципиенте» [прив. по: Сон, 2013, с. 28], а также, согласно «Словарю лингвистических терминов»[1], дифференциацию и конкретизацию уже существующих понятий. В качестве иллюстрации рассмотрим следующий пример фельетона:

> Und anstatt jeden Abend durch die Clubs zu ziehen, sitzt der brav gewordene Night-Hero jetzt neben seiner Liebsten zuhause auf dem Sofa, sieht sich mit ihr eine romantische Liebeskomödie an und teilt eine Tüte Kartoffelchips[2] (*Figut. Saarbrücker Zeitung. 03.2023*).

В данном фрагменте партнерские отношения представлены как путь к более размеренной и уравновешенной жизни. Клубное времяпрепровождение сменяется совместными домашними вечерами. В немецком языке используется английское заимствование *der Club*, которое, согласно словарной статье толкового словаря «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache», используется чаще немецких синонимов, таких как: *die Disco, die Disko, die Diskothek, das Tanzlokal*[3]. Также в данном фельетоне, чтобы подчеркнуть благотворное влияние отношений на перемены в жизни, фельетонист иронично обозначает любителей проводить время в ночных клубах английским заимствованием *Night-Hero* (ср. *рус.* ночной герой).

Рассмотрим следующий комментарий к публикации, в которой автор описывает болезненный процесс развода и сложные взаимоотношения с женой:

> Dass sie dich wegen einem anderen verlasst und dann nach 6 Monaten wieder zurückkommt, ist schon ne sehr sehr grosse Red Flag[4].

Комментирующий прибегает к использованию англицизма *red flag* (ср. *рус.* красный флаг), чтобы предупредить автора о тревожных признаках в отношениях. Данный термин, получивший свое распространение в 2021 году в виртуальном пространстве, относится к области психологии, и позволяет кратко и точно выразить подозрения, неприятные интуитивные чувства, которые появляются при знакомстве с человеком или на первых этапах взаимоотношений. Отметим, что данное выражение относится не только к англицизмам, но и к сфере сленга в онлайн-коммуникации. Этот факт является возможной причиной отсутствия его в «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» и «Duden Universalworterbuch». Однако мы обнаружили подробное объяснение данного понятия на просторах немецкоязычного Интернета: «Если при знакомстве с новым потенциальным партнером Вас настораживают односторонние разговоры или вспышки ревности, Вы можете назвать эти признаки "красным флагом"»[5].

Большое количество заимствований отмечается в молодежной культуре и языке. Таким образом, применение англицизмов объясняется желанием разграничить «своих» и «чужих», а также приданием высказыванию разговорного характера и, как следствие, снижением уровня серьезности. Потребность в языковой экономии, а именно в кратком и емком выражении мысли, также является возможной причиной замены немецкого понятия на заимствованное [Ловянникова, Колиева, 2022]. Рассмотрим следующий пример в тексте фельетона:

> Männer und ihr Auto – eine innige Beziehung, über die man nur den Kopf ... ganz für sich haben wollen (was übrigens gar nicht cool ist)[6] (*Schwarzenbach. Neue Zürcher Zeitung. 08.2020*).

Фельетонист разбирает конфликт во взаимоотношениях, который возникает из-за того, что один из партнеров недостаточно их ценит и предпочитает им другие аспекты своей жизни. Так, по мнению автора, мужчины, вступая в новые отношения, могут уже иметь «личную привязанность» (ср. *нем.* innige Beziehung), но к собственной машине, что вызывает ревность у второй половины. Характеризуя такую «тесную связь» с транспортным средством, фельетонист использует англицизм *cool* вместо немецкого

[1] Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.

[2] Figut I. „Bro, das ist ja cringe!". Saarbrücker Zeitung. März 2022. URL: https://www.wort.lu/de/lokales/bro-das-ist-ja-cringe-64181e31de135b9236bb07ef (дата обращения: 11.04.2023).

[3] Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/wb/Club.

[4] URL: https://www.reddit.com/r/beziehungen/comments/10j70x0/ich_m30_lasse_mich_heute_von_ meiner_frau_w30/.

[5] URL: https://www.stuttgarter-nachrichten.de/inhalt.was-bedeutet-red-flag-mhsd.ccef24c0-5f69-4a53-95e0-89e6d8bf3b30.html.

[6] Schwarzenbach R. Männer und ihr Auto – eine innige Beziehung, über die man nur den Kopf schütteln kann. Dachte unser Autor. Bis es ihn selbst erwischte. Neue Zürcher Zeitung. August 2020. URL: https://www.nzz.ch/feuilleton/ein-offroader-musste-her-warum-nur-ld.1567449?reduced=true (дата обращения: 11.04.2023).

аналога *geil*, который также относится к разговорной речи. С помощью англицизма автор стремится установить контакт с реципиентом.

В качестве следующего примера нами были проанализированы комментарии к публикации, темой которой является неоспоримый факт измены одного из супругов. Для оценивания случившегося пользователь отдал предпочтение англицизму *die Story* (*история*), который согласно «Duden Universalworterbuch»[1] и «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache»[2] подразумевает необычную, едва ли возможную историю. Отметим, что в обоих источниках данное значение приводится с пометой *umgangssprachlich* (*разговорный стиль*), что в определенной мере является дополнительным основанием для его использования в тексте комментария. Возможной причиной для отказа от употребления немецкой лексемы *die Geschichte* (*история*) является стремление автора к языковой экономии, так как именно заимствование имплицирует необходимые ему смыслы (сенсационный, необычный, невероятный). Мы предполагаем, что при использовании слова *die Geschichte* автор был бы вынужден прибегнуть к дополнительным описательным элементам. Обратим внимание на наличие, на первый взгляд, положительно окрашенного прилагательного *toll* (*отличный*, *классный*), определяющего заимствование *Story*. При более детальном контекстуальном анализе становится понятно, что автор комментария прибегает к сарказму, имея в виду совершенно отличное от написанного им. Кроме этого, выражение *ne tolle Story* окружено ярко выраженными лексемами с общеоценочным значением «плохо» (*Übel – плохо*), *beschämend – позорно*, *неловко*), что в определенной степени ставит под вопрос уместность его употребления в прямом смысле. Автор комментария пренебрег необходимым для сарказма пунктуационным оформлением, например кавычками, а также не использовал «эмодзи», помогающие другим пользователям быстрее понять истинный смысл высказывания.

> Übel <…> dass sowas <…> ne tolle Story ist.. Fänd ich grundsätzlich beschämend – aber in diesem Fall war's wenigstens ein Augenöffner![3]

Сленг

Следует подчеркнуть, что понятие «сленг» не является терминологически точным. В данной работе мы будем придерживаться дефиниции, предложенной В. А. Потемкиной: «Сленг – нестандартный словарь, употребляющийся в эмоциональной повседневной речи, состоящий из слов и фраз в основном, характеризующихся экстремальной неформальностью» [Потемкина, 2009, с. 155]. Такая степень ненормативности может выражаться разными средствами, в частности табуированной лексикой, жаргоном и вульгаризмами. Например, «Большой Оксфордский словарь»[4] определяет сленг как «низкий вульгарный язык». М. Б. Раренко отмечает, что сложности, возникающие с дефинированием сленговых выражений обусловлены «достаточно коротким периодом жизни и ограниченным кругом пользователей» [Раренко, 2017, с. 69]. Подчеркнем, что многие из приведенных нами ниже примеров не имеют каких-либо стилистических, зафиксированных в словарных статьях окрасок, однако, по нашему мнению, являются сленговыми выражениями, имеющими набор необходимых признаков.

Отличительной характеристикой данного средства образности является его экспрессивность, эмоциональность, экстравагантность и шутливость, содержащие подчеркнуто оценочное начало. Кроме этого, наряду с англицизмами, сленг является очередным способом отграничения «своих» от «чужих» и демонстрации вербального социального статуса говорящего [Карасик, 2002].

В нашем исследовании мы рассматриваем молодежный сленг, лексический состав которого располагает к межличностному общению. При анализе эмпирического материала мы опирались на список лексем молодежного сленга, предоставленный немецким издательством «Langenscheidt» в рамках проекта «Jugendwort des Jahres» (2021):

- Gommemode – бесконечно сильный, непобедимый
- wild / wyld – невероятно хороший, крутой
- Macher – тот, кто реализует вещи без сомнений
- bodenlos – плохой, паршивый, невероятный[5]

Одним из часто встречающихся слов в текстах комментариев является существительное *Zucker* (*сахар*), использующееся, согласно «Duden Universalworterbuch»[6], со стилистической пометой *salopp* (*вульгарно-разговорное*) в значении «прекрасный, вызывающий умиление, восхищение». Пользователи активно прибегали к данной лексеме для положительного оценивания взаимоотношений.

[1]URL: https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Story.
[2]URL: https://www.dwds.de/wb/Story.
[3]URL: https://www.reddit.com/r/beziehungen/comments/10jiufu/nach_10_jahren _betrogen/.
[4]Oxford English Dictionary. Oxford Press, 1993.
[5]Langenscheidt. URL: https://www.langenscheidt.com/jugendwort-des-jahres-2021.
[6]URL:https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Zucker.

> Absolut Zucker. Wie aufmerksam du bist <...> Dein Partner hat grosses Gluck mit Dir[1].

> Madels, das ist ja wie Zucker, horma. Find ich gut wie ihr das regelt[2].

В современном немецкоязычном фельетоне сленг употребляется нечасто. И все же в рамках данного жанра авторы спорадически прибегают к сленговым словам и выражениям для того, чтобы установить контакт с читательской аудиторией определенной возрастной группы. Подобным образом фельетонист стремится подчеркнуть, что он «свой» и разбирается в актуальных молодежных тенденциях. Рассмотрим следующий фрагмент фельетона:

> Der eine wartet, dass die Zeit sich wandelt, der andere packt sie kräftig an und handelt. Sagte schon Goethe, der alte Macher[3] (*Redlberger. Choices. 10.2018*).

Рассуждая о том, какие качества являются привлекательными для создания крепких отношений, автор фельетона применяет молодежное сленговое слово: «*Macher*». Данным сленговым выражением, которое обозначает человека, действующего без колебаний, фельетонист называет выдающегося немецкого писателя, мыслителя, философа и государственного деятеля – Иоганна Вольфганга фон Гёте. Данная отсылка не случайна, так как, по заявлению автора фельетона, Вольфганг фон Гёте утверждал: «Один ждет, когда времена изменятся, другой энергично хватается за них и действует». Таким образом, демонстрируется, что конкретные личностные качества, такие как решимость, ценились во все времена.

Употребление сленговых лексем и выражений авторами публикаций и комментирующими обусловлено достаточно молодым возрастом пользователей и является неотъемлемой частью их вербального статуса. Так как отличительной чертой онлайн-коммуникации является ее «устность», мы предполагаем, что употребительные в Reddit сленговые выражения активно используются при реальном, оффлайн-общении.

В нижеприведенном комментарии наше внимание привлекла лексема *der Quark*, используемая не в прямом значении – «творог», а в переносном, пренебрежительно-вульгарном – «чушь»[4].

> Die Therapie ist auf jeden Fall ne gute Idee <...> ruf alte Freunde Mal wieder an. Das mit der Beziehung ist doch Quark[5].

С помощью данного сленгового выражения комментирующий дает негативную оценку ситуации, в которой описывается отрицательный опыт в новых отношениях. С помощью стилистически сниженной лексики пользователь также пытается выразить моральную поддержку автору и понимание описанных им в публикации проблем. Обратим внимание на предложения-советы в начале комментария, которые также подкрепляют наше предположение о добрых намерениях пишущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремительное развитие и распространение электронного пространства способствует переменам в публицистическом дискурсе. К нему относится современный немецкоязычный фельетон. В рамках данного жанра трансформируются принципы коммуникации, что проявляется в социальной сети Reddit. Отличительными характеристиками электронной коммуникации является ее легкодоступность, мобильность и оперативность. Данные черты позволили пользователям и авторам выносить различные проблемы личного характера, например, сложности в отношениях («Beziehungen»), на всеобщее обозрение и обсуждение и адаптировать для них систему языка. Вследствие данных процессов наблюдается тенденция интенсивного проникновения устной речи в письменную, что проявляется в широком использовании фразеологизмов, англоязычных заимствований и сленговых выражений в современном немецкоязычном фельетоне и социальной сети Reddit.

В то же время современные сетевые реалии диктуют свои условия и требуют от участников навыка лаконично формулировать собственное суждение, придавая ему максимальную информативность и экспрессивность.

Наш анализ показал, что авторы фельетонов и пользователи Reddit, используя фразеологические обороты, сленговые выражения и заимствования как средства выразительности, преследуют схожие коммуникативные цели. Фельетонист подстраивается под запросы читательской аудитории. Сетевая медиажурналистика способна оказать значительное воздействие на формирование общественного мнения. Фельетонист сознательно фокусирует внимание реципиента на социально значимых темах, применяя различные средства

[1]URL:https://www.reddit.com/r/beziehungen/comments/126fdti/mein_freund_ist_ständig_mental_erschöpft_wie_kann/.

[2]URL: https://www.reddit.com/r/beziehungen.

[3]Redlberger M. Selbstlos ist das neue Sexy Choices. Oktober 2018. URL: https://www.choices.de/selbstlos-ist-das-neue-sexy (дата обращения: 11.04.2023).

[4]URL: https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Quark

[5]URL: https://www.reddit.com/r/Ratschlag/comments/10jf4z0/was_kann_ich_gegen_einsamkeit_tun/.

выразительности. Пользователи Reddit, являющиеся своего рода представителями гражданской журналистики, активно внедряют в публикации и комментарии фразеологизмы, сленговые выражения и заимствования, преследуя цель воздействовать на других пользователей, впечатлить их, ярче дать положительную или отрицательную оценку происходящему, а также провести дифференциацию «своих» и «чужих».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулёва О. В. Средства электронной коммуникации // Библиосфера. 2012. № 3. С. 36–41.
2. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация или электронный дискурс? К определению основного понятия в лингвистическом изучении интернета // Вестник Томского государственного университета, 2009. Вып. 9 (77). С. 233–239.
3. Wylot M. Die Textsorte Glosse in diachronischer Auffassung. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Germanica. 2015. Band 11. С. 1–9.
4. Северина Е. А. Зигфрид Кракауэр – основоположник социально-бытового немецкоязычного фельетона // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова / под ред. М. В. Шамановой и др. Ярославль, 2018. С. 118–123.
5. Ziegele M. Nutzerkommentare als Anschlusskommunikation. Theorie und qualitative Analyse des Diskussionswerts von Online-Nachrichten. Wiesbaden: Springer VS, 2016.
6. Lolies I. Leserbriefe 2.0? Nutzer-Partizipation durch Online-Kommentare // Journalistik Journal. 2012. № 1. P. 28–29.
7. Хлебникова Н. В. Гражданская журналистика: к истории становления термина // Медиаскоп. 2011. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-zhurnalistika-k-istorii-stanovleniya-termina (дата обращения: 07.04.2024).
8. Топчий И. В. Комментарий в социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. Вып. 2 (36). С. 157–162.
9. Имбер С. Ю., Томская М. В. Модерация социальных сетей как инструмент управления коммуникацией (на примере «ВКонтакте» и «Reddit») // Междисциплинарные проблемы человеко-машинного взаимодействия: сборник научных статей. 2023. С. 74–94.
10. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: ein Studienbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
12. Лобанова Е. В. Особенности функционирования средств языковой образности в книжных стилях: современное состояние // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2015. Вып. 14. С. 82–86.
13. Сон Л. П. Метаязык интернет-коммуникации: проблема заимствований (на материале испанского и русского публицистического текста) // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Вып. 1. С. 26–31.
14. Банщикова М. А. О влиянии основных вариантов английского языка на немецкий язык // Полилингвальность и транскультурные практики. 2009. Вып. 2. С. 29–33.
15. Кобенко Ю. В., Роо Е. Д. Английский язык как металект в языковой ситуации в ФРГ с 1945 года // Современные проблемы науки и образования. 2014. Вып. 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12549 (дата обращения: 14.04.2023).
16. Ловянникова В. В., Колиева И. Г. Реализация принципов языковой экономии в немецком интервью // СИСП. 2022. Вып. 3. С. 309–326.
17. Потемкина В. А. Сленг как составляющая разговорного языка // Сибирский педагогический журнал. 2009. Вып. 11. С. 153–156.
18. Раренко М. Б. Сленг как признак социальной принадлежности // Язык и мода: сборник статей. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 64–74.
19. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.

REFERENCES

1. Kulyova, O. V. (2012). Electronic means of communication. Bibliosfera, 3, 36–41. (In Russ.)
2. Shchipicina, L. Yu. (2009). Kompyuterno-oposredovannaya kommunikaciya ili elektronnyj diskurs? K opredeleniyu osnovnogo ponyatiya v lingvisticheskom izuchenii interneta = Computer-mediated communication or electronic discourse? On the definition of the main concept in the linguistic study of the Internet. Tomsk State University Journal of Philology, 9(77), 233–239. (In Russ.)
3. Wylot, M. (2015). Die Textsorte Glosse in diachronischer Auffassung. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Germanica, 11, 1–9.
4. Severina, E. A. (2018). Zigfrid Krakauer – osnovopolozhnik social'no-bytovogo nemeckoyazychnogo feletona = Siegfried Kracauer as the founder of German social feuilleton. In Shamanova, M. V. et al. (Eds.), Philological readings Yaroslavl State University (pp. 118–123). Yaroslavl. (In Russ.)

5. Ziegele, M. (2016). Nutzerkommentare als Anschlusskommunikation. Theorie und qualitative Analyse des Dikussionswerts von Online-Nachrichten. Wiesbaden: Springer VS.
6. Lolies, I. (2012). Leserbriefe 2.0? Nutzer-Partizipation durch Online-Kommentare. Journalistik Journal, 1, 28–29.
7. Hlebnikova, N. V. (2011). Grazhdanskaya zhurnalistika: k istorii stanovleniya termina = Citizen journalism: History of the term. Mediascope, 3. https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-zhurnalistika-k-istorii-stanovleniya-termina. (In Russ.)
8. Topchii, I. V. (2020). Kommentarij v social'nykh media = Comment in social media. Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija, 2(36), 157–162. (In Russ.)
9. Imber, S. Yu., Tomskaya, M. V. (2023). Social media moderation as a communication management tool (based on the analysis of „VKontakte" and „Reddit"). In Mezhdisciplinarnye problemy cheloveko-mashinnogo vzaimodejstviya (pp. 74–94): The digest of scientific articles. (In Russ.)
10. Schippan, T. (1992). Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: ein Studienbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
11. Telia, V. N. (1996). = Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". (In Russ.)
12. Lobanova, E. V. (2015). Linguistic imagery functioning peculiarities in bookish stiles: the modern state. Vestnik HGU im. N. F. Katanova, 14, 82–86. (In Russ.)
13. Son, L. P. (2013). Meta-language of the Internet communication: the issue of borrowing (on the material of Spanish and Russian journalistic texts). Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 1, 26–31. (In Russ.)
14. Banshchikova, M. A. (2009). O vliyanii osnovnykh variantov anglijskogo yazyka na nemeckij yazyk = About the influence of the basic variants of the English language on the German language. Polylinguality and Transcultural Practices, 2, 29–33. (In Russ.)
15. Kobenko, Y. V., Roo, E. D. (2014). English as a metalect in the language situation in Germany since 1945. Modern problems of science and education, 2. https://science-education.ru/ru/article/view?id=12549. (In Russ.)
16. Lovyannikova, V. V. Kolieva, I. G. (2022). Realizaciya principov yazykovoj ehkonomii v nemeckom interv'yu = Implementation of linguistic economy principles in a German interview. Modern Studies of Social Issues, 14(3), 309–326. (In Russ.)
17. Potemkina, V. A. (2009). Sleng kak sostavlyayushchaya razgovornogo yazyka = Slang as a part of spoken language. Siberian Pedagogical Journal, 11, 153–156. (In Russ.)
18. Rarenko, M. B. (2017). Slang as a sign of social status. In Yazyk i moda (pp. 64–74): collection of papers. Moscow: Institute for Scientific Information on Social Sciences. (In Russ.)
19. Karasik, V. I. (1992). Yazyk social'nogo statusa = The language of the social status. Moscow: Institute of Linguistics, RAS; Volgograd State Pedagogical Institute. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Северина Екатерина Андреевна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Имбер Славяна Юрьевна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Severina Ekaterina Andreevna

Senior Lecturer
Department of the Second Foreign Language of the M. Torez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Imber Slavyana Yur'evna

Senior Lecturer
Department Linguistics and Professional Communication in Law, Faculty of Law
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'27

Языковой ландшафт Алжира: актуальное состояние и тенденции развития

В. Л. Соколова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
viviso.1602@gmail.com

Аннотация: Глобализационные процессы проявляются в различных институциональных сферах. К их числу относятся социальные коммуникации, которые во многом определяют языковой ландшафт страны. Сегодня наблюдается переход из эпохи глобального билингвизма в эпоху глобального мультилингвизма. В контексте этого процесса особый интерес представляет языковая ситуация в странах Магриба. В работе показано влияние культурно-исторических, социокультурных и институционального факторов на взаимодействие миноритарных, эритажных языков, и языка титульной нации на примере Алжира.

Ключевые слова: мультилингвизм, страны Магриба, лингвокультурное пространство, мода на язык, эколингвистика, миноритарный язык, язык титульной нации

Для цитирования: Соколова В. Л. Языковой ландшафт Алжира: актуальное состояние и тенденции развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 99–105.

Original article

The Linguistic and Cultural Landscape of Algeria: Current State and Development Trends

Viktoria L. Sokolova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
viviso.1602@gmail.com

Abstract. Globalization processes find their expression in various institutional spheres, including in the space of social communications, the use of which largely determines the linguistic landscape of the country. Today there is a transition from the era of global bilingualism to the era of global multilingualism. Hence, the linguistic situation in the Maghreb countries is of great interest. The research shows the influence of cultural-historical, sociocultural and institutional factors on the interaction of minority, heritage languages, and the language of the titular nation using the example of Algeria.

Keywords: multilingualism, Maghreb countries, linguistic and cultural space, fashion for language, ecolinguistics, minority language, language of the titular nation

For citation: Sokolova, V. L. (2024). The linguistic and cultural landscape of Algeria: current state and development trends. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 99–105. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной предметно-специальной литературе Демократическая Республика Алжир (далее – Алжир) рассматривается как полиэтническое государство, где доминирующей религией является ислам. Так, по данным на 2022 год международного статистического портала Statista, на долю арабского населения в Алжире приходится 75 % населения, берберы составляют 20 %; к оставшейся части относят население автохтонных народов.

Языковой портфель страны включает в себя арабский язык со статусом официального; французский язык, второй по степени распространения после арабского и доминирующий в институциональных сферах международных отношений, медиа, экономики, дипломатии и образования; берберский язык, третий по распространению, являющийся языком одной из наиболее крупных этнических групп – берберов. Франкофонное население Алжира составляет 25 % от общего числа.

Языковой поворот, который мы наблюдаем сегодня, затрагивает не только смену языков-доминантов в мировом масштабе, но и вносит изменения в региональные языковые ситуации. Наиболее показательной является современная языковая ситуация Алжира, так как в свете изменений языкового портрета государства, которые главным образом продиктованы влиянием глобализационных процессов, алжирское общество встраивается в систему мировой коммуникации [Трошина, 2020].

Идеи о языке как об интеграционном факторе зародились еще в работах представителей социологической школы, в частности А. Мейе, который считал, что для мировой лингвосферы достаточно несколько основных языков и один вспомогательный [Кузнецов, 2018]. Однако сегодня мы видим, что фактор языка имеет двойственный характер: он может являться как интегративным, так и дезинтеграционным.

Тенденция к использованию английского языка на институциональных уровнях, например, в системе образования продиктована глобализационными процессами, которые ориентированы на транснационализацию и гомогенизацию языкового портрета государства. По оценкам экспертов, данное преобразование носит спорный характер и вместе с тем определяет современные тенденции лингвосферы Алжира. Конкурентная борьба между языками позволяет другому глобальному языку укорениться и приобрести статус языка-медиатора. В алжирском языковом портрете, где ни один автохтонный язык не может стать доминирующим, перспективы английского языка таковы, что именно он постепенно становится языком коммуникации наравне с арабским или французским.

Языковой портрет современного Алжира парадоксален. С одной стороны, Алжир является одной из наиболее крупных франкофонных стран Северной Африки, где французский язык широко распространен и используется на институциональном уровне: в СМИ, сфере образования и государственного управления. С другой стороны, французский язык не имеет статуса официального или государственного языка. Чтобы понять существующий парадокс, необходимо принять во внимание, что сегодня отношение к французскому языку в Алжире неоднозначно. Это проявляется в социальных, культурных и этнических аспектах языковой политики Алжира. Так, в 2022 году президент Алжирской Республики Абдельмаджид Теббун сделал заявление о необходимости изучения английского языка с начальной школы[1].

Для современного Алжира характерно биолингвистическое разнообразие: государственный язык – алжирский арабский; язык СМИ – арабский, французский, берберский; язык образования – арабский, сегодня также английский. Многоязычие современного Алжира представлено как суперцентральными языками (арабским и французским), так и центральными и периферийными языками (кабильский, шауйя, шенуа). В данном случае мы используем терминологию гравитационной модели языков А. де Сваана и Л.-Ж. Кальве, которая нам представляется наиболее точной в рамках изучения влияния глобальных процессов на языковую среду [Трошина, 2020, с. 15].

Культура и язык сегодня становятся геополитическими факторами, способными служить интеграции и национально-культурной презентации страны в условиях глобализации [Гусейнова, 2017]. Так, например, арабский язык позволяет манифестировать этнические и культурные особенности региона Магриб во внешнем для него мире, в то время как французский и английский языки позволяют более точно передавать и выражать особенности политического, научного и медиа дискурсов внутри рассматриваемого нами региона. Алжирская лингвокультура включает в себя национально-специфические сферы, отражающие наиболее значимые аспекты данного языкового коллектива [Гулинов, 2004]. Мир переходит из эпохи глобального билингвизма «родной язык + английский язык» в эпоху глобального мультилингвизма «родной язык + английский язык + глобальный язык», который [мультилингвизм] несмотря на свой ареал распространения детерминирован регионально, т. е. выбор глобального языка определен рамками региона. Так, например, французский язык, несмотря

[1]URL: https://www.courrierinternational.com

на статус языка-медиатора в Магрибе, остается его колониальным наследием, что обусловлено исторически и определяет отношение магрибинцев к нему. Введение английского языка в некоторой степени определяется модой на этот язык. Интернационализация образования поддерживает экстраполяцию английского языка и, с одной стороны, имеет положительные последствия: привлечение иностранных учащихся и увеличение мобильности студентов; с другой стороны, интернационализация не приводит к языковой диверсификации, а лишь способствует укреплению позиций английского языка [Германова, 2020, с. 194]. Мода на язык формирует ряд определенных культурных образцов, поддерживая культурное, языковое разнообразие и реализуя потребность этноса отличаться от других [Трошина, 2017].

К ИСТОРИИ ВОПРОСА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО АЛЖИРА

Языковая среда Алжира претерпела немало вызовов, обусловленных историческими факторами и социокультурными преобразованиями страны. К наиболее значимым историческим факторам, повлиявшим на языковую ситуацию и определившим языковую политику страны сегодня, относят процесс арабизации, начавшийся в VII веке (важно не смешивать его с процессом исламизации); период французского колониального завоевания, начавшийся в XIX веке; борьбу за независимость и деколонизацию, достигшую своего пика во второй половине XX века. Так, в 1965 году была провозглашена независимость Туниса, в 1962 году – Алжира. Эти события во многом предопределяют современный облик региона. Таким образом, каждый из обозначенных исторических процессов демонстрирует идею этнокультурной дуальности в рамках определенной языковой пары. Так, процесс арабизации, историческими рамками которого считается период с VII по XI век, сопровождается конфликтным столкновением «интересов» группы берберских и арабского языков в лингвокультурном пространстве региона. Отметим, что арабизация носит культурный характер и реализуется посредством распространения арабского языка. Так, например, уже в VII веке на захваченных территориях Северной Африки были проведены реформы, так называемые «декреты Абдул-Малика», согласно которым арабский язык стал языком делопроизводства [Фильштинский, 2005]. После периода арабских завоеваний, начиная с VIII–IX веков, военные лагеря на территориях Северной Африки и Андалусии начали преобразовываться в ремесленные и торговые центры, где арабский язык становился лингва франка.

Исторические процессы оказывали значительное влияние на языковой портрет региона. Так, вторжение берберских кочевников в XI–XII века Альморавидов и Альмохадов в западные регионы Магриба привело к бедуинизации региона. Рубеж XV–XVI веков характеризуется милитаристским влиянием турок-османов, политическая власть которых позже была признана в Алжире и Тунисе. Немалое влияние на социокультурный и языковой портрет оказывает эпоха Великих географических открытий, историческими границами которой является середина XV – середина XVII веков. Европейская цивилизация экстраполирует не только языки, но и политическое влияние, которому были подвержены династии Садидов, затем Алауидов в Марокко, Хусайнидов – в Тунисе. К XIX веку соперничество между Испанией и Португалией в регионе сменяется на борьбу Франции, Великобритании и Германии, которая заканчивается установлением колониального управления над Алжиром и протектората над Тунисом в 1881 и 1883 годах соответственно [Жюльен, 1961]. Колониальное управление в Алжире характеризовалось внедрением и развитием так называемого «туземного кодекса», который делал автохтонное население Алжира бесправным в сферах политики, труда и социального развития. Процесс арабизации оказал значительное влияние на развитие французского языка, где последний являлся языком-реципиентом. В XIV–XV веках во французский язык активно начинают проникать лексемы следующих семантических групп: «продукты питания» *abricot* в форме в форме *aubercot* – абрикос (*ар.* al-barquq) в 1512, *orange* – апельсин в 1515 (*ар.* narandj, narandja); «ткани и одежда» *coton* – хлопок в конце XII века, (*ар.* qoton, qutun), *jupe* – юбка XII в. (*ар. djoubba, gubba*); «наука» *algèbre* – алгебра к XIV веку (*ар.* al-jabr, al-djabr, al-gabr), «абстрактные понятия» *hasard* – случай XII века (*ар.* az-zahr) [Dictionnaire étymologique de la langue française, 1994].

В эпоху арабских завоеваний, которые приходятся на 30-е годы VII – середину VIII века, происходило непрерывное расширение арабского государства, что влекло за собой распространение и насаждение арабского языка, и, как следствие, исламскую религию и культуру. Так, например, арабские завоевания оставили след в Андалусии, где была построена одна из крупнейших мечетей – Кордовская соборная мечеть, или Мескита – mezquita (*ар.* مَسْجِد [ˈmæsdʒɪd]). Военная экспансия сопровождалась экспансией идеологической и языковой. Под идеологической экспансией мы рассматриваем процесс исламизации, который включал в себя главным образом распространение религии и, как следствие, арабского языка. Исламизация рассматривается в качестве как социального, так

и политического процесса, что обусловлено не только распространением религиозных основ, но и политического влияния внутри региона. Исламизация оказывала значительное влияние на социальные изменения в стране. Так, например, в эпоху военных завоеваний контакты завоевателей и местного населения были ограничены. Арабские завоеватели жили обособленно от местного населения, в военных городках, амсарах, которые впоследствии стали трансформироваться в крупные процветающие города. Это меняло их административное и культурное значение с центров арабской сегрегации на центры аккультурации, что побуждало местное население принимать ислам и становиться частью другого общества и говорить на арабском языке, чтобы иметь возможность внедряться и укрепляться в нем [Blachère, 1975]. При сопоставлении процессов исламизации и арабизации необходимо отметить, что арабизация проходила медленнее исламизации, так как распространение религии и особенно ее принятие, – это единовременный акт, в то время как переход с родного языка на арабский в рамках целого этносоциального коллектива носил более длительный характер [Халидов, 1984].

В период колониального завоевания французский язык наслаивался на арабский и вытеснял его из сферы государственного управления и международного общения. Современная языковая ситуация характеризуется сосуществованием берберского, алжирского варианта арабского языка, а также французского языков [Algeria in others' languages, 2002]. Для настоящего времени характерны инициативы внедрения и экстраполяции английского языка, прежде всего в сфере образования, медицины и IT-технологий, что обусловлено развитием международного сотрудничества и привлечением на национальные рынки зарубежных специалистов.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В АЛЖИРЕ С ПОЗИЦИИ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Для современной глобальной лингвосферы характерны процессы и явления сетевых эффектов в сферах, зависящих друг от друга. Например, в областях образования, науки, производства [Марусенко, 2019]. Отметим, что набор используемых языков в определенной институциональной сфере регулируется на уровне государства и определяет поведение человека в этносфере [Гусейнова, 2017]. Так, например, французский и / или английский языки становятся профессиональными языками общения, что вводится и регулируется на государственном уровне. Согласно заявлению алжирского президента, английский язык необходимо вводить в систему образования с начальной школы[1]; в то время как арабский, его диалекты и автохтонные языки являются приоритетными для бытовой сферы.

Новые тенденции языковой политики – внедрение мажоритарных языков (английского, французского, испанского) приводят к стиранию культурной и языковой идентичностей. Наблюдается создание экстерриториальных сообществ, характеризующихся независимостью в языковом отношении. Так, например, в сфере образования преимущественно используются глобальные языки, в частности, английский, на котором реализуются образовательные программы уровня бакалавриата и магистратуры в странах Восточной Европы, а также Швеции, Бразилии, Франции, Японии.

В лингвистическом портрете Алжира все чаще наблюдается процесс угасания и последующего исчезновения языков, что можно объяснить магрибинским многоязычием. Так, согласно Атласу языков мира, находящиеся под угрозой исчезновения языки в регионе Магриба следующие: в Марокко – гомара, тамазигт (который в некоторых частях штата считается мертвым); в Алжире – тамазигт, зенатия, тидикельт; в Тунисе – тамазигт [Atlas des Langues en danger dans le monde, 2010].

Языковая ситуация в Алжире сложна для анализа, поскольку дифференциация на сильные и слабые языки внутри страны неочевидна по ряду факторов: исторического (процесс арабизации), социального (языковая политика государства), географического (труднодоступность ряда регионов, например, Кабилия). «Берберская проблема» выражена во все более усиливающемся регионализме и автономизме берберов в рамках социально-политических аспектов и языковых. Берберские языки представлены широким разнообразием местных языков, например, кабильским, наиболее распространенным. Кабилы, в свою очередь, самая крупная и наименее арабизированная группа берберов Алжира – 70 % от их общего числа [Фурсова, 2018]. Аналогичная ситуация наблюдается и с этнической группой – шавийя, проживающей в горной местности и свободно владеющей берберским, арабским и французскими языками. Другая часть берберских этносов (мзамбиты и туареги) проживает в южной области страны – на территории Северной Сахары. Данная этническая группа также сохранила свои автохтонные языки. Таким образом, мы наблюдаем жизнестойкость берберского языка, носители которого сохраняют собственные культурно-языковые традиции и вместе с этим ассимилируют арабский и французский языки. Об этом свидетельствуют лексемы из берберского

[1]URL: https://www.courrierinternational.com

языка, употребительные сегодня во французском языке:

- assif – река, поток воды
- beldi – слово описывает все, что относится к местному производству и противопоставляется европейскому
- dlala – продажа на публичных торгах
- haïdous – национальный берберский танец
- amazigh – этноним берберов или номинация всего, что является берберским, в частности название языка

Ассимиляция берберской лексики во французском, испанском или арабском языках редкое явление, которое связано с многочисленными диалектами и изменениями письменности у берберов. К этим изменениям относятся, например, переходы с ливийско-берберского на арабский; латинизация берберского алфавита.

Актуальная языковая политика и внедрение английского языка в Алжире на институциональном уровне и, как следствие, вытеснение французского приведет к его «смерти». Так, по мнению М. А. Марусенко, «глобализация не является нейтральной по отношению к взаимодействию между языками» [Марусенко, 2019, с. 156]. Использование английского языка, который выступает в роли языка-доминанта, будет поощряться, что впоследствии вытеснит не только миноритарные языки, но и языки-медиаторы, каким и является французский. В условиях глобализации в мировой лингвосфере лидирует английский язык, что подвергает опасности суперцентральные языки (французский, испанский, арабский) и сводит их институциональный статус к периферийным. Влияние английского языка сокращает коммуникативный потенциал национальных языков и меняет языковой портрет сфер использования языка [Германова, 2020, с. 198]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировые глобализационные процессы влияют на социокультурные процессы и языковые портреты стран и регионов. Современный языковой портрет Алжира носит динамический характер. Он формировался под влиянием языковых контактов на протяжении столетий, начиная с периода арабских завоеваний в VII веке, переживая эпоху Великих географических открытий XV–XVII веков, колониальное влияние Франции в XIX–XX веках и продолжает формироваться под влиянием современных глобализационных процессов.

Языковой портрет Алжира представляет собой мультиязычный языковой континуум, что обусловлено как языковой диверсификацией региона, так и его поликультурной средой. Одним из значимых последствий глобализации, которые оказывают влияние на языковой портрет региона, является экстраполяция английского языка. Он занимает особую позицию в сфере образования. Внедрение и активное распространение английского языка в образовательной среде Алжира носит дискуссионный характер. С одной стороны, он представляет собой угрозу для функционального потенциала национального и автохтонных языков в ряде институциональных сфер, в частности, в сферах образования и науки, что приводит к так называемому «эффекту домино»: закрепление английского языка в одной сфере приведет к его инкорпорированию в ряд смежных с ней сфер. Открытым остается вопрос о сохранении языковой идентичности, манифестации национальных интересов и культурных особенностей в глобальном контексте, что особенно актуально для миноритарных и автохтонных языков региона. С другой стороны, английский язык является медиатором между регионом и глобальным рынком, что делает ряд институциональных сфер более гибкими и открытыми для сотрудничества.

Вопрос распространения английского языка в регионе содержит и собственно лингвистический аспект: языковая палитра Алжира зависит от того, какой именно вариант английского используется в образовательных учреждениях и насколько сильно перерабатывается глобальный язык под воздействием реалий региона. Остается открытым вопрос: станет ли английский язык ключевым в институциональных сферах, сохраняя при этом баланс полиязыковой палитры региона?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трошина Н. Н. Экология языка: аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2020.
2. Кузнецов В. Г. Языки в эпоху глобализации: Интеграция vs идентичность // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: сборник научных трудов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 26–40. EDN UWVTZC.

3. Гусейнова И. А. Мода на язык как способ реализации стратегии «мягкой силы» в условиях современных геополитических изменений // Язык и мода: Сборник статей. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 28–48. EDN YOIMBY.
4. Гулинов Д. Ю. Национальная специфика французской лингвокультурной сферы «Гастрономия» (Переводческий аспект): дис. … канд. филол. наук, Волгоград, 2004. EDN NMZXGZ.
5. Германова Н. Н. Английский язык в европейской науке и системе образования: лингва франка или язык-агрессор? // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами: сборник научных трудов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 191–202. EDN HVKKKJ.
6. Трошина Н. Н. Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества // Язык и мода: сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гумант. науч.-информ. исслед. отд. языкознания. М., 2017. (Сер.: Теория и история языкознания). С. 5–27.
7. Фильштинский И. М. Халифат под властью династии Омейядов (661–750 гг.). М.: Соверо-Принт, 2005.
8. Жюльен Ш. А. История Северной Африки. М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
9. Bloch O., Wartburg W., von. Dictionnaire étymologique de la langue française. 10-e éd. P.: PUF, 1994.
10. Blachère R. Regards sur l'« acculturation » des arabo-musulmans jusque vers 40/661 // Analecta. Damas : Presses de l'Ifpo, 1975. URL: https://books.openedition.org/ifpo/6246
11. Халидов А. Б. Ислам и арабский язык (некоторые аспекты проблемы) // Ислам: Религия, общество, государство: сборник статей / отв. ред.: П. А. Грязневич и С. М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 69–75.
12. Algeria in others' languages / ed. by A.-E. Berger. Cornell University Press, 2002.
13. Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 148–156. EDN PRJWGH.
14. Atlas des Langues en danger dans le monde / ed. by Ch. Moseley ; l'Organisation des Nations Unies pour l'éducation, la science et la culture. 3e éd. Paris: Éd. UNESCO, 2010.
15. Фурсова Е. Н. Берберский вопрос и проблема самоидентификации коренного населения Северной Африки на примере современного алжирского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 2. С. 254–268. https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2018.209

REFERENCES

1. Troshina, N. N. (2020). Ekologiya yazyka: analit. obzor = Ecology of language: analytical review. RAS INION. Center for Humanitarian Scientific and Information Research of the Department of Linguistics. Moscow. (In Russ.)
2. Kuznetsov, V. G. (2018). Yazyki v ehpokhu globalizacii: Integraciya vs identichnost' = Languages in the era of globalization: Integration vs identity. Language in a global context: the modern linguistic situation as a consequence of the globalization process (pp. 26–40): collection of scientific papers. RAS. INION. Center for Humanitarian Scientific and Information Research of the Department of Linguistics. Moscow. Series: Theory and history of linguistics. (In Russ.)
3. Guseynova, I. A. (2017). Fashion for language as a way of implementing the strategy of "soft power" in the context of contemporary geopolitical changes. Language and fashion (pp. 28–48): collection of articles. RAS INION. Center for Humanitarian Scientific and Information Research of the Department of Linguistics. Moscow. Series: Theory and history of linguistics. (In Russ.)
4. Gulinov, D. Yu. (2004). Natsional'naya spetsifika frantsuzskoi lingvokul'turnoi sfery "Gastronomiya" (Perevodcheskii aspekt) = National specifics of the French linguistic and cultural sphere "Gastronomy" (Translation aspect): Dissertation of the Candidate of Philology Sciences. Volgograd. (In Russ.)
5. Germanova, N. N. (2020). Angliiskii yazyk v evropeiskoi nauke i sisteme obrazovaniya: lingva franka ili yazyk-agressor? = English in European science and the education system: The Lingua franca or the aggressor language? In English in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and beyond (pp. 191–202): collection of scientific papers. RAS INION. Center for Humanitarian Scientific and Information Research of the Department of Linguistics. Moscow. Series: Theory and history of linguistics. (In Russ.)
6. Troshina, N. N. (2017). Fashion and communicative practices of the linguistic and cultural community. Language and fashion (pp. 5–27): collection of articles. RAS INION. Moscow. Series: Theory and history of linguistics. (In Russ.)

7. Filshtinsky, I. M. (2005). Khalifat pod vlast'yu dinastii Omeiyadov (661–750) = Caliphate under the rule of the Umayyad dynasty (661–750). Moscow. (In Russ.)
8. Julien, S. A. (1961). The History of North Africa. Translated from French by A. E. Anichkova. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. (In Russ.)
9. Bloch, O., Wartburg, W., von. (1994). Dictionnaire étymologique de la langue française. 10-e éd. Paris : PUF.
10. Blachère, R. (1975). Regards sur l'« acculturation » des arabo-musulmans jusque vers 40/661. In Analecta. Damas : Presses de l'Ifpo. https://books.openedition.org/ifpo/6246
11. Khalidov, A. B. (1984). Islam i arabskii yazyk (nekotorye aspekty problemy) = Islam and the Arabic language (some aspects of the problem). In Gryaznevich, P. A., Prozorov, S. M. (Eds.), Islam: Religion, society, state (pp. 69–75): collection of articles. Moscow: Nauka, GRVL.
12. Berger, A.-E. (Ed.). (2002). Algeria in others' languages. Cornell University Press.
13. Marusenko, M. A. (2019). Evolyutsiya mirovoi sistemy yazykov v epokhu postmoderna: yazykovye posledstviya globalizatsii = Evolution of the world language system in the postmodern era: linguistic consequences of globalization. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
14. Moseley, Ch. (Ed.). (2010). Atlas des Langues en danger dans le monde. l'Organisation des Nations Unies pour l'éducation, la science et la culture. 3e éd. Paris: Éd. UNESCO.
15. Fursova, E. N. (2018). Berberskij vopros i problema samoidentifikacii korennogo naseleniya Severnoj Afriki na primere sovremennogo alzhirskogo obshchestva = The Berber question and the self-identity problem of the North African indigenous population in the context of contemporary Algerian society. Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies, 10(2), 254–268. 10.21638/11701/spbu13.2018.209

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Виктория Леонидовна
преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Viktoria Leonidovna
Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'276.3, 81'221.22

Вербально-жестовое поведение в устном нарративе: юмор в гендерном аспекте

М. В. Томская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
maria.tomskaya@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вербально-жестовое поведение говорящих в устном спонтанном нарративе, а также гендерный аспект юмора. В результате эмпирического анализа устных нарративов были выявлены некоторые тенденции в вербально-жестовом поведении мужчин и женщин при порождении шутливых высказываний, в частности, отмечено количественное преобладание репрезентирующих жестов, а также частотное использование юмора мужчинами в устном спонтанном нарративе.

Ключевые слова: юмор, гендер, вербально-жестовое поведение, устный нарратив

Благодарности: Исследование проводится в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема АААА-А20-120071690041-3, № 075-03-2024-032).

Для цитирования: Томская М. В. Вербально-жестовое поведение в устном нарративе: юмор в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 106–112.

Original article

Verbal-Gestural Behavior in Oral Narrative: Humor from a Gender Perspective

Maria V. Tomskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
maria.tomskaya@mail.ru

Abstract. The article discusses the verbal-gestural behavior of speakers in an oral spontaneous narrative as well as the gender aspect of humor. As a result of the empirical analysis, some tendencies were revealed in the gestures of men and women when generating a humor statement, in particular, there was a quantitative predominance in the use of representing gestures, as well as a more frequent use of humor by men in an oral spontaneous narrative.

Keywords: humor, gender, verbal-gestural behavior, oral narrative

Acknowledgments: The research is carried out at the MSLU within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia (project AAAA-A20-120071690041-3, № 075-03-2024-032).

For citation: Tomskaya, M. V. (2024). Verbal-gestural behavior in oral narrative: humor from a gender perspective. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 6(887), 106–112. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Среди исследователей юмора бытует устойчивое мнение, что юмор – это социальный феномен, который не только обладает потенциалом развлекать и доставлять удовольствие посредством конструирования шутливого смысла, но также способен облегчать и определять социальное взаимодействие (Аристотель, И. Кант, А. Шопенгауэр, З. Фрейд, А. Бергсон, Н. Гартман, В. Я. Пропп и др.).

Для нас интерес представляет юмор в естественном общении, мы не рассматриваем его профессиональный аспект (шутки в исполнении артистов-юмористов). В нашем понимании юмор – это любой коммуникативный случай, который воспринимается как смешной [Martineau, 1972]. Мы полагаем, что юмор может проявляться в вербальной и / или невербальной форме, вызывающей позитивную когнитивную или эмоциональную реакцию реципиентов [Crawford, 1994].

В настоящей работе рассматриваются не столько особенности юмора в устном общении, сколько его гендерный аспект. Как показывают результаты трудов, проведенных в интересующем нас русле, юмор мужчин и женщин различается как в функциональном, так и в содержательном плане. Более того, считается, что юмор, смех и комизм участвуют в формировании взаимоотношений полов.

Поскольку наше внимание привлекают случаи использования юмора (шуток) в устном спонтанном дискурсе, то несомненный интерес представляет жестовое поведение говорящих в момент произнесения шутливого высказывания. Однако гендерный аспект юмора до настоящего времени практически не подвергался детальному изучению, что также обусловливает актуальность данной работы.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ аннотированных в программе ELAN видеозаписей устных нарративов, полученных в ходе эксперимента, проведенного с иной целью, позволил собрать материал для данного исследования – 6 видеозаписей общей продолжительностью более 180 минут.

Участники эксперимента должны были рассказать друг другу в однополых и смешанных парах о событиях прошлого, которые соответствовали предложенной тематике (например, о любимом городе, стране, месте или о каком-либо (не)приятном событии).

В эксперименте приняли участие молодые люди (большинство студенты-гуманитарии в возрасте 18–25 лет), находящиеся в приятельских отношениях, что позволило обеспечить благоприятные условия для общения и определенную спонтанность нарративов. Соблюдение этих условий, в свою очередь, способствовало порождению шутливых высказываний[1]. Методы дискурсивного анализа юмора применяются нами как качественные методы.

Однако вначале был проведен количественный подсчет шуточных высказываний с жестами и без них. Мы систематизировали шуточные реплики, разделив их на: шутки без жестов, шутки только с жестами, шутки только с движениями тела, шутки с движениями тела и с жестами.

Жесты, сопровождающие шутки, далее разделены в соответствии с классификацией К. Мюллер и А. Ченки на: репрезентирующие, прагматические, (само) адаптеры, дейктические, биты [Müller, 1998; Cienki, 2013].

Прежде чем осветить результаты полученного исследования, обратимся к теории юмора и гендерным исследованиям в данном русле.

ФУНКЦИИ И СТИЛИ ЮМОРА

В большинстве работ по теории юмора базовой называют развлекательную функцию юмора, но, с нашей точки зрения, она не всегда является доминирующей. З. Фрейд в своей работе о процессах, лежащих в основе шуток, подчеркивал социальную значимость юмора [Freud, 1985].

Как показывают многовековые исследования юмора, он может выполнять различные функции в зависимости от обстоятельств и ситуаций общения.

На основании предыдущих изысканий В. Х. Мартино выделил три основные функции юмора: консенсус, конфликт и контроль. Консенсус предполагает сокращение социальной дистанции, поэтому юмор в консенсусной функции должен инициировать и укрепить социальные отношения, он охватывает также такие функции, как интеграция в группу и формирование солидарности. Юмор может способствовать конфликту и поощрять его в группе, если шутка принимает форму насмешки, сарказма или иронии. В качестве средства контроля юмор используется для выражения недовольства и привлечения внимания людей к их ошибкам [Martineau, 1972].

Юмор может использоваться также как стратегия преодоления трудностей, то есть при помощи юмора можно выйти из кризиса и справиться с обстоятельствами, находящимися вне пределов контроля собеседников. В некоторых случаях юмор помогает партнерам добиться успеха в личных

[1]Участие в эксперименте было добровольным, каждый из участников подписал документ, разрешающий использовать полученные видеоматериалы в научных целях.

отношениях, так как позволяет им справиться со стрессом в близких отношениях. В целом, по мнению У. Хэмпес, юмор способствует сохранению лица в затруднительной ситуации [Hampes, 1999].

Функции юмора, отражающие его динамичную природу, предопределяют его стили, к которым прибегают коммуниканты. В частности, Р. Мартин предлагает четыре стиля юмора, которые являются диспозиционными характеристиками, но их можно также рассматривать как адаптивные или неадаптивные, т. е. с точки зрения намерения и поведения подшучивающего коммуниканта [Martin et al., 2003]:

1. Аффиалиативный (ассоциативный, партнерский юмор) – в этом случае люди шутят для других и стремятся привлечь их такими формами юмора, которые сосредоточены на расширении социального взаимодействия. В качестве примеров дружелюбного юмора можно перечислить забавные истории и шутки, добродушие розыгрыши.
2. Самоподдерживающий юмор – этот стиль юмора своего рода механизм преодоления стресса, который помогает людям сохранить позитивный настрой, чтобы не слишком огорчаться неизбежным неудачам.
3. Агрессивный юмор – люди, которые часто используют агрессивный юмор, стремятся манипулировать другими посредством подразумеваемой угрозы насмешек. Агрессивный юмор можно использовать для того, чтобы преследовать, принижать и вызывать у других чувство унижения.
4. Самоуничижительный юмор – люди, которые используют самоуничижительный юмор, высмеивают себя в попытке развлечься и / или добиться признания от других [Martin et al., 2003].

Любой из этих стилей может использоваться в сочетании и комбинироваться в разной степени в зависимости от ситуации.

До относительно недавнего времени считалось, что остроумие и чувство юмора – это прерогатива мужчин, то есть мужчины традиционно были и остаются более свободными в этой сфере, чем женщины.

Однако за последние четыре-пять десятилетий ситуация с гендерным распределением в сфере юмора существенно изменилась, так же как поменялись и гендерные подходы к изучению юмора [Kotthoff, 1998; Kotthoff, 2000; Crawford, 2003; Coates, 2014; Martin, 2016].

Исследования юмора последних лет показали, что в зависимости от используемого стиля юмор способствует созданию определенного имиджа. Как мужчины, так и женщины могут использовать юмор для того, чтобы показать себя с иной точки зрения, в том числе не соответствующей гендерным стереотипам [Kotthoff, 2000]. Юмор в ситуации речевого общения может как подтверждать, так и опровергать существующую гендерную асимметрию. С одной стороны, он может быть сексистским, может восприниматься как агрессивный и оскорбительный, с другой, – юмор может указывать на преодоление доминировавших до недавнего времени стереотипов. Так, Дж. Холмс и М. Стабби, проанализировав поведение мужчин и женщин в новозеландских профессиональных коллективах, отмечают, что женщины перестали сдерживать себя в юморе, как это было еще относительно недавно [Holmes, Stubbe, 2003]. Кроме того, выяснилось, что у женщин появилась возможность при контакте с противоположным полом проявить инициативу, используя многозначность шутливой модальности [Коттхофф, 2022].

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Количественный анализ шуток в исследуемых устных нарративах продемонстрировал, что из 67 случаев шутливых высказываний на реплики женщин приходится лишь 17 случаев, остальные 50 случаев – на мужские (см. табл. 1), что косвенно подтверждает стереотип, согласно которому мужчины обладают чувством юмора.

Таблица 1

ШУТЛИВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

Вид	Ж	М
Шутка	7	12
Шутка + жест	4	18
Шутка + телодвижение	5	16
Шутка + телодвижение и жест	1	4
Всего	17	50

Чаще всего шутливые высказывания были зафиксированы в диалогах смешанных (разнополых) пар (67 % случаев). Можно предположить, что юмор связан с желанием молодых мужчин произвести впечатление и улучшить свой имидж в глазах партнерши по коммуникации.

Отметим, что агрессия в шутливых высказываниях не была обнаружена, хотя некоторые шутки можно расценить как «злую иронию» [Рябухина, 2023], юмор носил черты скорее дружеского поддразнивания, что оживляло коммуникацию, поскольку в большинстве случаев приводило к более раскрепощенному поведению и к обмену шутками.

Распределение жестов согласно классификации Мюллер–Ченки показало (см. табл. 2), что чаще всего шутливому высказыванию сопутствовали репрезентирующие жесты (10 случаев), далее следовали

прагматические жесты (8 случаев), хотя в речи в целом обычно преобладают как раз последние. Репрезентирующие жесты, отражающие свойства объектов, в случае с юмором скорее выполняют функцию интенсификации и пародийности.

Таблица 2

ЖЕСТЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ ШУТЛИВОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Жест	Всего	Ж	М
Прагматический	8	1	7
Репрезентирующий	10	2	8
(Само)адаптеры	7	1	6
Дейктические	2	1	1
Всего	27	5	22

Рассмотрим некоторые примеры.

1. Комический эффект может создаваться за счет взаимодействия вербальных единиц и репрезентирующего жеста, как, например, в нарративе молодого человека, описывающего негативное событие, связанное с дракой:

М: Приехали менты на этих двух пацанов, один просто... *отправился в пешее эротическое путешествие в один конец*, а второго попытались загрести.

В данном эпизоде молодой человек, воспроизведя репрезентирующий и одновременно дейктический жест (см. рис. 1), произносит эвфемизм вместо бранной лексики и создает тем самым комический эффект.

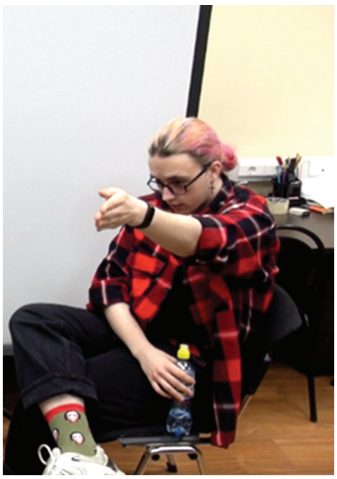


Рис. 1. Репрезентирующий жест: «Отправился *в пешее эротическое путешествие в один конец...*»

2. Комический эффект может строиться на парадоксальности, возникающей за счет будничности фразы и неординарности ситуации, о которой идет речь (сон о похищении человека). Обыденность ситуации подчеркивается прагматическим жестом с функцией структурирования дискурса (см. рис. 2):

Ж: Мою бывшую одногруппницу, ее похитил маньяк, вот.
М: *Обычная история*.

Рис. 2. Прагматический жест: Обычная история

Молодой человек проявляет своего рода солидарность с собеседницей, стимулируя ее продолжать повествование. В этом случае аффиалиативный юмор можно сравнить с социальной «смазкой», которая облегчает межличностное взаимодействие и создает позитивную атмосферу.

3. Комический эффект возникает из-за оговорок, например, девушки, описывающей пребывание за границей и повествующей о своей болезни и ее лечении, а молодой человек подразнивает ее, стараясь продемонстрировать свое превосходство, что также подтверждается его позой и телодвижением:

Ж: Ну они на самом деле просто прекрасные, они мне за день-два вылечили, выучили ангину.
М: *Выучили английскому*, классные таблетки.

В этом контексте, несмотря на не очень комфортную для девушки обстановку, шутливые поддразнивания молодого человека не спровоцировали, по крайней мере, вербально, негативного отношения. Ирония, сатира или поддразнивание – это своего рода умеренно агрессивный юмор, который в некоторых случаях не приводит к негативным реакциям (к обиде, ответной агрессии и др.).

4. Молодые женщины делятся забавными историями чаще всего в однополых парах. Как правило, это случаи из личного опыта, которые помогают разрядить ситуацию и сообщить какую-либо информацию о себе:

Ж: Мы с сестрой пошли в ресторан. Это был китайский ресторан. И там все было написано на китайском и английском. Мы ничего не поняли. К нам подошел официант, и мы что-то выбрали пальцем. Вот. Он принес совершенно что-то непонятное, не похожее на еду. В итоге, оказалось, что это были, э-э, *мозги*.

5. В общении молодых мужчин шутки могут приобретать некий сексуальный смысл, тогда как девушки не допускают подобных шуток:

М1: Совершал какие-нибудь *первобытные поступки*?
М2: Совершал *первобытные поступки*, но не связанные с этим местом.

Согласно обзору научной литературы женщины находят сексистские шутки более оскорбительными, чем мужчины, которые предпочитают юмор с сексуальным смыслом чаще, чем женщины.

Результаты анализа демонстрируют, что молодые мужчины заметно чаще, чем женщины, использовали юмор, в том числе для повышения своего статуса и конструирования маскулинной идентичности. Женщины шутили, чтобы поделиться личной информацией о себе, что способствовало укреплению солидарности, в то время как мужчины использовали юмор, чтобы произвести впечатление. Анализ показал, что поддразнивание является преимущественно мужским занятием. В смешанных парах мужчины проявляли больше юмора, тогда как женщины были более сдержаны, что косвенно подтверждает стереотипный тезис, что шутки являются необходимой частью коммуникации мужчин.

При порождении шутливых высказываний чаще жестикулировали мужчины, используя при этом репрезентирующие и прагматические жесты в функции интенсификации юмористического контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что в сфере юмора пальма первенства по-прежнему остается за мужчинами: они чаще шутят, особенно в паре с противоположным полом, чаще жестикулируют и чаще определяют направление коммуникации. Анализ вербально-жестового поведения при порождении юмора свидетельствует о том, что женщины придерживаются скорее аффиалиативного стиля юмора, а мужчины – самоподдерживающего. Неадаптивные стратегии юмора, основанные на демонстрации доминирования, такие как контроль или разжигание конфликта, встречались крайне редко.

Таким образом, юмор является значимой частью общения молодых мужчин и женщин, не только как «средство от скуки», но и как инструмент, способствующий созданию солидарности в паре или группе и поддержанию отношений между коммуникантами. В то же время юмор в устном спонтанном нарративе является и способом конструирования идентичности, в том числе гендерной. Думается, однако, что обнаруженные гендерные различия в сфере юмора не могут объясняться только принадлежностью говорящего к тому или иному полу. Они находятся в зависимости и от других социокультурных и психологических параметров, которые также могут определять выбор стиля юмора, поэтому представляется необходимым проведение дальнейших экспериментальных исследований вербально-жестового поведения мужчин и женщин в устном нарративном дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Martineau W. H. A model of the social functions of humor // The psychology of humor / ed. by J. Goldstein, P. McGhee. New York: Academic Press, 1972. P. 101–125.
2. Crawford C. B. Theory and implications regarding the utilization of strategic humor by leaders // The Journal of Leadership Studies. 1994. Vol. 1 (4). P. 53–68.
3. Müller C. Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich. Berlin: Berlin Verlag, 1998.
4. Cienki A. Cognitive linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization // Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction / Ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Vol. 1. P. 182–201.
5. Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten. Frankfurt a. M.: Fischer, 1985.
6. Hampes W. P. The relationship between humor and trust // Humor. 1999. Vol. 12 (3). P. 253–260.

7. Martin R. A. et al. Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the humor styles questionnaire / R. A. Martin, P. Puhlik-Doris, G. Larsen, J. Gray, K. Weir // Journal of Research in Personality. 2003. Vol. 37 (1). P. 48–75.
8. Kotthoff H. Spaß Verstehen. Zur Pragmatik von konversationellem Humor. Tübingen: Niemeyer, 1998.
9. Kotthoff H. Gender and joking. On the complexities of women's image politics in humorous narratives // Journal of pragmatics. 2000. 32. P. 55–80.
10. Crawford M. Gender and humor in social context // Journal of pragmatics 2003. 35(9). P. 1413–1430. DOI:10.1016/S0378-2166(02)00183-2
11. Coates J. Gender and humor in everyday conversation // Gender and humour. Interdisciplinary and international perspectives / ed. by D. Chiaro, R. Baccolini. London/New York: Routledge, 2014. P. 147–165.
12. Martin R. A. Humor and gender. An overview of psychological research // Gender and humour. Interdisciplinary and inter-national perspectives / ed. by D. Chiaro, R. Baccolini. London/New York: Routledge, 2016. P. 123–147.
13. Holmes J., Stubbe M. "Feminine" Workplaces: Stereotype and Reality // The Handbook of language and gender / ed. by J. Holmes, M. Meyerhoff. London: Blackwell, 2003. P. 573–600.
14. Kotthoff H. Gender and humour: The new state of the art // Linguistic online. 2022. Vol. 118(6). P. 57–80. DOI: 10.13092/lo.118.9084.
15. Рябухина (Рашина) А. А. Жестовое поведение при порождении иронического высказывания: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 100–106. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100

REFERENCES

1. Martineau, W. H. (1972). A model of the social functions of humor. In Goldstein, J., McGhee, P. (Eds.), The psychology of humor (pp. 101–125). New York: Academic Press.
2. Crawford, C. B. (1994). Theory and implications regarding the utilization of strategic humor by leaders. The Journal of Leadership Studies, 1(4), 53–68.
3. Müller, C. (1998). Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich. Berlin: Berlin Verlag.
4. Cienki, A. (2013). Cognitive linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization. In Müller, C., Cienki, A., Ladewig, S., McNeill, D., Teßendorf, S. (Eds.), Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction (vol. 1, pp. 182–201). Berlin: Mouton de Gruyter.
5. Freud, S. (1985). Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. Frankfurt a. M.: Fischer.
6. Hampes, W. P. (1999). The relationship between humor and trust. Humor, 12(3), 253–260.
7. Martin, R. A., Puhlik-Doris, P., Larsen, G., Gray, J., Weir, K. (2003). Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the humor styles questionnaire. Journal of Research in Personality, 37(1), 48–75.
8. Kotthoff, H. (1998). Spaß Verstehen. Zur Pragmatik von konversationellem Humor. Tübingen: Niemeyer.
9. Kotthoff, H. (2000). Gender and joking. On the complexities of women's image politics in humorous narratives. Journal of pragmatics, 32, 55–80.
10. Crawford, M. (2003). Gender and humor in social context. Journal of pragmatics, 35(9), 1413–1430. 10.1016/S0378-2166(02)00183-2.
11. Coates, J. (2014). Gender and humor in everyday conversation. In Chiaro, D., Baccolini, R. (Eds.), Gender and humour. Interdisciplinary and international perspectives (pp. 147–165). London/New York: Routledge.
12. Martin, R. A. (2016). Humor and gender. An overview of psychological research. In Chiaro, D., Baccolini, R. (Eds.), Gender and humour. Interdisciplinary and international perspectives (pp. 123–147). London/New York: Routledge.
13. Holmes, J., Stubbe, M. (2003). "Feminine" workplaces: Stereotype and reality. In Holmes, J., Meyerhoff, M. (Eds.), The Handbook of language and gender (pp. 573–600). London: Blackwell.
14. Kotthoff, H. (2022). Gender and humour: The new state of the art. Linguistic online, 118(6), 57–80. 10.13092/lo.118.9084.
15. Ryabukhina (Rashina), A. A. (2023). Gesture behavior when generating an ironic statement: gender aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 100–106. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Томская Мария Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
зав. лабораторией гендерных исследований Центра СКоДис
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tomskaya Maria Viktorovna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'27

Вербализация агрессии в текстах массмедиа

Ху Юйпинь

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
1973771985@qq.com

Аннотация: В статье дается классификация агрессии, определяется корреляция между терминами «агрессия» и «деструктивное поведение». Выявляются системообразующие признаки деструктивного поведения. Предлагается алгоритм описания деструктивного поведения на материале массмедийных текстов, размещенных в сети интернет. Описываются три типа деструктивного поведения: газлайтинг, абьюз, триангуляция.

Ключевые слова: агрессия, тип, деструктивная агрессия, конструктивная агрессия, поведение, газлайтинг, абьюз, триангуляция

Для цитирования: Ху Юйпинь. Вербализация агрессии в текстах массмедиа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 112–118.

Original article

Verbalization of Aggression in Mass Media Texts

Hu Yuping

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia
1973771985@qq.com

Abstract. The article provides a classification of aggression, determines the correlation between the terms "aggression" and "destructive behavior". System-forming signs of destructive behavior have been established. An algorithm for describing destructive behavior on the basis of mass media texts posted on the Internet is proposed. Three types of destructive behavior are described: gaslighting, abuse, triangulation.

Keywords: aggression, type, destructive aggression, constructive aggression, behavior, gaslighting, abuse, triangulation

For citation: Hu, Yuping. (2024). Verbalization of aggression in mass media texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 112–118. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Повседневная жизнь человеческого общества наполнена агрессией: человек становится ее жертвой, сам допускает агрессию по отношению к окружающим или является свидетелем агрессивного поведения. На протяжении почти полувека научных исследований проблема человеческой агрессии была предметом изучения в области психологии, социологии, лингвистики, биологии и др. Многочисленные исследования посвящены определению понятия и типов агрессивности, установления причины и формы проявления как в животном мире, так и в человеческом социуме, установлены речевые модели, стратегии и тактики, особенности языкового воплощения агрессии в зависимости от дискурса. Однако номинации деструктивного поведения зафиксированные в массмедийных текстах еще не подвергались лингвистическому анализу, в этом состоит новизна нашего исследования.

Целью данной статьи является изучение номинаций и структуры деструктивного поведения на материале текстов массмедиа на русском языке. Источником послужили публикации блогеров в соцсетях (Яндекс.Дзен) комментарии к блогам, научно-популярные статьи по психологии, размещенные на порталах (Сайт психологов B17.ru, сайт samka.co, сайт Experimental Psychic и т. д.). Материалом послужили контексты, содержащие описание агрессивного поведения в количестве 376 единиц. В работе использованы метод целенаправленной выборки, описательный анализ, контекстуальный анализ и концептуальный анализ.

ПОНЯТИЯ «АГРЕССИЯ» И «ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ» В ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Прежде, чем перейти к анализу номинаций, остановимся на дифференциации терминов «агрессия» и «деструктивное поведение», а также определим их взаимную корреляцию.

«Краткий психологический словарь» понимает агрессию (*лат.* Aggredi) как целенаправленное деструктивное поведение, которое противоречит

Таблица 1

ВЕРБАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕСТРУКТИВНОЙ АГРЕССИИ

Алгоритм описания деструктивного поведения	«Газлайтинг»	Абьюз	Триангуляция
Тактика деструктивного поведения	*англ.* gaslight – (verb) to trick or control someone by making them believe that their memories or beliefs about something are wrong, especially by suggesting that they may be mentally ill; *англ.* gaslighting – (noun) the action of tricking or controlling someone by making them believe things that are not true, especially by suggesting that they may be mentally ill [Леонтьева, Щетинина, 2021, с 129].	*англ.* abuse – (noun) the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; violent, cruel treatment of someone; rude and offensive words said to another person; abuse – (verb) to treat someone cruelly and violently; to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; to say rude and offensive words to someone; abusing (present participle of abuse) [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 33-34].	*англ.* triangulation – in family therapy a situation in which two members of a family in conflict each attempt to draw another member to their side. Triangulation can occur, for example, when two parents are in conflict and their child is caught in the middle [Gary, VandenBos, 2015, с. 1107].
	«Газлайтинг» стало словом 2022 года по версии американского словаря Уэбстера. В лингвокультурологическом словаре газлайтинг, определяется как форма психологического насилия, основная задача которого состоит в том, чтобы заставить человека сомневаться в объективности своего восприятия, а также в самой реальности [Голикова, 2021].	Согласно словарной дефиниции, абьюз – физическое, психологическое, экономическое насилие, причиняемое одним лицом или группой лиц другому лицу или группе лиц, для подавления воли жертвы; то же, что абьюзинг, абьюзмент [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 34].	Это значение не встречается во многих словарях русского языка, но неоднократно упоминается в Интернете и научных статьях. Термин триангуляция определяется как вовлечение в отношения двух конфликтующих между собой людей, третьего лица или группы с целью уменьшения напряженности в диаде в ситуациях [Чинакова, 2022].

Алгоритм описания деструктивного поведения	«Газлайтинг»	Абьюз	Триангуляция
Участники ситуации агрессии	Агрессор – *газлайтер, газлайтерша* – заимствование из английского языка – это тот, кто обманывает, критикует и контролирует жертву. Жертва – человек, находящийся под контролем газлайтера. В массмедийных текстах специальной номинации нет, используются описательные конструкции: жертва газлайтра, жертва газлайтинга. Количество сторон – 2.	Агрессор – *абьюзер, абьюзерша* – заимствование из английского языка, тот, кто использует обвинения, критику, газлайтинг и т. д. для манипулирования жертвой. Жертва – человек, который страдает от агрессии и насилия. В массмедийных текстах специальной номинации нет, используется описательная конструкция: жертва абьюзера / абьюзинга. Количество сторон – 2.	Агрессор – гонитель, который нападает на жертву. Жертва – человек, которым манипулирует триангулированный человек. Как видим, в русском языке отразилась номинация жертвы данного типа деструктивного поведения. Третья сторона – спасатель, которого эксплуатировал триангулированный человек. Количество сторон – 3.
Номинации агрессивного поведения	Глаголы: *газлайтить, испортить, преувеличивать, сводить с ума, запутывать, перепутать, спровоцировать, обвинять, придумывать.* Характеристика газлайтера: *газлайтерский, газлайтный*	Глаголы: *абьюзить, страдать от абьюза, терпеть абьюз, сталкиваться с абьюзом, ненавидеть, заставить сдохнуть, испортить, убивать, взламывать, критиковать* Отношения между агрессором и жертвой – *абьюзивные отношения, абьюзивное поведение,* Характеристика абьюзера: *абьюзерский язык, абьюзерские дела.*	Глаголы: *триангуляризировать, триангулировать, контролировать, манипулировать, разделять и властвовать, угрожать.*
Языковое выражение агрессии	Языковое выражение газлайтинга: «Это все из-за тебя», «Снова ты все испортил(-а)», «Только о себе думаешь», «Ну конечно, ведь ты всегда прав(-а)», «Ты никогда меня не слушаешь, я же сто раз говорил», «Мы сейчас не об этом говорим», «Почему ты так реагируешь? Это не нормально!», «Ты преувеличиваешь», «Все так думают» [Скуртул, 2020]. Используется отрицание, вопрошание и критика с целью изменения мнения жертвы, стремление заставить усомниться в себе и поверить агрессору.	Языковое выражение абьюза: «Мне не нравится, как ты себя ведешь!», «Мне не нравится твой образ жизни!», «Ты ничего собой не представляешь!», «Кому ты такая нужна!», «Твоя работа/творчество бессмысленны, ты ни на что не годишься!», «Если не сделаешь так, как я прошу – мы расстанемся, сама будешь виновата!», «Если ты не вернешься – я себя убью!» [Василий, Екатерина, 2021]. Абьюзер использует угрозы, критику, манипуляцию чувством вины и т. д.	Языковое выражение триангуляции: «родитель использует своего ребенка, чтобы избежать общения с супругом или выразить недовольство поведением супруга»: «Сын тоже думает, что ты…», «Он тоже не любит, чтобы ты это делал», «Он сказал…»[1] и т. д. Агрессор использует третью сторону в качестве контроля, используя точку зрения третьей стороны в своих собственных целях. В такой ситуации третья сторона будет думать, что агрессор находится в той же команде, что и он сам.
Системообразующий признак	Характерно использование безобидных слов для обмана, а также долговременное планомерное психологическое воздействие на жертву.	Характерно выражение отрицательной оценки жертвы и его поведения: «не нравится», «бессмысленны». Предложения строятся по модели – «Если не…, я…». В ряде случаев, несмотря абьюзер применяет невербальные средства общения для реализации насилия. Это могут быть определенные интонации, экспрессивность, жесты. Формы абьюзинга включают в себя физическое, психологическое и финансовое насилие.	Характерна апелляция к третьему лицу «он сказал…, она сказала… или они сказали…», исключая личную точку зрения агрессора. Доминантная тактика коммуникативного поведения – «разделять и властвовать». На жертву оказывается психологическое воздействие.
Сфера распространения	Бытовой и институциональный дискурсы		
Мотив	манипулирования жертвой для достижения своих интересов	манипулирования жертвой для получения власти и полного подчинения	манипулирования жертвой для овладения вниманием и различную выгоду

[1]URL: https://dzen.ru/a/Y6XNpfRltQMEzVYg

нормам и правилам совместного проживания людей в обществе, причиняет вред объекту нападения, причиняет людям физический вред или вызывает у них негативные переживания, напряжение, страх, депрессию и другие [Карпенко, Петровский, Ярошевский, 1998]. Как видим, согласно данной дефиниции, деструктивное поведение синонимично агрессии.

С лингвистической точки зрения агрессия является гиперонимом по отношению к деструктивности, поскольку по определению термин «агрессия» покрывает все виды вредоносных действий, а деструктивность просто включает в себя часть преднамеренного и сознательного причинения морального или физического вреда и получения удовлетворения от страданий жертвы и осознания своей правоты [Волкова, 2012]. Несмотря на то, что агрессия и деструктивность имеют сходные внешние проявления, это явления разной природы. В отличие от естественной, «доброкачественной» агрессии всех представителей животного мира, деструктивность – «злокачественная» агрессия представляет собой сложный феномен, свойственный только человеку [Волкова, Панченко, 2016]. Таким образом, под деструктивным поведением мы понимаем проявление «злокачественной» агрессии в социуме.

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Деструктивное поведение – это социальный феномен, который выражается вербально или невербально. Он возникает обычно вследствие травмы личности или социальной группы и наносит ущерб социуму, разрушает межличностные отношения. В данном случае намерение отправителя вербального или невербального сообщения состоит в том, чтобы вызвать негативные эмоции или установки у получателя сообщения и спровоцировать конфликтное поведение с его стороны. Как отмечает Т. А. Воронцова, вербальная агрессия – это коммуникативная реальность, которая может существовать в рамках любого дискурса, независимо от его темпоральных и национальных параметров; конфликты на уровне общения или между прямыми и косвенными объектами также могут приводить к масштабным социальным конфликтам [Воронцова, 2006]. Такой вид агрессии выражается словесно. К распространенным формам агрессии относятся оскорбления, обвинения, насмешки, угрозы, порицание, грубые требования, грубые отказы, враждебные замечания, сарказм, жалобы, брань и клевета, сплетни, пререкания (как наджанр) [Щербинина, 2008].

Системными признаками деструктивного поведения являются: нарушение общепринятых норм поведения со стороны агрессора; нарушение морали агрессором; причинение физического вреда жертве; причинение психического вреда жертве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проанализировав классификацию агрессии и деструктивного поведения, мы выделили три типа агрессивного поведения – газлайтинг, триангуляция, абьюз. Как видим, все лексемы – заимствования из английского языка. Они характерны для СМИ, которые подвержены речевой моде и американизации языка [Буряковская, 2011, с. 120-121]. Иностранные заимствования используются для придания тексту престижа и для достижения эффектов новизны [Скороходова, Щеголева, 2016, с. 74].

Для нас принципиально важно выделить универсальную цель всех видов деструктивного поведения – это разрушительное воздействие на жертву. При этом в центре наших интересов находится внешняя агрессия. Она направлена не на самость, а на окружающих.

Если стратегии деструктивного поведения имманентно разрушительное воздействие на окружающих, то его тактике соответствует тип деструкции. Тактика - это номинация того или иного вида поведения агрессора.

Предлагаем следующую структуру для описания деструктивного поведения.

1. Участники. Указываются номинации агрессора и его жертвы с уточнением количества сторон, вовлеченных в деструктивную коммуникацию.
2. Номинации агрессивного поведения (лексемы, отражающие данный вид деструктивного поведения). В данном разделе приводятся языковые единицы, используемые для описания деструктивного поведения.
3. Языковое выражение. Приводятся примеры из контекстов, отражающих деструктивное поведение, анализируется построение предложений, выбор языковых единиц, характерных для описания данного вида агрессии.
4. Системообразующий признак. Описывается характерный для данного типа поведения признак, позволяющий отличить один тип проявления агрессии от другого.
5. Сфера, в которой отмечено деструктивное воздействие на жертву.
6. Мотив, цель агрессора.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице 1. Вербальное проявление деструктивной агрессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деструктивное поведение – это проявление агрессии в человеческом обществе. Оно характеризуется злокачественным протеканием, поскольку не является инстинктивным, а представляет собой человеческий порок – получение эмоционального удовольствия от издевательств над жертвой. Подобное поведение не предусмотрено общественными нормами, однако оно широко представлено в современном обществе и находит отражение в текстах масс-медиа. В русском языке для номинации различных типов деструктивного поведения используются англицизмы: абьюз, газлайтинг, триангуляция. Установлены их семантико-синтаксические валентности в рамках описания элементов модели деструктивного поведения: номинации агрессивного поведения, участников ситуации агрессии, жертв агрессии. Представленные виды деструктивного общения имеют универсальный признак – реализацию агрессии, однако они имеют и специфические характеристики, которые позволяют разграничить типы агрессора, несмотря на то, что в ряде случаев языковые единицы, номинирующие акт агрессии, встречаются во всех видах деструктивного поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
2. Волкова Я. А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 205–209.
3. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 161–178.
4. Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86.
5. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
6. Буряковская В. А. Концепт «гламур» в текстах СМИ // Lingua Mobilis. 2011. № 3 (29). С. 120–127.
7. Скороходова Е. Ю., Щеголева М. М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5–3. С. 73–78.
8. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург: Ажур, 2021.
9. Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг.: справочник. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021.
10. Vandenbos G. R. APA Dictionary of Psychology. American Psychological Association. 2015. 2th ed.
11. Чинакова Н. В. Триангуляция // Сайт психологов B17.ru. 14 июня 2022. URL: https://www.b17.ru/article/375890/?ysclid=leq0zn0e7111661178.
12. Скуртул А. И. Все о газлайтинге // Сайт психологов B17.ru. 20 мая 2020. URL: https://www.b17.ru/article/skurtul_gaslight/?ysclid=ler6msvxix531408272.
13. Василий А. Ш., Екатерина А. Ш. Абьюз: виды, признаки, последствия. Рассказывает психиатр // Дзен. 26 июля 2021. URL: https://dzen.ru/a/YP6kcolUozcURIG2.

REFERENCES

1. Karpenko, L. A., Petrovskii, A. V., Yaroshevskii, M. G. (1998). Kratkii psikhologicheskii slovar' = Brief psychological dictionary. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.)
2. Volkova, Ya. A. (2012). Destruktivnoe obshchenie: k opredeleniyu ponyatiya = On defining the concept of destructive communication. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 2(16), 205–209. (In Russ.)
3. Volkova, Ya. A., Panchenko, N. N. (2016). Destruktivnost' v politicheskom diskurse = Destructiveness in political discourse. Russian Journal of Linguistics, 4, 61–178. (In Russ.)
4. Vorontsova, T. A. (2006). Rechevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoj paradigme = Verbal aggression in a communicative paradigm. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 1, 83–86. (In Russ.)

5. Shcherbinina, Yu. V. (2008). Verbal'naya agressiya = Verbal aggression. 2nd ed. Moscow: LKI. (In Russ.)
6. Buryakovskaya, V. A. (2011). Concept "glamor" in media texts. Lingua Mobilis, 3(29), 120–127. (In Russ.)
7. Skorokhodova, E. Yu., Shchegoleva, M. M. (2016). The role and use of neologisms in modern media. Current problems in the humanities and natural sciences, 5–3, 73–78. (In Russ.)
8. Leont'eva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka = Dictionary of Actual Vocabulary of Unity and Enmity in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century. Ekaterinburg: Azhur. (In Russ.)
9. Golikova, T. A. (2021). Lingvokul'turologicheskii slovar' zaimstvovanii sovremennogo russkogo yazyka 2000–2020 gg. = Linguistic and cultural dictionary of borrowings of the modern Russian language 2000–2020. Moscow; Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
10. Vandenbos, G. R. (2015). APA Dictionary of Psychology. American Psychological Association. 2th ed.
11. Chinakova, N. V. (2022, June 14). Triangulation. Site of psychologists B17.ru. https://www.b17.ru/article/375890/?ysclid=leq0zn0e7111661178. (In Russ.).
12. Skurtul, A. I. (2020, May 20). All about gaslighting. Website of psychologists B17.ru. https://www.b17.ru/article/skurtul_gaslight/?ysclid=ler6msvxix531408272. (In Russ.).
13. Vasilii, A. Sh., Ekaterina, A. Sh. (2021, July 26). Abuse: types, signs, consequences. The psychiatrist tells. Zen. https://dzen.ru/a/YP6kcolUozcURIG2. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ху Юйпинь
магистр, аспирант
Волгоградского государственного социально-педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hu Yuping
Master, Postgraduate Student
Volgograd State Social and Pedagogical University

Статья поступила в редакцию	12.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.42

Художественные модификации исторических событий в дискурсе: контрастивно-ономасиологическое исследование

Е. Д. Чулкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
chulkova.evdokia@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе с применением когнитивно-ономасиологического анализа устанавливаются дискурсивные модификации и ономасиологические новации в конструировании событий в историческом дискурсе при увеличении его художественного потенциала. Анализ десяти событий, означиваемых ономастическими номинациями в трех типах исторического дискурса – научном, публицистическом и художественном, – показал, что ономасиологические новации проявляются в усилении агентивности участников события и в увеличении разнообразия их поведенческих паттернов, а также в увеличении количества пространственно-временных координат событий.

Ключевые слова: когнитивно-ономасиологический анализ, ономасиологическая категория, ономасиологическая новация, дискурсивное варьирование

Для цитирования: Чулкова Е. Д. Художественные модификации исторических событий в дискурсе: контрастивно-ономасиологическое исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 119–126.

Original article

Fiction Discourse Modifications in Historical Events Construal: a Contrastive Onomasiological Study

Evdokia D. Chulkova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
chulkova.evdokia@yandex.ru

Abstract. The study develops a cognitive onomasiological approach to exploring discourse modifications and onomasiological novelties in the construal of events in historical discourse with an increase of its artistic (fiction) potential. The analysis of onomastic nominations of ten historical events in scientific, publicist and fiction types of historical discourse reveals that onomasiological novelties appear in the increasing number of agentive event participants, the diversity of their behavioral patterns as well as of event spatial and temporal characteristics.

Keywords: cognitive onomasiological analysis, onomasiological category, onomasiological novelty, discourse variation

For citation: Chulkova, E. D. (2024). Fiction discourse modifications in historical events construal: a contrastive onomasiological study. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 119–126. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, ономасиологический подход к изучению языка имеет глубокие истоки, однако в последнее время он получил значительное развитие именно в когнитивных исследованиях [Даниленко, 1990; Кубрякова, 2002; Ирисханова, 2014; Киосе, 2015; Киосе, 2022; Бондарчук, 2016]. С применением когнитивно-ономасиологического анализа грамматических и лексических категорий, инициированного в работах представителей отечественной и зарубежной школы (работы Е. С. Кубряковой, Е. Г. Беляевской, И. А. Краевой, Д. Герартса, А. Бланка и др.), устанавливаются ономасиологические модификации категорий, в том числе, в целях их синхронического и диахронического изучения. В основе такого анализа лежит определение состава ономасиологических ролей и компонентов, обнаруживаемых при конструировании категорий в языке [Blank, 1999; Cuyckens, et al., 2003]. При этом на настоящий момент нерешенной остается проблема исследования дискурсивных модификаций ономасиологических категорий. В данной работе для решения указанной проблемы разрабатывается методика изучения лексических категорий в аспекте их варьирования в дискурсе, что делает возможным установление ономасиологических новаций, определяемых типом дискурса.

Цель работы заключается в определении ономасиологических новаций в дискурсивном конструировании категории СОБЫТИЕ, обусловленных повышением художественного потенциала дискурса. Материалом исследования являются ономастические номинации десяти исторических событий в русскоязычном и англоязычном историческом дискурсе – научном, публицистическом и художественном. Привлечение такого материала позволяет определить дискурсивные модификации, сопровождающие поступательное повышение степени «художественности» исторического дискурса. Для моделирования ономасиологической структуры исторического события, представленной рядом ономасиологических ролей и компонентов, также используются корпусные и квантитативные методы, позволяющие определить частотность компонентов в составе категории. Предположительно, при повышении художественного потенциала при переходе от научного к художественному дискурсу структура ономасиологической категории будет претерпевать определенные изменения как в составе компонентов категории, так и в их частотности, т. е. будет демонстрировать ономасиологические новации.

КОГНИТИВНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Тезис о разграничении ономасиологического и семасиологического подходов к анализу языковой семантики высказывался в работах модистов и в философских трудах Т. Гоббса и В. Гумбольдта, в трудах представителей школы «Слова и вещи», в лингвистических работах О. Есперсена и В. Матезиуса, Л. В. Щербы, М. Докулила. Сам термин *ономасиология* впервые был использован А. Цаунером в 1903 году, однако предпосылки для его введения были созданы еще в конце XVIII века лингвистом и литературоведом М. Покровским [Кубрякова, 2002]. В отечественной науке вопросам разграничения семасиолого- и ономасиологического анализа посвящены работы Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Е. Г. Беляевской, А. А. Уфимцевой. Становление когнитивно-ономасиологического подхода в отечественном языкознании связано, прежде всего,с исследованиями Е. С. Кубряковой, в которых разрабатывается методика анализа соотношения предметного мира и репрезентирующих его словесных знаков [Кубрякова, 2020]. В зарубежной науке активно развивается контрастивный когнитивно-ономасиологический подход к изучению номинации, который направлен на изучение лексической семантики и ставит своей целью анализ словообразовательных механизмов в языке и, как результат, установление ономасиологических категорий [Cuyckens et al., 2003; Eckardt et al., 2003]. При этом уточняется состав ономасиологических категорий, например, категорий TREE и FRUIT [Blank, 1999]. Параллельно измеряется частотность и конвенциональность (салиентность, saliency) ономасиологических компонентов в разных источниках. Они анализируются в различных ракурсах, в том числе, диахроническом [Eckardt, et al., 2003]. Так, с опорой на положения теории ономасиологических ролей Дж. Пустейовского [Pustejovsky, 1991] представляется возможным анализировать частотность ономасиологических компонентов, входящих в состав лексических категорий, таких как, например, РЕФЕРЕНТ и СОБЫТИЕ. Они могут градуироваться сообразно четырем ономасиологическим ролям: конститутивной, формальной, телической и агентивной.

И в отечественной, и в зарубежной когнитивной ономасиологии признается необходимость двуступенчатого анализа категорий: семасиологического и ономасиологического (см., например, в [Беляевская, 2008; Краева, 2021]), однако процедурно этот вопрос решается по-разному в зависимости от типа исследуемой категорий, выбора языковых

единиц анализа, характера их окружения. При всем многообразии когнитивно-ономасиологических исследований лексических категорий, на настоящий момент отсутствуют описания двухступенчатой процедуры дискурсивного изучения их модификаций. В то же время такой анализ позволил бы наблюдать варьирование категорий, определяемых не только структурой языка, но и дискурсивными характеристиками и трансформациями, т. е. наблюдать ономасиологические новации в дискурсе. На материале различных видов дискурса можно установить, как меняется состав ономасиологической категории, куда включен определенный набор ономасиологических ролей и их компонентов. Можно выяснить, какие из ономасиологических компонентов той или иной категории сохраняются, а какие изменяют свою частотность при междискурсивном взаимодействии.

ПРОЦЕДУРА И МАТЕРИАЛ АНАЛИЗА

Представим разрабатываемую в настоящем исследовании процедуру анализа ономасиологической категории СОБЫТИЕ с опорой на модель двуступенчатого (семасиологического и ономасиологического) анализа и положения когнитивной ономасиологии, в рамках которой происходит определение ономасиологических ролей и компонентов категории.

На первом этапе при помощи контекстуального семантического анализа происходит установление семантических компонентов или ролей лексических единиц и выражений [Беляевская, 2008; Краева, 2021]. Так как речь в нашем случае идет о конструировании категории СОБЫТИЕ в дискурсе, то анализу подвергаются не только семантические компоненты номинативного слова (прямой номинации референта, в нашем случае – события), но и все компоненты, которые участвуют в его конструировании в составе простых предложений (клауз) с включенной номинацией события. При определении семантических ролей в предложении за основу был взят лексический инвентарь, предложенный О. Н. Ляшевской и Е. В. Кашкиным в системе Фреймбанк [Ляшевская, Кашкин, 2015]. Второй этап анализа предполагает моделирование ономасиологических компонентов, репрезентирующих категорию СОБЫТИЕ с опорой на установленные ранее семантические роли. На третьем этапе анализа происходит установление ономасиологических ролей, которые объединяют выделенные ономасиологические компоненты. Вслед за [Pustejovsky, 1991] мы выделяем четыре когнитивные роли (телическая, агентивная, конститутивная, формальная), или четыре макрокомпонента (функционирование, объект воздействия, часть–целое, характеристика) в конструировании события. Под конститутивной ролью понимается внутренняя структура изучаемого референта, под телической ролью – назначение и целевая установка референта, формальная роль характеризует внешнюю структуру референта, а агентивная роль – его происхождение. Таким образом, каждая роль представлена определенным набором ономасиологических компонентов, моделирующих структуру события. На четвертом этапе анализа происходит установление дискурсивных модификаций в структуре категории, которые могут выражаться в изменении состава и частотности ономасиологических компонентов и ролей с учетом трех типов дискурса (научный исторический, публицистический исторический, художественный исторический). Далее с опорой на выявленные модификации происходит определение и анализ ономасиологических новаций, обусловленных степенью проявления художественного потенциала дискурса.

В настоящей работе объектом анализа становятся 10 исторических событий: Тегеранская конференция, Карибский кризис, XX съезд КПСС, Перестройка, Афганская война, D-day, The Vietnam War, Civil Rights Act, The Gulf War, Apollo 11 Moon landing, отобранные по итогам рейтингов исторических событий и их представленности в источниках. Материалом исследования послужили 1) русскоязычные и англоязычные контексты из 31 энциклопедии и энциклопедического словаря[1], 2) нехудожественные и художественные тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ)[2] и Корпуса современного американского английского языка (COCA)[3]. В общей сложности было отобрано и проанализировано 990 простых предложений, описывающих 10 изучаемых событий, среди которых 500 клауз на русском языке и 490 на английском. Анализу подверглись все значимые части речи, входящие в состав предложений, где используется прямая ономастическая номинация

[1]Источники примеров: Большой энциклопедический словарь, Военный энциклопедический словарь, Большая Российская энциклопедия, Советская историческая энциклопедия, Большая Советская энциклопедия, Кругосвет, Большой толковый социологический словарь, Философский энциклопедический словарь, Словарь исторических терминов, Краткий исторический словарь, Русская энциклопедия, Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия, Рувики, Энциклопедия «Отечество», Энциклопедический словарь, World Encyclopedia, Cambridge Advanced Learner's Dictionary, UXL Encyclopedia of U.S. History, World Encyclopedia, The Oxford Pocket Dictionary of Current English, Dictionary of World History, Collins Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, New World Encyclopedia, Wikipedia, dictionary.com, vocabulary.com, The Free Dictionary, Webster's New World College Dictionary, Encyclopedia Virginia, Dictionary of American History.

[2] URL: ruscorpora.ru.

[3] URL: www.english-corpora.org/coca/.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ В ТРЕХ ТИПАХ ДИСКУРСА ПО БЛОКАМ

Блок	Научный дискурс	Публицистический дискурс	Художественный дискурс
Агенса	6	9	8
Посессора	3	3	3
Пациенса	10	11	11
Адресата	2	3	3
Экспериенцера	2	3	4
Инструмента	2	2	3
Обстоятельственных характеристик	22	18	18

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ КАТЕГОРИИ СОБЫТИЕ ПО ЧЕТЫРЕМ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИМ РОЛЯМ НА ПРИМЕРЕ 10 СОБЫТИЙ В ТРЕХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Конститутивная роль	Формальная роль	Телическая роль	Агентивная роль
48	19	6	5

события; при этом при выборке материала публицистических текстов из корпусов применялись фильтры «общественно-деловая сфера», «публицистика» в НКРЯ и ACAD, NEWS в COCA, при выборке художественных – фильтр «художественные тексты» в НКРЯ и FIC в COCA.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

В совокупности на материале трех выборок по 10 изучаемым событиям было установлено 60 семантических ролей, из которых наиболее представленными оказались роли, входящие в Блок Агенса, Пациенса и Обстоятельственных характеристик [Ляшевская, Кашкин, 2015]. Так, при представлении события D-Day роль Агенса определяется у слова *Zeitchik* в:

> Zeitchik fought on D-Day in the Second World War and stormed the beaches of Normandy and helped liberate Dachau (*COCA*).

Тема – пассивный участник ситуации, который не меняется в ходе ее развития, проявляется в событии *the Vietnam War* в *end, War* и *invasion* в:

> ...and nearly thirty years separate the end of the Vietnam War and the 2003 invasion of Iraq (*COCA*).

Признак – тот аспект объекта / участника, который отличает его от других, а также сам объект или участник, проявляется в событии Карибский кризис в *Карибский, кровавой, холодной* в:

> ...Карибский кризис увел мир от кровавой бойни в тягомотину холодной войны сверхдержав (*НКРЯ*).

Момент – точка во времени, в котором локализуется ситуация, в событии XX съезд КППС проявляется в *25 февраля* и *1956 года* в *25 февраля 1956 года закончился XX съезд КПСС* (НКРЯ).

Данные о количестве семантических ролей приведены в таблице 1.

На основе выделенных семантических ролей было смоделировано 78 ономасиологических компонентов, которые были укрупнены в четыре ономасиологические роли (конститутивная, формальная, телическая, агентивная роли) (табл. 2).

Отметим, что по количеству выделенных ономасиологических компонентов наиболее представленными оказались конститутивная и формальная роли, чьи показатели в трех выборках в совокупности насчитывают 48 компонентов (конститутивная роль) и 19 компонентов (формальная роль). Проиллюстрируем каждую из ролей примерами. Так, конститутивная роль, которая насчитывает наибольшее количество компонентов, представлена в примере следующими компонентами: «Пассивный участник ситуации, который не меняется в ходе ее развития» (*перестройка, мышление*), «Говорящий» (*Лаврик*), «Объект или участник ситуации, отличающийся от всех остальных» (*мышление, тон*):

> Перестройка, новое мышление, – нейтральным тоном сказал Лаврик (*НКРЯ*).

Формальная роль может быть охарактеризована в этом же примере через компоненты «Тот аспект объекта/участника, который отличает его от других» (*новое [мышление], нейтральный [тон]*), «Тот аспект действия/состояния, который отличает его от других» (*сказать нейтральным тоном*). Следующий пример иллюстрирует компоненты телической и агентивной ролей, где телическая роль представлена компонентом «Действие / состояние, которое имеет определенное отличие от всех остальных» (*серьезно* [*перевернула*]), а агентивная роль – компонентами «Основной участник ситуации, который претерпевает определенное воздействие самостоятельно или при помощи другого участника» (*жизнь страны*), «Другой участник

ситуации, который оказывает определенное воздействие» (*перестройка*):

> Перестройка серьезно перевернула жизнь страны (*НКРЯ*).

Для установления дискурсивных модификаций в составе ономасиологических ролей и компонентов был проведен статистический анализ значимых различий в отношении распределения частотности ролей между тремя представленными выборками. Для определения значимых различий отдельно по каждой из ролей между тремя выборками было проведено 12 анализов хи-квадрат для четырехпольных таблиц, в ходе которых мы сравнили показатели каждой роли в следующих комбинациях выборок:

1) научный исторический дискурс *vs* публицистический исторический дискурс;
2) научный исторический дискурс *vs* художественный исторический дискурс;
3) публицистический исторический дискурс *vs* художественный исторический дискурс.

Приведем результаты в отношении распределения частотности. В таблице 3 представлены результаты анализа распределения частотности конститутивной роли в трех комбинациях дискурсов. Значимые различия наблюдаются между научным дискурсом и публицистическим дискурсом (при $p = 0{,}020$), еще большие различия определяются между научным дискурсом и художественным дискурсом ($p = 0{,}002$).

Данные по распределению частотности формальной роли представлены в таблице 4. Значимые различия были обнаружены в одной комбинации выборок: между научным историческим дискурсом и публицистическим историческим дискурсом.

Таблица 5 иллюстрирует распределение частотности телической роли, где при $p < 0{,}001$ наблюдаются различия между научным историческим дискурсом и художественным историческим дискурсом, а также между публицистическим историческим дискурсом и художественным историческим дискурсом.

В таблице 6 представлены данные по распределению частотности агентивной роли. Исходя из показателей уровней значимости в трех комбинациях дискурсов (при *p* равному 0,439, 0,291 и 0,838 соответственно), различий установлено не было.

В результате проведенных тестов $\chi 2$ были обнаружены значимые различия в трех ономасиологических ролях: конститутивной, формальной и телической. При этом больше всего различий было выявлено в конститутивной и телической ролях (в двух комбинациях дискурсов). Различия в формальной роли установлены в одной комбинации дискурсов. Таким образом, различия наблюдаются во внутренней структуре события, его целевой установке, а также во внешней структуре.

Таблица 3

РАЗЛИЧИЯ В ЧАСТОТНОСТИ КОНСТИТУТИВНОЙ РОЛИ В ТРЕХ КОМБИНАЦИЯХ ДИСКУРСОВ

	Научный vs публицистический дискурс	Научный vs художественный дискурс	Публицистический *vs* художественный дискурс
Значение критерия $\chi 2$	5,457	9,586	0,298
Уровень значимости *p*	0,020	0,002	0,585

Таблица 4

РАЗЛИЧИЯ В ЧАСТОТНОСТИ ФОРМАЛЬНОЙ РОЛИ В ТРЕХ КОМБИНАЦИЯХ ДИСКУРСОВ

	Научный vs публицистический дискурс	Научный vs художественный дискурс	Публицистический vs художественный дискурс
Значение критерия $\chi 2$	7,528	2,157	1,970
Уровень значимости *p*	0,007	0,142	0,161

Таблица 5

РАЗЛИЧИЯ В ЧАСТОТНОСТИ ТЕЛИЧЕСКОЙ РОЛИ В ТРЕХ КОМБИНАЦИЯХ ДИСКУРСОВ

	Научный *vs* публицистический дискурс	Научный *vs* художественный дискурс	Публицистический *vs* художественный дискурс
Значение критерия $\chi 2$	0,002	16,777	15,032
Уровень значимости *p*	0,961	<0,001	<0,001

Таблица 6

РАЗЛИЧИЯ В ЧАСТОТНОСТИ АГЕНТИВНОЙ РОЛИ В ТРЕХ КОМБИНАЦИЯХ ДИСКУРСОВ

	Научный vs публицистический дискурс	Научный vs художественный дискурс	Публицистический vs художественный дискурс
Значение критерия $\chi 2$	0,601	1,118	0,042
Уровень значимости *p*	0,439	0,291	0,838

На следующем этапе уже в ходе анализа состава ономасиологических компонентов рассмотрим, как проявляют себя различия в составе каждой ономасиологической роли. Для этого был проведен t-test парных выборок (в вышеуказанных трех комбинациях дискурсов) по ономасиологическим компонентам каждой из ролей. В результате статистического анализа были установлены значимые различия среди компонентов конститутивной роли между публицистическим дискурсом и художественным дискурсом (при p = 0,028). Наиболее частотными среди всех компонентов оказались компоненты «Пассивный участник ситуации, который не меняется в ходе ее развития», «Объект или участник ситуации, отличающийся от остальных», что может быть обусловлено тем, что при описании исторических событий человек стремится, прежде всего, к передаче определенного набора фактов, которые не подвержены диахроническим изменениям. Таким образом, на первый план выступает фактуальное конструирование событий. Вместе с тем отмечается спецификация объектов или участников события, наделение их определенными характеристиками. Отметим, что при смене дискурса с публицистического на художественный наблюдается рост этих двух компонентов. Различия в частотности между двумя выборками обнаруживают также компоненты «Активный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-либо во внешнем мире», «Не ограниченная длительность действия», «Участок пространства, где локализуется ситуация», «Участник ситуации, являющийся обладателем какого-либо предмета или непредметной сущности», «Активный участник, который не оказывает воздействия на других участников ситуации», которые демонстрируют увеличение показателей в художественном дискурсе.

Установленные модификации в составе ономасиологических компонентов и ролей позволили сформулировать ономасиологические новации в составе категории СОБЫТИЕ, обусловленные сменой типа дискурса (от публицистического исторического дискурса к художественному историческому дискурсу). Исходя из представленных выше данных, к ономасиологическим новациям при переходе от публицистического исторического дискурса к художественному историческому дискурсу можно отнести следующие:

1) усиление спецификации участников или объектов события;
2) увеличение пассивных участников события;
3) увеличение агентивности участников события,
4) актуализацию посессивных отношений участников события;
5) усиление представленности пространственно-временных характеристик;
6) усиление характеристик поведенческих паттернов участников события.

Так, в примере *We are a long, long way from Lincoln's Emancipation Proclamation, even a long way from the Civil Rights Act of 1964 and Doctor King's 'I Have a Dream' speech (COCA FIC)* из корпуса художественных текстов наблюдается актуализация посессивности участников события (*Lincoln's Proclamation, Doctor King's speech*), пассивных участников события (*we, way, Proclamation, Act, speech*), спецификации участников или объектов события *([long] way, [Emancipation] Proclamation, [Civil Rights] Act, [I Have a Dream] speech*). Пример из корпуса художественных текстов иллюстрирует актуализацию поведенческих паттернов участников события (*Директор проявил себя*), а также пространственных координат (*на афганской войне*):

> Еще в двадцать один год на афганской войне Директор проявил себя способнейшим организатором и незаурядным предпринимателем (*НКРЯ*).

Таким образом, проведенный анализ позволил не только подтвердить выдвигаемую нами в начале работы идею о том, что при смене типа дискурса возможны изменения в составе категории СОБЫТИЕ, которые наблюдаются в увеличении показателей частотности одних компонентов и снижении других, но также уточнить сами показатели в виде состава дискурсивных модификаций и типов ономасиологических новаций. Разработанная методика двуступенчатого анализа семантических ролей (с опорой на их типологию в: [Ляшевская, Кашкин, 2015]) и ономасиологических ролей (с опорой на типологию ономасиологических / когнитивных ролей в: [Pustejovsky, 1991]) оказалась эффективной для проведения контрастивного дискурсивного анализа ономасиологических категорий, что означает значительное расширение потенциала ономасиологических исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный контрастивный ономасиологический анализ позволил определить состав категории СОБЫТИЕ, которая моделируется при помощи ономасиологических ролей и компонентов. Наибольшее количество компонентов представлено в конститутивной роли, характеризующей внутреннюю структуру события (участники, время, место и т. д.), а также в формальной роли, представляющей его внешнюю структуру (специфические характеристики участников / объектов события или

действия). В ходе статистического анализа были установлены дискурсивные модификации в распределении частотности ономасиологических ролей по трем типам дискурса: различия были обнаружены в конститутивной, агентивной и телической ролях. Анализ компонентов каждой из четырех ролей обнаружил наличие значимых различий в составе конститутивной роли при переходе от публицистического к художественному дискурсу. Проявление ономасиологических новаций при увеличении художественного потенциала дискурса наблюдается в актуализации компонентов, характеризующих внутреннюю структуру события: увеличение активных и пассивных участников события, повышение показателей пространственно-временных координат, усиление спецификации участников события и актуализацию их поведенческих паттернов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даниленко В. П. Ономасиологическое направление в грамматике. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990.
2. Кубрякова Е. С. Ономасиология // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
3. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. Киосе М. И. Наименование в тексте: прямое и непрямое. М.: ОнтоПринт, 2015.
5. Киосе М. И. Лингвокреативность имени собственного в дискурсе: когнитивно-семиотические основания // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 490–500.
6. Бондарчук Г. Г. Особенности формирования и функционирования предметных имен в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 13 (752). С. 18–25.
7. Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change // Historical Semantics and Cognition / ed. by A. Blank, P. Koch. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–90.
8. Cuyckens H., Dirven R., Taylor J. R. Cognitive approaches to lexical semantics. Mouton de Gruyter, 2003.
9. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: URSS, 2020.
10. Eckardt R., von Heusinger K., Schwarze C. Words in time: Diachronic semantics from different points of view. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2003.
11. Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistics. 1991. Vol. 17. № 4. P. 409–421.
12. Беляевская Е. Г. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 554. С. 140–146.
13. Краева И. А. Особенности изучения категории градуальности в современной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 121–126.
14. Ляшевская О. Н, Кашкин Е. В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Вып. 6. С. 464–556.

REFERENCES

1. Danilenko, V. P. (1990). Onomasiologicheskoe napravlenie v grammatike = Onomasiological direction in grammar. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. (In Russ.)
2. Kubryakova, E. S. (2002). Onomasiologiya = Onomasiology. In Yartseva, V. N. (Ed.), Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russ.)
3. Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya = Play of focus in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
4. Kiose, M. I. (2015). Direct and indirect naming in the text. Moscow: OntoPrint. (In Russ.).
5. Kiose, M. I. (2022). Linguistic creativity of names in discourse: cognitive semiotic aspects. Kognitivnye issledovaniya yazyka, 4(51), 490-500. (In Russ.)
6. Bondarchuk, G. G. (2016). Peculiarities in the formation and functioning of English object names. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 13 (752), 18–25. (In Russ.)
7. Blank, A. (1999). Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change. Historical semantics and cognition (pp. 61–90). Berlin: Mouton de Gruyter.

8. Cuyckens, H., Dirven, R., Taylor, J. R. (2003). Cognitive approaches to lexical semantics. Mouton de Gruyter.
9. Kubryakova, E. S. (2020). Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti = Nominative aspect of speech activity. Moscow: URSS. (In Russ.)
10. Eckardt, R., von Heusinger, K., Schwarze, C. (2003). Words in time: Diachronic semantics from different points of view. Berlin, New York: De Gruyter Mouton.
11. Pustejovsky, J. (1991). The generative lexicon. Computational linguistics, 17(4), 409–421.
12. Belyaevskaya, E. G. (2008). Componential vs conceptual analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 554, 140–146. (In Russ.)
13. Kraeva, I. A. (2021). Osobennosti izucheniya kategorii gradual'nosti v sovremennoj lingvistike = Specific features of studying the category of graduality in modern linguistics. Kognitivnye issledovaniya yazyka, 4(47), 121–126. (In Russ.)
14. Lyashevskaya, O. N, Kashkin, E. V. (2015). Tipy informatsii o leksicheskikh konstruktsiyakh v sisteme FreiMBank = Types of information about lexical constructions in the FrameBank system. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 6, 464–556. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чулкова Евдокия Дмитриевна
старший преподаватель кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chulkova Evdokia Dmitrievna
Senior Lecturer at the Department of Rare Languages Teaching Methodology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-2

Фонетические девиации в немецкой речи русских билингвов

Э. Б. Яковлева

ИНИОН РАН, Москва, Россия
МГТУ им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия
jakovlevaemma@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные фонетические ошибки (сегментный и суперсегментный уровни) в немецкой речи русских билингвов. Эти ошибки возникают вследствие интерференции русского языка. Для обозначения пагубных «следов» интерференции на фонетическом уровне автор выбирает термин «девиации», который точно определяет сущность возникающих вследствие интерференции отклонений субъекта речи от фонетической нормы усваиваемого языка. Описаны возникающие девиантные явления в немецкой речи русскоязычных обучающихся на артикуляторном, интонационном и ритмическом уровнях. Автор подчеркивает, что кроме имитативных упражнений, для усвоения интонационно-ритмической базы изучаемого языка необходим анализ и понимание сущности различий артикуляционных баз родного и изучаемого языков. Для формирования устойчивых фонетических навыков автор предлагает расширить сетку часов курса практической фонетики.

Ключевые слова: девиации, артикуляторный уровень, интонационно-ритмический уровень, артикуляторная база, практическая фонетика

Для цитирования: Яковлева Э. Б. Фонетические девиации в немецкой речи русских билингвов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 127–132.

Original article

Phonetic Deviations in the German Speech of Russian Bilinguals

Emma B. Yakovleva

INION RAS, Moscow, Russia
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
jakovlevaemma@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the description of the main phonetic (segmental and suprasegmental levels) errors in the German speech of Russian bilinguals, which are a consequence of the interference of the Russian language. To denote the harmful "traces" of interference at the phonetic level, the author chooses the term "deviations", which precisely defines the essence of deviations from the phonetic norm of the learned language arising from interference. The emerging deviant phenomena in the German speech of Russian-speaking students in articulatory language are described. intonation and rhythmic levels of the German language. The author emphasizes the idea that, in addition to imitative exercises, for the assimilation of the intonation-rhythmic base of the studied language, an analysis and understanding of the essence of the differences between the articulation bases of the native and the studied languages is necessary. To form stable phonetic skills, the author proposes to expand the grid of hours of the practical phonetics course.

Keywords: deviations, articulatory level, intonation-rhythmic level, articulatory base, practical phonetics

For citation: Yakovleva, E. B. (2024). Phonetic deviations in the German speech of Russian bilinguals. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 127–132. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Овладение иностранным языком, со всей очевидностью, можно охарактеризовать как когнитивно-коммуникативную деятельность человека, которая подвержена влиянию ряда субъективных и объективных факторов.

К числу субъективных факторов следует отнести языковую личность, ее возраст, психологические и физические особенности, лингвистические, перцептивные, мнемические потенции, степень мотивации и др. К объективным факторам относятся: типологическое «расстояние» между языками, наличие / отсутствие языковой среды и т. д. Исходя из темы нашего исследования, добавим к объективным факторам уникальность изучаемого и родного языков, которая складывается из их различных аспектов, в нашем случае из их фонетической системы.

Перечисленные факторы по-разному влияют на освоение языка, облегчая или усложняя данный процесс. Тем не менее именно фактор уникальности способствует в наибольшей степени проявлению разных видов интерференции одного языка на другой.

Интерференция многолика, затрагивает все уровни языка, но особенно она сильна, устойчива и разрушительна на фонетическом уровне. Ее пагубные «следы» надолго запечатлеваются в эстетической памяти иностранца, воспринимающего свою родную речь, порождаемую представителем иной языковой культуры.

Любой национальный язык имеет свою особую звуковую систему, и носители языка специфическим образом используют уклад органов речи для материализации своих мыслей. Эта особенность фонетической системы того или иного языка называется его артикуляционным базисом. Артикуляционный базис вместе с ритмико-интонационным базисом составляют фонетический базис языка.

Причиной фонетических девиаций является различие фонетических базисов родного и изучаемого иностранного языков.

Попытаемся проанализировать типичные случаи проявления произносительной, интонационной и ритмической интерференции у носителей русского языка, изучающих немецкий язык (или уже владеющих им), и высказать свое мнение о возможном решении проблемы. Орфоэпические и орфофонические девиации это отклонения от фонетической нормы изучаемого языка, искажающие высказывание, которое должно быть реализовано согласно данной норме. Термин «девиация» используется в качестве дейксиса, указывающего на ***следственные*** явления интерференции как ***причины*** фонетических нарушений. Кроме того, данным термином можно пользоваться как дефиницией, называющей слуховые и вытекающие их них моторные механизмы искажения в реализации речевой модели, разрушающие перлокутивный эффект. То есть этим термином можно оперировать как единицей отрицательного функционального взаимодействия слухового и речедвигательного анализаторов в процессе коммуникации, когда происходит нарушение принципа: *что правильно услышано, то правильно и произнесено*.

АРТИКУЛЯТОРНЫЕ ДЕВИАЦИИ

Основные произносительные девиации в немецкой речи русских билинговов связаны с нарушением совокупности артикуляционных установок и движений речевых органов, характерных для артикуляционной базы немецкого языка. Девиация может быть вызвана также отсутствием в русском языке звуковых эквивалентов некоторых исконно немецких произносительных норм. По означенной причине некоторые из русскоговорящих пользователей немецкого языка обнаруживают тотальную неприспособленность своих речевых органов произносить непривычные звуки, а также выказывают неумение адекватно слышать и запечатлевать в своей артикуляционной памяти перцептивный образ звука, который органичен в немецком языке. В принципе реализация почти всех звуков немецкого языка носителями русского языка вызывает акцент, однако существуют ярко выраженные девиации, «западающие в ухо», вызываемые следующими причинами.

1. Отсутствием в русском языке фонологического противопоставления долгих и кратких гласных, что создает огромные трудности для русских учащихся, изучающих немецкий язык. «Недодифференцированность» признака ведет в итоге к разрушению перлокутивного эффекта [Рогозная, 2001]: *Saat – satt*, *Staat – statt* и т. д.

2. Отсутствием стабильности артикуляции русских гласных, вследствие чего их произношение имеет дифтонгоидный характер (при отсутствии в системе вокализма русского языка чистых дифтонгов), что недопустимо при артикуляции немецких гласных. Русские учащиеся автоматически переносят данный способ артикуляции русских гласных на немецкий язык, вследствие чего возникает «русский» акцент.

Нота [но^{а}тə] – Not [no:t].

3. Отсутствием в русском языке лабиализованных гласных переднего ряда: [y] [y] [ø:] [ɔe][1]. Силь-

[1]Извиняемся за невозможность с наибольшей степенью точности представить транскрипцию звуков компьютерными средствами.

ная лабиализация в принципе трудна для русских учащихся, поскольку степень лабиализации русских лабиализованных гласных очень мала по сравнению с лабиализацией соответствующих немецких гласных.

Отсутствие в русском языке сильно лабиализованных звуков становится также причиной полной подмены немецких постальвеолярных и сильно лабиализованных [ʃ], [tʃ] нелабиализованными русскими согласными, что весьма трудно исправляется при мизерном количестве учебных часов, предоставляемых для занятий практической фонетикой.

4. Артикуляционный базис немецкого языка предусматривает активную работу нижней челюсти, особенно при артикуляции открытых кратких гласных, что также представляет существенную трудность для носителей русского языка, поскольку при артикуляции русских гласных наблюдается «вялая» работа нижней челюсти. Недооценка данного факта ведет к качественным изменениям артикуляции немецких кратких гласных. Нужна серьезная работа в процессе ежедневной артикуляторной гимнастики для активизации «ленивой» нижней челюсти.

5. При артикуляции немецких кратких гласных характерен так называемый «сильный» отступ, когда колебание голосовых связок резко обрывается, и последующий согласный плотно примыкает к предыдущему гласному. Эта артикуляционная данность немецкого языка также представляет огромную трудность для русских учащихся, так как русские гласные произносятся со «слабым» отступом, когда колебание голосовых связок «затухает» медленно.

6. Немалую трудность для русских учащихся представляет и твердый приступ немецких гласных, так как русские гласные во всех позициях произносятся с мягким приступом.

7. Русский акцент вызывает и оттянутость у носителей русского языка тела языка от нижних резцов, что в значительной степени осложняет адекватную артикуляцию немецких гласных.

8. Частичная назализация немецких гласных является также одним из факторов отличия от русских гласных, так как при артикуляции немецких гласных небная занавеска не полностью разделяет носовой и ротовой резонаторы, вследствие чего воздух частично попадает в носовую полость.

9. Отсутствие предзубного резонатора при артикуляции русских нелабиализованных гласных оставляет существенный, воспринимаемый ухом, «след» при артикуляции тех же немецких гласных русскими учащимися.

10. Сохранение качества немецкого гласного в безударных позициях – одна из самых больших трудностей для русских учащихся при овладении немецким произношением. *Konferenz* [k**ɔ**nf**ə**`**ʁɛ**nts] [k**a**nf**ə**`**ʁɛ**nts] по аналогии с русским *голова* [г**а**л**ə**`ва], *корова* [к**а**`ров**ə**].

11. Величайшую трудность для русских учащихся представляет немецкий закрытый долгий [e:], не имеющий краткого открытого аналога, вследствие чего подвергающийся постоянной замене открытым суррогатом у русских обучающихся, что приводит к серьезным фонематическим ошибкам: *sehen – säen*, *Beeren – Bären*. В русском языке подобный звук встречается лишь в определенных позициях: *пели*.

12.Довольно сильной интерференции подвергается произношение немецких постальвеолярных лабиализованных [ʃ] и [tʃ]. Причиной девиации является факт нелабиализованности данных согласных в русском языке. Русским учащимся трудно дается не столько сама лабиализация, сколько сохранение ее степени на всем протяжении артикуляции этих согласных.

13. Напряженность и длительность немецких сонантов [n], [m], [l] также являются источником появления девиантного произношения у русских обучающихся вследствие отсутствия данных артикуляторных характеристик у соответствующих русских сонантов.

14. Отсутствием в немецком языке регрессивной ассимиляции согласных по звонкости, например: ***hast du*** [ha**zd du**] вместо [ha**st *du**] по аналогии с русским *вокзал* [ВО**ГЗ**АЛ].

15. Отсутствием в немецком языке геминации согласных в середине слова, например: *Anna* ['a**nn**a] вместо ['a**n**a] по аналогии с русским *Анна* [А**НН**А].

16. Оглушением немецких звонких согласных не только в абсолютном конце слова, но и в конце слога, на морфемной границе, например: freundlich [fʁɔen**d**liç] вместо [fʁɔen**t**liç] по аналогии с русским *сходный* [СХО**ДН**ЫЙ].

17. Отсутствием в немецком языке ассимиляции [s], [ʃ] по месту артикуляции, например: ***Aussprache*** [aɔʃʃpra:x**ə**] вместо [aɔ**s**ʃpra:x**ə**] по аналогии с русским *из школы* [И**ШШ**КОЛЫ].

18. Отсутствием в немецком языке ассимиляции [ç] [ʃ] по месту артикуляции, например: ***ich schreibe*** [iʃʃraɛb**ə**] вместо [içʃraɛb**ə].**

19. Отсутствием в немецком языке ассимиляции [h] [ç] по месту артикуляции, например: ***ich habe*** [ix xa:bə] вместо [iç ha:bə].

20. Отсутствием в немецком языке ассимиляции [h] [x] по месту артикуляции, например: ***Hochhaus*** [ho:**xx**aus] вместо [ho:**x h**aus].

21. Отсутствием веляризации немецких согласных [ʃ] [ts] перед [i:]**,** например: ***Maschine*** [maʃ**ы**n**ə**] вместо [maʃ**i**:n**ə**] **по аналогии с русским машина** [МАШ**Ы**НА], ***Medizin*** [me·di·ts**ы**:n] вместо [me di ts**i**:n] **по аналогии с русским *медицина*** [МЕДИЦ**Ы**НА].

ИНТОНАЦИОННЫЕ ДЕВИАЦИИ

Интонационные девиаты так же, как и произносительные, трудно изживаемы. Аппроксимация интонационных навыков только путем имитации – процесс не всегда эффективный. Обучающиеся должны хорошо представлять себе, что интонация наряду с другими средствами участвует в структурной и смысловой организации фразы. Она, как правило, тесно связана с синтаксисом, в частности с порядком слов. Понимание высказывания обеспечивается не только лексико-грамматическими средствами, но и его сегментацией на смысловые единицы при помощи всех интонационных средств. В большинстве случаев, когда с помощью четкого грамматического выражения обеспечивается однозначное понимание высказывания, роль интонации в декодировании смысла становится второстепенной. Иногда же синтаксические связи высказывания оказываются неясными вследствие их невыраженности формальными грамматическими признаками или в результате грамматической омонимии. В таких случаях становится затрудненным понимание смысла фразы, так как он может быть истолкован по-разному. И в этом случае только интонация способствует адекватному декодированию смысла. Таким образом, интонация иногда играет не равную с другими языковыми средствами роль, а главную.

Какие типичные интонационные девиации имеют место при реализации немецкого высказывания носителями русского языка?

1. Для носителей русского языка типичной ошибкой при интонационном оформлении общего вопроса на немецком языке является перенесение характерного для русского языка ***восходяще-нисходящего тона*** на немецкую интонационную структуру с ее ***нисходяще-восходящим тоном***.
2. Большие нарушения могут происходить и в повествовательных фразах: нисходящий или восходяще-нисходящий тон реализуются в немецком и русском языках по-разному.
   2.1. Для немецкого языка характерна некоторая интонационная монотонность как следствие того, что нисхождение тона во фразе происходит постепенно, ступенчато, по всем ударным слогам, причем безударные слоги примыкают к ударным на том же высотном уровне. Русский язык характеризуется, напротив, подъемом тона на всех ударных слогах во фразе, что создает впечатление певучести русской речи.
   2.2. Недостижение в конце немецкой фразы так называемой ***Lösungstiefe*** – предельно низкого уровня в шкале речевого диапазона и «зависание» на нейтральном уровне, типичном для русской фразы, также является характерной девиацией в немецкой речи русских билингвов и причиной русского акцента. Перенесение «русского» движения тона на немецкую фразу производит на носителей немецкого языка впечатление недосказанности, что ведет к усиленной мобилизации внимания с их стороны и ожиданию продолжения.
   2.3. Не типично для немецкого языка характерное для русского понижение тона в инициальных и медиальных синтагмах, что переносится русскоязычными учащимися на интонационную структуру немецкой фразы. Неверным является и типичное для русского языка недостаточное различение по силе ударных и безударных слогов. В немецком языке имеет место более резкое силовое выделение ударных слогов в противоположность безударным. Данный факт становится причиной девиантного оформления немецкой фразы.
   2.4. Русские интонационные структуры начинаются обычно с ударного слога, расположенного на ***среднем*** высотном ***уровне***. Предтакты встречаются в русском языке реже, чем в немецком. В противоположность этому для немецкой интонационной структуры типичен предтакт, лежащий на ***нейтральном уровне***. Носители русского языка почти всегда начинают немецкое высказывание тоже на среднем высотном уровне, что сразу создает «русское» звучание фразы.
   2.5. В русской фразе понижение тона начинается внутри главноударного слога и продолжается на протяжении ударного гласного. В немецкой фразе это имеет место лишь тогда, когда нет затакта.
   2.6. Наряду с различием в характере изменения высоты тона в главноударном слоге существуют различия динамические и темпоральные. Если в русском языке главноударный слог характеризуется актуализацией ***длительности*** ударного гласного и предшествующего согласного, то в немецком языке, как правило, актуализируется ***динамический*** компонент. Данная особенность оформления главноударного слога в немецком языке очень трудна для русских учащихся.

РИТМИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ

Отдельно следует остановиться на ритмических девиациях. В процессе формирования

интонационных навыков ритму должна принадлежать ведущая роль. При воспроизведении ритмических структур изучаемого языка, несоответствующих его норме, восприятие всего иноязычного дискурса существенно осложняется даже при относительно правильной артикуляции. Приближение высказывания на иностранном языке к норме не может быть достигнуто при искажении его ритмического гештальта ввиду тесной взаимосвязи ритма и артикуляторной моторики.

Ритм – явление сложное, в котором функционируют разные суперсегментные средства, вступающие во взаимодействие с акцентными единицами разной величины.

Ритм немецкой и русской речи создается чередованием ударных и безударных слогов разной степени длительности и напряженности. В то же время системы силлабем в русском и немецком языках значительно различаются, что отражается и в характеристиках звуков их составляющих, и в том, как русская и немецкая речь воспринимается на слух. Значительные различия в силлабических системах языков становятся причиной ***ритмической интерференции***, что становится особенно заметно при постановке немецкого произношения русскоязычным говорящим на начальном этапе обучения языку. Сравнение двух систем – русского языка и немецкого – дает возможность распознавать трудности при переходе от одного языка к другому и устранять девиации, возникающие вследствие интерференции. Поскольку слог является базовой единицей речевосприятия и речепроизводства, работа над слоговыми структурами должна стать основой для формирования ритмических навыков обучающихся и проводиться систематически на каждом занятии практической фонетики.

Ритмические девиации – одна из серьезных проблем при изучении иностранных языков, которой, однако, не всегда уделяется достаточное внимание. Формирование ритмических навыков материнского языка у его носителей происходит уже на ранней стадии его овладения. Этот процесс во многом носит автоматизированный характер. Таким образом, можно говорить о том, что существует ритмический код родного языка, заложенный в памяти его носителей и их артикуляционной программе. При изучении иностранного языка, в частности, при овладении его ритмическими структурами означенный код родного языка играет разрушительную роль. Он препятствует овладению ритмическими нормами другого языка и является причиной появления ритмических девиаций.

Рассмотрим главные отличия русских и немецких ритмических структур. В обоих сравниваемых нами языках ядро ритмической структуры может быть представлено как совокупность неравномерно усиленных компонентов словесного ударения. При этом в русском языке все же ***длительность*** гласного звука признается центральным признаком ядра, в то время как другие слоги, окружающие ядро, отличаются, во-первых, убыванием длительности, во-вторых, снижением интенсивности, и в-третьих, изменением качественных характеристик. Учитывая вышесказанное, ритмическую картину русского языка можно описать как характеризующуюся ритмом «легато», русская речь воспринимается на слух как плавная.

В немецком языке наблюдается значительная напряженность слогов, что не характерно для русской речи. Означенная особенность немецкого произношения обусловлена разницей в напряжении между ядром и окружающими его слогами. русской Следствием этого является восприятие немецкой речи как отрывистой. Ударные слоги контрастируют с неударными в ***интенсивности***, что является основным признаком ядра и составляет отличие немецкого языка от русского. Исследования звучащей речи показывают, что в немецком языке чаще всего встречаются ритмические структуры, в которых в разной последовательности чередуются слоги с кратким ядерным гласным звуком и долгими безударными. В означенном чередовании звуков отчетливо прослеживается значимость их интенсивности. В немецкой речи как перед, так и после произнесения ударного слога наблюдается едва заметная остановка артикуляции, а одновременно с падением высоты тона голоса в заударных слогах снижается интенсивность, замедляется темп. Все это приводит к возникновению так называемого «пульсирующего», или иначе говоря, толчкообразного ритма, который окружающими обычно воспринимается как отрывистый. В противовес русской плавной речи «легато» немецкую речь часто описывают термином «стаккато» [Яковлева, 2003].

Интерференция проявляется не только в ритмических структурах. Русскоговорящий, изучающий немецкий язык, руководствуясь системой родного, т. е. русского, языка, оказывается «запрограммирован» на несвойственное для немецкой речи, но характерное для русской очень высокое произнесение предударных слогов, понижение высоты голоса между последним предударным и ударным слогами, а также на недостаточное падение интенсивности и высоты основного тона в затакте (так называемое недостижение ***Lösungstiefe***), на нечеткую артикуляцию безударных слогов и редуцирование долготы безударных гласных звуков как дифференциального признака.

Русский язык отчетливо отличает от немецкого лабильная артикуляция, и эта особенность русской речи при постановке немецкого произношения

в значительной степени затрудняет реализацию носителем русского языка специфического немецкого ритма. Таким образом, основной целью начального этапа обучения немецкому произношению следует признать достижение четкости речи, концентрации интенсивности на ядре и резкого падения ее на безударных слогах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные фонетические девиантные явления – далеко не полный перечень последствий интерференции на сегментном и суперсегментном уровнях, вызывающих «русский» акцент, а иногда ведущих к недопониманию, к осложнению коммуникации. При существующей сетке часов, отводимых на практическую фонетику на филологических факультетах нелингвистических вузов, добиться приближения к норме при обучении иноязычному произношению чрезвычайно сложно. Принято считать, что усвоение фонетики иностранного языка основывается в основном на сенсомоторном уровне и, следовательно, достаточно ограничиться имитативными упражнениями. Однако, подчеркивая первостепенную роль этого уровня, следует указать на недостаточность только данного вида упражнений при усвоении иноязычной фонетики. Необходимы аналитические начала. Для взрослой аудитории это имеет огромное значение. В отличие от детей, чрезвычайно способных к имитации другого языка, взрослые при изучении иностранного языка опираются на механизмы абстрактно-логического мышления. Это касается формирования умений как на сегментном, так и суперсегментном уровнях. Описательный анализ интонационных единиц способствовал в свое время утверждению имитативного метода в обучении артикуляции отдельных звуков и периферийному положению интонационных упражнений, что, естественно, не способствовало качественному усвоению интонационных моделей изучаемого языка. Выделение и описание функций интонационных единиц открыли этап фонологического исследования интонации и сделали возможной попытку контрастивного анализа. Автоматизированные русские интонационные структуры упорно воспроизводятся в иноязычной речи русских учащихся. И необходима кропотливая аудиторная работа студентов под руководством преподавателя для формирования устойчивых навыков немецкого произношения. При этом преподаватель не должен игнорировать анализ, постоянно прибегая к сравнению правильных и неверных образцов. По нашему мнению, нельзя делать основной упор на тщательную самостоятельную работу студентов дома. Свои ошибки слышать трудно. Очевидно, следует задуматься не только над повышением эффективности избираемых методов обучения в рамках отведенной сетки часов, но и существенно расширить курс обучения практической фонетике, поскольку она является *базовой* лингвистической дисциплиной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рогозная Н.Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001.
2. Яковлева Э. Б. Э. Шток, Л. Величкова. Речевой ритм русского и немецкого языков // Социальные и гуманитарные науки. Серия 6. Языкознание. М.: ИНИОН РАН, 2003. № 3. С. 101–105.

REFERENCES

1. Rogoznaja, N.N. (2001). Lingvisticheskij atlas narushenij v russkoj rechi inostrancev = Linguistic atlas of violations in the Russian speech of foreigners. Irkutsk: Izdanie OGUP «Irkutskaja oblastnaja tipografija № 1». (In Russ.)
2. Yakovleva, E. B. (2003). E. Shtok, L. Velichkova. Rechevoj ritm russkogo i nemeckogo jazykov = Speech rhythm of the Russian and German languages. Social and Humanitarian Sciences. Issue 6. Linguistics. 3, 101–105. Moscow: INION RAN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлева Эмма Борисовна

доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом языкознания ИНИОН РАН
профессор кафедры романо-германских языков факультета лингвистики МГТУ им. Н.Э. Баумана

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakovleva Emma Borisovna

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, INION RAS
Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, Faculty of Linguistics, Bauman Moscow State Technical University

Статья поступила в редакцию	18.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.131.1

Поэзия и мифология в итальянской критике XVIII – начала XIX веков

Е. В. Лозинская

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
jane.lozinsky@gmail.com

Аннотация. В статье дается обзор идей о роли классической мифологии в поэзии, высказанных итальянскими авторами XVIII века и участниками диспута о романтизме в 1816–1823 годы. Выявляется их связь с поэтологической топикой предшествующих веков. Опираясь на топос «первопоэтов», Гравина, Крешимбени и Вико представили мифологию как целостную систему мировосприятия, характерную для древних времен. Другие авторы осуждали использование мифологии как набора готовых форм для выражения поэтического содержания, тем самым предвосхищая тезисы итальянских романтиков. Среди них особое место занимает А. Мандзони, возродивший христианскую критику мифологии.

Ключевые слова: мифология, первопоэты, аллегория, диспут о романтизме, поэзия и христианство, культурная идентичность

Для цитирования: Лозинская Е. В. Поэзия и мифология в итальянской критике XVIII – начале XIX веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 133–139.

Original article

Poetry and Mythology in Italian Criticism of the 18th and Early 19th Centuries

Evgeniya V. Lozinskaya

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
jane.lozinsky@gmail.com

Abstract. The article gives an overview of the ideas about the role of classical mythology in poetry, expressed by Italian authors of the XVIII century and participants of the dispute about romanticism in 1816–1823. Relying on the topos of the prisci poetae, Gravina, Crescimbeni, and Vico presented mythology as a coherent worldview of ancient times. Other authors condemned the use of mythology as a set of ready-made forms to express poetic content, thus anticipating the theses of the Italian Romantics, among whom A. Manzoni, who revived the criticism of mythology from a Christian point of view, occupies a special place.

Keywords: mythology, prisci poetae, allegory, dispute on Romanticism, poetry and Christianity, cultural identity

For citation: Lozinskaya, E. V. (2024). Poetry and mythology in Italian criticism of the 18th and early 19th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 133–139. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В Италии в течение долгого времени поэзия и классическая мифология были неотделимы друг от друга, по крайней мере, в восприятии тех, кто профессионально рассуждал о поэзии. Защитники поэзии и ее хулители, создатели поэтик, размышлявшие о своем ремесле поэты, – все они мыслили мифологию как основной предмет поэзии. Вместе с тем мифология была для поэзии точкой уязвимости, в первую очередь потому, что не вполне сочеталась с христианством. Эта проблема была решена в эпоху Высокого Средневековья применением к светским текстам принципа многосмысленного толкования, исходно выработанного для толкования Писания[1], Шартрская теологическая школа ввела в философскую практику аллегорическое толкование античной поэзии [Wetherbee, 1972]. В Италии применительно к мифологии его разрабатывал Дж. Бокаччо в «Генеалогии языческих богов». Например, в сюжете победы Персея над Медузой Горгоной помимо буквального смысла он видел моральный (победа мудрого человека над своими грехами и приобретение добродетели), аллегорический (отказ от земных удовольствий и возвышение ума к небесным сферам) и анагогический (победа Христа над смертью и его вознесение) [Boccaccio, 1951, с. 19]. Вокруг идеи аллегорического истолкования поэзии сложился комплекс поэтологических топосов: сокрытие истины под покрывалом вымысла; тайный монотеизм античных поэтов [Baron, 1955]; восходящее к «Метафизике» Аристотеля представление о первопоэтах (prisci poetae), которые были одновременно философами, законодателями, наставниками людей [FitzGerald, 2017]. Таким образом, мифологическая поэзия воспринималась ее защитниками как особый язык выражения божественных, философских и гражданских истин.

Постепенно средневековая концепция мифологического содержания поэзии теряла свое значение. Самый серьезный удар по ней нанесло переоткрытие «Поэтики» Аристотеля: поэзия стала мыслиться как «технэ», а мифология – как ее язык, украшение, метафора для изображения человеческих страстей и природы или технический прием, позволяющий обеспечить эффект удивительного (maraviglioso). Это и создало предпосылки для первого теоретически обоснованного и принципиального отказа от античной мифологии в качестве предмета поэзии – у Торквато Тассо. Но Тассо был, пожалуй, последним в этом историческом цикле, кто ощущал напряжение между поэтической мифологией и истиной. В XVII веке проблема их соотношения просто не стояла на повестке дня. Так, дискуссия об «Адонисе» Марино практически не затрагивала тему сомнительности его мифологического содержания.

МИФОЛОГИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ПЕРВОПОЭТАХ» В ИТАЛИИ XVIII ВЕКА

Новый цикл осмысления мифологии начался в Италии в эпоху Просвещения, когда возникла основанная на топосе «первопоэтов» концепция мифологии как особого рода знания, противопоставленного знанию логическому и рациональному. В представлении крупнейшего теоретика поэзии первой половины XVIII века, аркадийца Джан Винченцо Гравины, мифологические образы – инструмент пробуждения в человечестве рациональности и самосознания. Однако оно происходило парадоксальным путем, поскольку сами эти образы безумны с точки зрения рационального человека. «Поэзия – колдунья, но благодетельная, безумие, которое очищает от умопомрачения» [Gravina, 1973, с. 208], – пишет он в трактате «Об основах поэзии» (1708). Что он имеет в виду? В грубых умах (menti volgari) «закрыта дверь для истины и универсальных понятий». Поэтому их следует «облечь в материальные одежды и придать им вид, воспринимаемый чувствами» [там же, с. 209]. Первые поэты – Амфион и Орфей – были воспитателями своих современников, они использовали вымышленное и ложное, чтобы направить слушателей к истине, «облачая в телесные фигуры наблюдения философов о природе наших страстей» [там же, с. 209]. Например, чтобы внушить грубому уму идею страха как следствия совершенных проступков, они создали образы Фурий. «Пусть сами по себе эти фигуры безумны, они суть средство избавить неразвитый ум от другого безумия – одержимости страстями» [там же, с. 209]. Топос первопоэтов трактуется Гравиной в эпистемологическом духе. Важный нюанс заключается в том, что мифология выполняет у него пропедевтическую функцию, будучи в первую очередь сознательно избранным средством донести истину до незрелого ума.

Хотя Гравина не приходит к эксплицитному заключению, что мифологические образы имели ценность лишь в далекую эпоху и для непросвещенной аудитории, подобный взгляд на вещи можно обнаружить у другого основателя Академии дельи Аркади Джован Марио Крешимбени. В четвертом диалоге книги «Красота поэзии на итальянском языке» (1700) он повторяет традиционный тезис, что первопоэты выражали в мифологических формах мистические истины, недоступные людям

[1]См. подробнее в: [Махов, 2010].

тех эпох в каком-либо ином виде. Однако затем он заявляет, что с течением времени необходимость в этом отпала: появились такие поэты, как Пиндар и Анакреонт, «изящным образом выражающие доступные для понимания идеи в правдоподобных сказаниях» [Crescimbeni, 1712, с. 58]. Следует подражать именно этим авторам, а не ранним поэтам, которым свойственна темнота выражения, неспособная принести удовольствие слушателю.

Столкновение мифологии и рациональности можно увидеть и в наиболее влиятельной итальянской теории XVIII века, принадлежавшей Джамбаттисте Вико. Рассматривая переход человечества от дикости к цивилизации, он выделяет первую эпоху, для которой было характерно особое, дологическое поэтическое знание (sapienza poetica), включавшее в себя все когнитивные области – от метафизики и логики до географии и астрономии. В этом понятии воедино сплавлены представления о мифе и поэзии, которые Вико для своих целей не различает. В поэтическую эпоху преобладали такие человеческие качества, как чувство, фантазия, память, воображение (ingegno). Не будучи в состоянии еще выработать абстрактные категории, люди создавали фантастические универсалии, моделирующие множественность в частности. Речь поэтического века была основана на образности, в том числе метафоре, которая, таким образом, понималась не как интеллектуальная операция по сближению удаленных категорий, а как естественная и спонтанная форма познания мира. Поэтому мифологические образы толкуются Вико совершенно вне системы аллегорических интерпретаций, – они, напротив, свидетельствуют о реальных фактах и имеют исторические смыслы, позволяющие нам увидеть античную действительность. Вместе с тем, как отмечает Э. Гарин, для Вико поэзия, подобно мифу, в рациональный век теряет познавательную ценность и существует на правах некоторого «ребячества» [Garin, 1957, с. 290].

МИФОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Мифология могла расцениваться иначе: не как целостная система миропонимания, а как главнейший предмет поэзии или простое риторическое «украшение» поэтической мысли. В то время использование поэтами «древних сказаний» предполагалось по умолчанию, поэтому представляют интерес не столько защитники мифологии, сколько ее противники.

С одной стороны, воскрешались старые, почти позабытые аргументы против мифологии. В 1733 году болонский интеллектуал и академик Пьер Франческо Боттаццоне в «Письмах о некоторых пагубных поэтических злоупотреблениях против благочестия католической религии и добрых христианских нравов» атакует мифологию в духе ее хулителей XV–XVI веков. По мнению Боттаццоне, мифологические образы не могут служить даже поэтическим украшением, поскольку «сказания язычников всегда остаются выдумками, мы не можем счесть их правдоподобными или заслуживающими веры» [Bottazzoni, 1733, с. 64]. Особенно предосудительно, на его взгляд, вносить мифологию в христианскую поэзию. Стоит отметить чрезвычайно резкий тон писем Боттаццоне: так, поэты, использующие классическую мифологию, демонстрируют, по его мнению, атеистические чувства [там же, с. 104].

С другой стороны, примерно в то же время появились и новые аргументы против мифологии. Позже, в начале XIX века, они будут взяты на вооружение теми авторами, которых принято называть романтиками.

Известный веронский литератор Джулио Чезаре Бечелли в трактате «О новой поэзии» (1732) высказал мысль, что греческие мифы не отвечают духу и фантазии (animo e fantasia) итальянцев, они были созданы иным народом с иными нравами и в иных условиях. Поэтому итальянскому поэту не следует использовать греческие мифы (насчет латинских Бечелли не так уверен) даже в качестве поэтических красот или для внесения в текст удивительного (meraviglioso). Каждый народ выработал свое представление о фантастическом соответственно своему характеру, и следует отбросить те поэтические предметы, которые не являются непосредственным порождением его духа [Becelli, 1732, с. 291–292].

Лигурийский трагедиограф Франческо Мария Сальви был автором сочинения «О фантазии поэта, восстановленной из прозябания» («La fantasia del poeta risorta dal suo avvilimento: Dissertazione diretta alli signori accademici Industriosi di Genova», 1783), малоизвестного, но весьма любопытного по содержанию. Этот труд свидетельствовал о проникновении в Италию общеевропейских романтических идей задолго до выхода на сцену итальянских романтиков. В нем Сальви, в частности, писал, что мифологические сюжеты не являются непременным условием великой поэзии, доказательством чему может быть «великий бард Оссиан», «живший в диких местах в грубое время и не имевший иного образца как только простую природу» [цит. по: Bertana, 1900, с. 88]. И если «он мог одной лишь силой своей фантазии породить великую поэзию, ничего не зная о мифологии и не используя ее, то почему этого не могут современные поэты, живущие в

эпоху процветания полезных наук и изящных искусств, нового и более благородного взгляда на природу»? Ответ простой: «они ленятся или боятся» [цит. по: Bertana, 1900, с. 88]. Требование следовать мифологии, предъявляемое к поэзии, есть предрассудок. Он поддерживается теми, кто хочет создавать поэзию без усилий, пользуясь репертуаром готовых форм и выражений, которые предоставляет мифология.

ВОПРОС О МИФОЛОГИИ В ДИСПУТЕ О РОМАНТИЗМЕ

Наиболее яркий эпизод в истории переосмысления роли мифологии в поэзии связан с так называемой дискуссией между «классицистами» и «романтиками», разгоревшейся после публикации в 1816 году в миланском журнале «Итальянская библиотека» эссе (письма) мадам де Сталь «О духе и пользе переводов» («Sulla maniera e utilità delle traduzioni»). Мадам де Сталь призывала итальянцев избавиться от тех «устарелых сюжетов, которые сохраняются в итальянской литературе», т. е. от мифологического содержания и подражания классическим авторам, «подобно тому, как это сделали поэты в остальной Европе» [Discussioni e polemiche sul romanticismo, 1943, с. 8].

Полемика вокруг письма оказалась весьма горячей, и, разумеется, помимо вопроса о мифологии, в ней были затронуты самые разные теоретико-литературные проблемы [Avitabile, 1959]. Следует отметить, что участники дискуссии за редкими исключениями не занимали радикальную позицию. Однако у многих из них имелось упрощенное представление о взглядах оппонентов: в частности, «классицисты» считали, что «романтики» призывают к полному отказу от мифологии. Более того, нередко именно к этому «классицисты» сводили их поэтическую программу [Discussioni e polemiche ... 1943, с. 325].

Диспут о романтизме в целом проходил на фоне становления итальянской национальной идентичности, с ней был непосредственно связан вопрос о мифологии. Кто такие итальянцы? Они наследники Древнего Рима и – через него – древних греков? Или они должны обрести свою идентичность в опоре на другой – неклассический, народный миф?

Миланский интеллектуал и переводчик Шлегеля Джованни Герардини доказывал, что «каждый народ имеет свои наклонности, свое дарование», которые во многом связаны с его происхождением, и итальянцы «по своему природному вкусу» и по сложившемуся обычаю следуют античным безупречным образцам. Отказываться в подражание иностранцам от этой практики и от использования мифологии вообще означает разрушить национальное единство, которое имеется у итальянцев [Discussioni e polemiche ... 1943, с. 202]. Таким образом, итальянская культурная идентичность для Герардини питается античными корнями, а поэтическое творчество мыслится как продолжение высокой, т.е. не народной, поэзии.

Один из наиболее ярких участников дискуссии, занимавших среднюю позицию, Карло Джузеппе Лондонио развивает эту мысль в интересном направлении: специфика образования – не только в Италии, но и во всей «цивилизованной Европе» – такова, что «мы в не меньшей, а то и в большей степени знакомы с историей греков и римлян, чем со своей собственной. Именно в процветании и в упадке, в перипетиях этих двух славных народов древности, в деяниях великих людей, которых они породили, мы можем почерпнуть полезнейшие уроки о поведении в публичной и частной жизни» [там же, с. 222]. Эти образы известны и понятны всем, в то время как герои и события национальной и (что важно в итальянском контексте) коммунальной истории подобной известности не получили и не могут вызвать интерес за пределами их родной местности.

Противоположную позицию занимал, например, Джованни Берше. Для него отправной точкой поэтического творчества была не античная традиция (такую поэзию он считал поэзией «мертвых»), а природа, говорящая «о современных чувствованиях и устремлениях», и «народная вера», откуда поэты «черпали и таинства христианской религии, и бога-искупителя, и уверенность в будущей загробной жизни, и страх перед вечными муками» [Романтизм глазами итальянских писателей, 1984, с. 33]. Однако в качестве обоснования предпочтительности второго выбора Берше выдвигает отнюдь не истинность христианской религии и ложность язычества. Логика его рассуждений такова: цель поэзии – «моральное воспитание максимального числа своих соотечественников», стало быть, поэтам надо получить славу у народа. «Но как этого добиться?» – спрашивает Берше, – «К каким чарам прибегнуть, чтобы околдовать своих соотечественников»? Чарами древних поэтов «были их боги, их религия, их суеверия, их законы, их обряды, их история, их народные традиции» [там же, с. 36]. А чарами современных стали «другие боги, другая религия; у нас свои суеверия, свои законы, свои нравы, свои склонности» [там же, с. 37].

Надо отметить, что многие из диспутантов не разделяли собственно мифологию и античную историю, не проводили границу между Музами и Периклом, Минервой и Брутом. Но иногда такое

разграничение все же проводилось. Оно было актуально преимущественно для тех романтиков, которые считали историческую поэзию главным жанром. В «Начальных понятиях о романтической поэзии» Эрмес Висконти подчеркивает, что «никогда никому в голову не приходило отменять историю какой-либо эпохи, в том числе и древнейшую историю, не исключая эпохи героев. Мы стремимся лишь к тому, чтобы отделить мифологию, чтобы отделить чудо, совершенное в Авлиде, от троянского похода, нисхождение в преисподнюю от подвигов Тезея. Исторические события Греции и Рима есть и наше наследство, они и нам служат предлогом для размышлений, занимают наше воображение и наше сердце» [Романтизм ... 1984, с. 71].

Другой тип аргументации связывал вопрос о мифологии с общими представлениями о сути творческого процесса и поэтической свободе. Для Лодовико ди Бреме поэзия порождается сильными чувствами, именно они составляют ее главный предмет [Discussioni e polemiche ... 1943, с. 262]. Между тем мифологические образы, в которых ди Бреме видит персонификации человеческих страстей и естественных сил природы, образуют своего рода барьер между поэтом и его предметом, мешают непосредственности выражения [Avitabile, 1959, с. 79]. Это в целом новый аргумент, довод совершенно иного рода, чем использовавшиеся на протяжении предыдущих веков, хотя понимание мифологии как аллегории у Бреме вполне традиционное. Критика мифологического содержания у ди Бреме основана на абсолютизации творческой свободы поэта. Впрочем, поэт свободен и в том, чтобы использовать мифологию. Однако, делает критик оговорку, только редким авторам, например Фосколо, это успешно удается, а в большинстве случаев поэты прибегают к ней лишь для того, чтобы избежать излишних трудностей[1] [Discussioni e polemiche ... 1943, с. 315, 354].

Оппонируя романтикам, К. Дж. Лондонио уловил именно этот важный момент: отказ от мифологии и для него связан с ничем не ограниченной свободой поэта, с установкой на то, что вдохновение – единственный источник творчества, не нуждающегося в правилах и руководстве. Такая позиция для Лондонио неприемлема, поскольку, как ему кажется, приводит к абсолютному произволу как в творчестве, так и в поведении [там же, с. 315, 325]. По сути дела, он переворачивает старый тезис о «безнравственности поэзии», но если раньше мифология воспринималась как угроза добродетели, то сейчас она выступает в роли начала, ограничивающего своеволие поэта. Переворачивает Лондонио и аргумент, связанный с чувствами: отказываясь от мифологии, романтики отказываются и от «живости, чувственности греческой и римской лирики» [Discussioni e polemiche ... 1943, с. 216]. Впрочем, как и большинство участников дискуссии, Лондонио, заостряя позицию оппонентов, сам избирает в этом споре золотую середину и солидаризируется с теми, кто осуждает «рабское подражание древним и испытывает тошноту от бесконечного и монотонного применения мифологических аллегорий ко всем мыслям» [там же, с. 314].

[1]Здесь он фактически повторяет аргумент более раннего автора – Ф. М. Сальви.

МИФОЛОГИЯ И АЛЕССАНДРО МАНДЗОНИ

Аргументы против использования мифологии, высказанные А. Мандзони в письме маркизу Чезаре д'Адзельо «О романтизме», представляют особый интерес, поскольку парадоксальным образом актуализируют на новом историческом этапе некоторые критические тезисы, звучавшие в XIV–XV веках. Мандзони начинает с заявления, что мифология лжива по содержанию: «нелепо выдавать всем очевидную выдумку за истину единственно по той причине, что кто-то когда-то принимал ее за правду» [Романтизм ... 1984, с. 199]. Аргумент «от правды» в дискуссиях звучал и раньше, но предполагал в первую очередь вероучительную истину. Для Мандзони правда – это, как следует из письма, в первую очередь содержание «подсказанное житейской памятью» или «реальным опытом». Хотя сам он не объявляет открытую войну волшебникам и феям «Неистового Орландо», некоторые другие романтики, например Э. Висконти, считают необходимым отказаться и от «пресловутых похождений выдуманных паладинов», и от «ужасных видений, подсказанных местными поверьями» [там же, с. 81–82].

Аллегоричность мифологических образов в глазах Мандзони не их достоинство, а недостаток. Глубокий смысл, если он имеется, «следует выражать прямо, а не обиняками. ...нет никаких оснований к тому, чтобы этот надуманный некогда способ общения затейливыми иносказаниями превращать в догму, в навеки обязательную условность» [там же, с. 200]. Его высказывание в известной степени созвучно процитированной выше мысли аркадийца Дж. М. Крешимбени, хотя, разумеется, в других отношениях представления этих двух авторов о поэтике принципиально различны. Более глубокое сходство идей Мандзони можно обнаружить с идеями еще более раннего автора – доминиканца Джованни Доминичи, в трактате «Светлячок» (1405) утверждавшего, что христианину по природному закону запрещается вычитывать в ложном истинное

[Dominici, 1940, с. 179] и «следует понимать вещи согласно тому, что в них действительно есть, а не согласно всем смыслам, которые можно им приписать» [там же, с. 195]. Но если для Джованни Доминичи это аргумент против поэзии вообще, то Мандзони утверждает протореалистическую эстетику – принцип эксплицитного выражения содержания, связанного с реальной действительностью.

Однако главная идея Мандзони заключается в том, что античная мифология представляет собой разновидность идолопоклонства. И главная его беда не только и не столько «в веровании в некоторые природные и сверхъестественные силы», сколько «в его моральной стороне, которая основывается на склонности, на почитании, на доведенном до преклонения стремлении к земным благам, страстям и удовольствиям, на вере в то, что в них-то и заключается смысл жизни, счастье и чуть ли не конечное спасение» [Романтизм ... 1984, с. 202]. Мандзони, конечно, не имеет в виду предосудительность поведения античных героев, он говорит о связи между выражением и содержанием. С его точки зрения, мифология только и «может переносить нас к понятиям тех времен, когда Учитель еще не явился, к понятиям тех людей, которые не предчувствовали Его прихода и не имели к тому тяги» [там же, с. 202]. В мифологии он видит сохранение «тех символов, тех выражений, той формы чувств, которые Создатель хотел разрушить», и пренебрежение «тем понятием о вещах, которое Он нам дал, тем языком, который служит наилучшим выражением этих понятий» [там же, с. 203]. Существенное отличие Мандзони от других романтиков заключается в том, что он рассматривает классическую мифологию как целостную систему миропонимания, противоречащую христианству, а не только как устарелую или не отвечающую национальному духу форму выражения поэтических смыслов. В этом плане его концепция наследует идеям Гравины и Вико, однако в отличии от их теорий окрашена негативным отношением к классическому мифу, восходящим к критике поэзии в предшествующие века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итальянской критике в целом была свойственна преемственность концепций и активное использование поэтологических топосов, которые переосмыслялись в новом историческом контексте и в то же время свидетельствовали о включенности в традицию даже тех авторов, которые выступали в роли «новых». В обсуждении вопроса о мифологии в XVIII веке прослеживаются две тенденции: с одной стороны, мифология рассматривалась как целостная система познания мира, характерная для ранних эпох человеческой культуры. Сторонники этой точки зрения опирались на топос «первопоэтов», однако придали ему исторический характер, противопоставив древнюю мифологическую и современную рациональную системы познания. С другой стороны, мифология могла восприниматься как набор «готовых поэтических форм», который противоречил итальянской культурной идентичности или принципу верности природе. Теоретики начала XIX века, принявшие участие в диспуте о романтизме, наследовали одновременно обеим тенденциям. Они ввели в связанное с мифологией проблемное поле представление о свободе творчества поэта и о его опоре на народные традиции и верования. Вместе с тем один из защитников романтизма А. Мандзони вернулся к обсуждению старого вопроса о безнравственности классической мифологии, придав ему большую, чем в предшествующие эпохи, глубину и проработанность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Махов А. Е. Многосмысленное толкование // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель. М.: Издательство Кулагиной–Intrada, 2010. С. 343–357.
2. Wetherbee W. Platonism and poetry in the twelfth century: the literary influence of the school of Chartres. Princeton: Princeton univ. press, 1972.
3. Boccaccio G. Genealogie deorum gentilium: in 2 vols. Bari: Laterza, 1951. Vol. 1.
4. Baron H. The crisis of early Italian Renaissance: in 2 vol. Princeton: Princeton univ. press, 1955. Vol. 1.
5. FitzGerald B. D. Inspiration and authority in the Middle Ages: prophets and their critics from scholasticism to humanism. Oxford: Oxford univ. press, 2017.
6. Gravina G. V. Scritti critici e teorici / a cura di Quondam A. Roma ; Bari : Laterza, 1973.
7. Crescimbeni G. M. La bellezza della volgar poesia. Roma: Per Antonio de' Rossi alla piazza di Ceri, 1712.
8. Garin E. L' educazione in Europa, 1400–1600. Bari: Laterza, 1957.
9. Bottazzoni P. F. Lettere discorsive intorno ad alcuni poetici abusi pregiudizievoli sì al decoro della religion cattolica come alla buona morale cristiana. Napoli: Per il Moscheni e Compagni, 1733. DOI: 10.3931/e-rara-52734

10. [Becelli G. C.] Della novella poesia cioè del vero genere e particolari bellezze della poesia italiana libri tre. Verona: Dionigi Ramanzini, 1732. URL: https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10686924.
11. Bertana E. Intorno al Sermone del Monti «Sulla mitologia» // Giornale storico e letterario della Liguria. 1900. Vol. 1–2. P. 81–96
12. Discussioni e polemiche sul romanticismo (1816–1826): in 2 vols. / ed. di E. Bellorini. Bari: Laterza, 1943. Vol. 1.
13. Avitabile G. The controversy on romanticism in Italy. New York: S. F. Vanni, 1959.
14. Романтизм глазами итальянских писателей / сост. и пер. с итал. Н. Томашевского. М.: Радуга, 1984.
15. Dominici I. Lucula noctis / ed. par R. Coulon. Paris: Librairie Alphonse Picard & Fils, 1908.

REFERENCES

1. Makhov, A. E. (2010). Mnogosmyslennoe tolkovanie = Multisense exegesis. In Evropeiskaya poetika ot Antichnosti do epokhi Prosveshcheniya: entsiklopedicheskii putevoditel' = European poetics from Antiquity to the age of Enlightenment: an encyclopedic guide (pp. 343–357). Moscow: Kulagina–Intrada. (In Russ.)
2. Wetherbee, W. (1972). Platonism and poetry in the twelfth century: the literary influence of the school of Chartres. Princeton, Princeton univ. press.
3. Boccaccio, G. (1951). Genealogie deorum gentilium: in 2 vol. (Vol. 1). Bari: Laterza.
4. Baron, H. (1955). The crisis of early Italian Renaissance: in 2 vols. (Vol. 1). Princeton: Princeton univ. press.
5. FitzGerald, B. D. (2017). Inspiration and authority in the Middle Ages: prophets and their critics from scholasticism to humanism. Oxford: Oxford univ. press.
6. Gravina, G. V. (1973). Scritti critici e teorici. Roma; Bari: Laterza.
7. Crescimbeni, G. M. (1712). La bellezza della volgar poesia. Roma: Per Antonio de' Rossi alla piazza di Ceri.
8. Garin, E. (1957). L' educazione in Europa, 1400–1600. Bari: Laterza.
9. Bottazzoni, P. F. (1733). Lettere discorsive intorno ad alcuni poetici abusi pregiudizievoli sì al decoro della religion cattolica come alla buona morale cristiana. Napoli: Per il Moscheni e Compagni. 10.3931/e-rara-52734.
10. [Becelli, G. C.] (1732). Della novella poesia cioè del vero genere e particolari bellezze della poesia italiana libri tre. Verona: Dionigi Ramanzini. https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10686924.
11. Bertana, E. (1900). Intorno al Sermone del Monti «Sulla mitologia». Giornale storico e letterario della Liguria,1(2), 81–96.
12. Bellorini, E. (Ed.) (1943). Discussioni e polemiche sul romanticismo (vol. 1, 1816–1826): in 2 vols. Bari: Laterza.
13. Avitabile, G. (1959). The controversy on romanticism in Italy. New York: S. F. Vanni.
14. Tomashevskii, N. (Ed., transl.) (1984). Romantizm glazami ital'yanskikh pisatelei = Romanticism through the eyes of Italian writers. Moscow: Raduga. (In Russ.)
15. Dominici, I. (1908). Lucula noctis. Ed. par R. Coulon. Paris: Librairie Alphonse Picard & Fils.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лозинская Евгения Валентиновна

старший научный сотрудник отдела литературоведения
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lozinskaya Evgeniya Valentinovna

Senior Researcher, Literary Studies Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	21.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.161.1

«Что знала Мейзи» про «Развод в большом городе»: К вопросу о переводе названий фильмов

М. Б. Раренко

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
rarenco@rambler.ru

Аннотация. Вопрос о переводе названий фильмов, выходящих в прокат в другой стране на языке, отличном от языка оригинала, заслуживает внимания как теоретиков, так и практиков перевода. В статье рассматриваются как языковые, так и экстралингвистические причины, влияющие на перевод названий фильмов.

Ключевые слова: перевод названий фильмов, киноверсия, переводческая стратегия, переводческое решение

Для цитирования: Раренко М. Б. «Что знала Мейзи» про «Развод в большом городе»: К вопросу о переводе названий фильмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 140–145.

Original article

“What Maisie Knew” about “A Divorce in a Big City”: On Interpreting Film Titles

Maria B. Rarenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
rarenco@rambler.ru

Abstract. The issue of translating the titles of films released in another country in a language different from the original language deserves the attention of both translation theorists and practitioners and can become the subject of interdisciplinary research due to various factors influencing translation. The article examines both linguistic reasons that influence the translation of film titles, as well as extralinguistic ones.

Keywords: translation of film titles, film version, translation strategy, translation solution

For citation: Rarenko, M. B. (2024). “What Maisie Knew” about “A Divorce in a Big City”: On Interpreting Film Titles. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 140–145. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Перевод является одним из древнейших видов деятельности человека. Он возник исключительно в силу практической необходимости, что, однако, не умаляет внимания к переводу как со стороны профессионального сообщества, так и со стороны простых обывателей. Перевод как социальный феномен не в последнюю очередь обязан таким вниманием стремительно развивающимся сегодня технологиям. Они позволяют представителям разных национальных сообществ свободно обмениваться разного рода информацией, которая беспрепятственно циркулирует в нынешнем мире. В то же самое время возможности социальной коммуникации значительно расширяются, а ее каналы постоянно совершенствуются. Несмотря на значительный прогресс в области машинного перевода, безусловно, способствующий коммуникации и обмену знаниями между говорящими на разных языках представителями мирового сообщества, по-прежнему существуют области, в которых востребован перевод, осуществляемый человеком. В немалой степени к ним относится перевод художественных произведений.

Перевод фильмов, в частности, перевод названий фильмов, следует рассматривать как разновидность художественного перевода на том основании, что в сфере кинематографа имеет место «полноценная межъязыковая эстетическая коммуникация путем интерпретации текста, реализованной в новом тексте на другом языке» [Оболенская, 2013, с. 80–81]. Перевод названий фильмов, на наш взгляд, относится к весьма любопытной области художественного перевода. Обращение к данной проблеме объясняется, прежде всего, ее многогранностью, поскольку выбор окончательного перевода на иностранный язык названия фильма, выходящего в прокат в другой стране, обусловливается далеко не всегда исключительно языковыми причинами.

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ: ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ

В ряде работ исследователи уже рассматривали вопросы, связанные с различными аспектами перевода названий кинолент на иностранные языки [Бруцкая, Шишла, 2019; Краснова, 2015; Klunnaya, 2020; Beibitova, Ashimbaeva, Zhanadil, 2021; Kolodina, Pashkova, 2023; Милевич, 2021; Krasina, Moctar, 2020; Вань, 2018; Косенко, 2018].

Каким бы удивительным это ни казалось, согласно статистическим данным, в подавляющем большинстве случаев переводчики сохраняют оригинальное название фильма, используя прием дословного перевода (по разным данным, от 47 % до 63 % от всех переведенных фильмов):

- «War of the Worlds» / «Война миров» (2005 г., режиссер Стивен Спилберг)
- «Arrival» / «Прибытие» (2016, режиссер Дени Вильнёв)
- «The Hunger Games» / «Голодные игры» (2012, режиссер Гэри Росс)
- «Green Book» / «Зеленая книга» (2018, режиссер Питер Фаррелли)
- “Moonlight” / «Лунный свет» (2016, режиссер Барри Дженкинс)
- «The Answers» / «Ответы» (2015, режиссер Майкл Гуд)
- «It» / «Оно» (2017, режиссер Энди Мускетти)
- «Eternal Sunshine of the Spotless Mind» / «Вечное сияние чистого разума» (2004, режиссер Мишель Гондри)
- «The Dark Knight» / «Темный рыцарь» (2008, режиссер Кристофер Нолан)
- «Without Evidence» / «Без улик» (1995, режиссер Джилл Деннис)
- «Cloud Atlas» / «Облачный атлас» (2012, режиссеры Том Тыквер, Лана и Эндрю Вачовски)
- «The Green Mile» / «Зеленая миля» (1999, режиссер Фрэнк Дарабонт)
- «Iron Man» / «Железный человек» (2008, режиссер Джон Фавро)
- «American Pie» / «Американский пирог» (1999, режиссер Пол Вайц, Крис Вайц).

На наш взгляд, подобное решение (если оно не приводит к нарушению языковых и речевых норм переводного языка, не противоречит культурным традициям принимающей культуры) представляется вполне оправданным и разумным, поскольку позволяет потенциальным реципиентам в мире кино находить интересующие их фильмы, соотнося оригинальное название фильма с переводным. В эту же группу целесообразно включить и переводные названия фильмов, в которых оказывается измененным порядок следования языковых единиц, что обусловлено правилами принимающего языка (в частности, необходимостью соблюдать определенный порядок слов в языках, признанных аналитическими), а части речи, в свою очередь, претерпевают неизбежные изменения (глагольная форма меняется на существительное и наоборот):

- «The King’s Speech» / «Король говорит!» (*досл.* 'Речь короля'; 2010, режиссер Том Хупер);
- «Me Before You» / «До встречи с тобой» (*досл.* 'Я до тебя', 2012, режиссер Теа Шэррок).

Вопрос о том, следует ли всегда стремиться к сохранению оригинального названия фильма, при этом очевиден: нет, потому что сохранение названия не означает сохранения смысла. В качестве примера можно упомянуть фильм «The Whole Nine Yards» (2000, режиссер Дж. Линн), который в российском прокате вышел под названием «Девять ярдов». Выражение, положенное в основу американской криминальной комедии, в англоязычной культуре означает «все до конца, все возможное, все и вся», в русском же контексте фраза «девять ярдов» такого значения не имеет.

Вторую группу составляют фильмы, перевод названий которых требует частичного изменения, т. е. при переводе названий используется прием трансформаций на разных языковых уровнях, что, чаще всего, обусловлено особенностями принимающего языка или расхождениями в менталитете принимающей культуры и культуры, к которой принадлежит язык оригинала. Примерами такой стратегии перевода названий фильмов выступают:

- «Thumbsucker» / «Дурная привычка», *досл.* 'сосальщик большого пальца' (2005, режиссер Майк Миллс)
- Looper / «Петля времени», *досл.* 'тот, кто делает петлю' (2012, режиссер Райан Джонсон)
- «About a Boy» / «Мой мальчик», *досл.* 'о(б) (каком-то / одном) мальчике' (2002, режиссёры Крис Вайц и Пол Вайц)
- «The Book Thief» / «Воровка книг», *досл.* 'книжный вор' (2013, режиссер Брайан Персиваль)
- «The Wolf of Wall Street» / «Волк с Уолл-стрит», *досл.* 'волк Уолл-стрита' (2013, режиссёр Мартин Скорсезе)
- «Jumanji: Welcome to the Jungle» / «Джуманджи: Зов джунглей», *досл.* 'Джуманджи: добро пожаловать в джунгли' (2017, режиссер Джейк Кэздан)
- «The Fault in Our Stars» / «Виноваты звезды», *досл.* 'вина в наших звездах' (2014, режиссер Джош Бун)
- «All I See is You» / «Вижу лишь тебя», *досл.* 'все, что я вижу, это ты' (2016, режиссер Марк Форстер)
- «Water for Elephants» / «Воды слонам!», *досл.* 'вода для слонов' (2011, режиссер Фрэнсиса Лоуренс)
- «Gone Girl» / «Исчезнувшая», *досл.* 'исчезнувшая девушка' (2014, режиссер Дэвид Финчер)
- «How to Train Your Dragon» / «Как приручить дракона», *досл.* 'как приручить твоего дракона' (2010, режиссеры Крис Сандерс и Дин Деблуа).

Третью группу составляют фильмы, в переводах названий которых обнаруживаются значительные расхождения с подлинниками. В результате «опознать» фильм бывает крайне затруднительно или вовсе невозможно. Примерами такого подхода к переводу названий кинофильмов могут быть:

- «Some Like It Hot» / «В джазе только девушки», *досл.* 'некоторые любят погорячее' (1953, режиссер Билли Уайлдер)
- «Bullet to the Head» / «Неудержимый», *досл.* 'пуля в голову' (2012, режиссер Уолтер Хилл)
- «Green Zone» / «Не брать живыми», *досл.* 'зеленая зона' (2009/2010, режиссер Пол Гринграсс)
- «Silver Linings Playbook» / «Мой парень – псих», в основе названия фразеологизм *silver lining* (*букв.* 'серебряная подкладка'), которому близко русское словосочетание *луч надежды* (2012, режиссер Дэвид О. Расселл)
- «The tank» / «Нечто. Монстр из глубин», *досл.* 'резервуар' (2023, режиссер Скотт Уокер)
- «Talk to me» / «Два, три, демон приди!», *досл.* 'поговори со мной' (2023, режиссеры Дэнни Филиппу и Майкл Филиппу)
- «Cinderella Man» / «Нокдаун», *досл.* 'мужчина-золушка' (2005, режиссер Рон Ховард)

«WHAT MAISIE KNEW» VERSUS «РАЗВОД В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ»

Осенью 2012 года в российский прокат вышла кинолента режиссеров Скотта Макгехи и Дэвида Сигела под названием «Развод в большом городе», которая, вероятно, по мнению кинопрокатчиков, должна была бы вызвать у российских зрителей большой интерес и, соответственно, принести ощутимый доход. Сборы, однако, оказались весьма скромными.

Одна из причин этого не очень удачного для кинопрокатчиков явления, как нам представляется, коренится в переводе названия фильма. Приняв решение полностью изменить оригинальное название фильма, кинопрокатчики надеялись привлечь определенную целевую аудиторию.

На решение полностью изменить название оригинального фильма, вероятно, повлияли, прежде всего, экстралингвистические обстоятельства, поскольку объективных языковых причин, почему нельзя было сохранить название оригинала, не было.

На протяжении почти пяти лет миллионы поклонников по всему миру следили за судьбой главных героинь американского комедийно-драматического телесериала Д. Стара «Секс в большом городе» (оригинальное английское название – «Sex and the City»). Всего было снято шесть телесезонов, включающих 104 эпизода.

Сериал получил положительные отзывы критиков, а также множество премий (семь премий «Эмми», восемь премий «Золотой глобус» и 11 премий Гильдии киноактеров). Действие сериала разворачивается в Нью-Йорке; в сериале рассказывается о жизни четырех подруг в возрасте «за 30», свободно обсуждающих вопросы секса, любви и карьеры. После закрытия телесериала были сняты два полнометражных фильма (режиссер Майкл Патрик Кинг). Главные роли в них сыграли те же актрисы, которые снимались в сериале, – Сара Джессика Паркер, Ким Кэттролл, Кристин Дэвис и Синтия Никсон. Первый фильм «Секс в большом городе» (оригинальное английское название – «Sex and the City») вышел в 2008 году, второй «Секс в большом городе 2» (оригинальное английское название – «Sex and the City 2»), ставший его продолжением, – в 2010 году. Оба фильма принесли российским кинопрокатчикам внушительную прибыль. На момент выхода фильма «Развод в большом городе» кассовые сборы «Секса в большом городе» значительно снизились.

Решение выпустить в прокат новый фильм, название которого ассоциировалось бы с крайне успешным предыдущим кинопроектом, было довольно смелым и рискованным (особенно если учитывать бросающееся в глаза стилистическое различие между двумя кинолентами).

Фильм «Развод в большом городе» (оригинальное английское название – «What Maisie Knew», режиссеры С. Макгехи и Д. Сигел) представляет собой экранизацию повести американского писателя Генри Джеймса «Что знала Мейзи» (What Maisie Knew, первая редакция последовала в 1897 году, вторая редакция – в 1907 году), относящуюся к позднему периоду творчества писателя и признанную одним из его маленьких шедевров. Имя Г. Джеймса хорошо известно в англоязычной среде. Его произведения часто включаются в списки рекомендуемой для чтения литературы в старших классах школ в США и Великобритании; имя писателя часто выступает индикатором принадлежности к образованным кругам общества.

В основе сюжета фильма, как и повести, лежит история распада семейных отношений. Родители шестилетней Мейзи Сюзанна и Бил заняты своей карьерой, времени на дочь у них не хватает. В результате участившиеся ссоры приводят к разводу. Получив совместную опеку над девочкой, родители по-прежнему заняты исключительно своими проблемами, и Мейзи оказывается на попечении новых спутников жизни ее отца и матери – Марго и Линкольна, которые относятся к ней с большим вниманием и заботой, нежели Сюзанна и Бил. В конце концов, взрослые осознают, что в интересах Мейзи ей лучше остаться с Марго и Линкольном.

Как и в повести Г. Джеймса, в фильме используется прием «точка зрения», заключающийся в том, что все события зритель воспринимает глазами Мейзи, в силу ее возраста и отсутствия у нее достаточного жизненного опыта многое оказывается за рамками ее понимания. Название повести и название фильма на английском языке отчасти указывают на этот факт.

В киноверсии действие фильма перенесено в современный Нью-Йорк. Родители Мейзи, по-прежнему обладая высоким социальным статусом, «меняют» род деятельности: Сюзанна становится рок-певицей, окруженной толпой поклонников, а Бил – успешным бизнесменом. Соответственно, окружают их теперь люди, интересы которых находятся в близких им профессиональных сферах.

Создатели киноверсии сохранили название повести Г. Джеймса, подчеркнув факт связи между художественным произведением и его экранизацией. В качестве потенциальной целевой аудитории фильма его создатели рассматривали в том числе и почитателей творчества Г. Джеймса.

В то же самое время фильм, вышедший в российском прокате под названием «Развод в большом городе», подчеркивает связь фильма не столько с творчеством американского писателя (стоит отметить, что его имя мало знакомо даже профессиональным литераторам в том числе и потому, что произведения Г. Джеймса мало переводились на русский язык; повесть «Что знала Мейзи» до настоящего времени на русский язык не переведена), сколько с описанными выше фильмами, действие которых также происходит в «большом городе» – в современном Нью-Йорке.

Таким образом, выбор варианта перевода названия фильма по повести Г. Джеймса определялся не языковыми предпочтениями переводчика, а экстралинвистическими, в первую очередь, коммерческими факторами. Справедливости ради, следует отметить оригинальность подхода переводчика к материалу. Избранное переводчиком название фильма, на наш взгляд, вполне оправдано, поскольку вполне соответствует идее фильма, хотя и нарушает связь между повестью и ее киноверсией.

В то же самое время расчет кинопрокатчиков не оправдался: коммерческий сбор оказался очень низким. Ожидания одной части зрительской аудитории, привлеченной «новым» названием фильма, не совпали с увиденным на экране, а другая часть российской аудитории не увидела фильм, поскольку не смогла соотнести «новое» название фильма с оригинальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Название фильма, как и любая номинация, выполняет несколько функций, одна из которых – привлечение внимания аудитории. Данным фактом во многих случаях сегодня объясняется провокационная природа многих названий и подзаголовков – статей в СМИ, фильмов, телепередач, художественных произведений и пр. Маркетинговые исследования подтверждают, что правильное определение целевой аудитории – непременное условие успешной реализации коммерческого продукта. Выпуская фильм в прокат, кинопрокатчики руководствуются сходными соображениями. Таким образом, название фильма должно отвечать ожиданиям целевой аудитории. В рассматриваемом нами случае – при переводе иноязычных названий фильмов – кинопрокатчики также должны учитывать предпочтения российских зрителей. И хотя в случае с переводом фильма «What Maisie Knew» на русский язык, особенно учитывая экстралингвистические факторы, русское название фильма получилось весьма интригующим, произошло нарушение «горизонтов ожидания» целевой зрительской аудитории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: URSS, 2013.
2. Бруцкая Н. И., Шишла О. А. Адекватность перевода номинативных структур: перевод названий художественных фильмов // Романия: языковое и культурное наследие – 2019: материалы I Международной научно-практической конференции / редколлегия: О. В. Лапунова [и др.]. 2019. С. 142–147.
3. Краснова О. С. Перевод названий фильмов как одна из основополагающих этнолингвистических особенностей в контексте теории и практики перевода // Студенческая наука Подмосковью: материалы Международной научной конференции молодых ученых. М.: Московский государственный областной гуманитарный институт, 2015. С. 127–128.
4. Klunnaya V. O. Translation of movie titles as a feature of film translation // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 12–8 (68). С. 24–28.
5. Beibitova Zh. M., Ashimbaeva A. K., Zhanadil N. Films as an object of translation // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11–7 (79). С. 36–41.
6. Kolodina E. A., Pashkova I. V. Film title as unit of translation and image-sense (based on English and Korean) // Modern Studies of Social Issues. 2023. T. 15. № 3. С. 221–234.
7. Милевич И. Переводы названий американских художественных фильмов: границы лингвокреативности (на материале русских и латышских переводов) // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации: тезисы докладов Международной научной конференции, приуроченной к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного университета. Минск, 2021. С. 112–113.
8. Krasina E. A., Moctar A. On film titles: translation or retitling? // Bulletin of Moscow Region State University. 2020. № 2. С. 283–297.
9. Вань Ц. Основные стратегии перевода, применяемые в переводе английских названий фильмов // Научное обозрение: международный научно-практический журнал. 2018. № 2. С. 18.
10. Косенко Е. И. Прямой перевод как один из способов адаптации названий англоязычных фильмов в русском языке // Международный академический вестник. 2018. № 6 (26). С. 88–89.

REFERENCES

1. Obolenskaja, Ju. L. (2013). Hudozhestvennyj perevod i mezhkul'turnaja kommunikacija = Literary translation and intercultural communication. Moscow: URSS. (In Russ.)
2. Bruckaja, N. I., Shishla, O. A. (2019). Adekvatnost' perevoda nominativnyh struktur: perevod nazvanij hudozhestvennyh fil'mov = Adequacy of the translation of nominative structures: translation of the titles of feature films. In Lapunova, O. V. [et al.] (Eds.), Romanija: jazykovoe i kul'turnoe nasledie – 2019 (pp. 142–147): Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference. (In Russ.)
3. Krasnova, O. S. (2015). Perevod nazvanij fil'mov kak odna iz osnovopolagajushhih jetnolingvisticheskih osobennostej v kontekste teorii i praktiki perevoda = Translation of film titles as one of the fundamental ethnolinguistic features

in the context of the theory and practice of translation. In Studencheskaja nauka podmoskov'ju (pp. 127–128): Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj gumanitarnyj institut. (In Russ.)
4. Klunnaya, V. O. (2020). Translation of movie titles as a feature of film translation. Aktual'nye nauchnye issledovanija v sovremennom mire, 12–8(68), 24–28.
5. Beibitova, Zh. M., Ashimbaeva, A.K., Zhanadil, N. (2021). Films as an object of translation. Aktual'nye nauchnye issledovanija v sovremennom mire. 11–7 (79), 36–41.
6. Kolodina, E. A., Pashkova, I. V. (2023). Film title as unit of translation and image-sense (based on English and Korean). Modern Studies of Social Issues, 15(3), 221–234.
7. Translations of American feature film titles: limits of linguistic creativity (based on Russian and Italian translations). Jazyk, kul'tura, tvorchestvo v transdisciplinarnom izmerenii: tradicii i innovacii (pp. 112–113): theses of reports of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Prof. V. N. Telia and the 100th anniversary of Belarusian State University. Minsk. (In Russ.)
8. Krasina, E. A., Moctar, A. (2020). On film titles: translation or retitling? Bulletin of Moscow Region State University, 2, 283–297.
9. Van', C. (2018). Typical translation strategies applied in English movie titles translation. Nauchnoe obozrenie: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal, 2, 18. (In Russ.)
10. Kosenko, E. I. (2018). Prjamoj perevod kak odin iz sposobov adaptacii nazvanij anglojazychnyh fil'mov v russkom jazyke = Direct translation as one of the ways to adapt the titles of English-language films into Russian. Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik, 6(26), 88–89. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Maria Borisovna
PhD (Philology), Leading Research Fellow of Linguistics Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	22.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 130.2+82-1

Мотив природы в российском хокку (на материале цикла стихотворений В. Скифа «Зимняя ласточка»)

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
guseynova@linguanet.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть *хокку* на русском языке как одну из форм реализации жанра травелога. Последний характеризуется описанием реального или выдуманного пространства, в отображении которого ключевую роль играют природные явления, известные и малоизвестные реалии. Они нередко носят тривиальный характер, но погруженные в литературный и культурно-исторический контекст, приобретают символические черты. Предполагается, что распознать символику природных явлений, маркирующих пространство, возможно только через культурно-историческую интерпретацию события или явления. Рассматривается также теоретико-методологическая база изучения уникального поэтического текста – с позиций когнитивной поэтики, теории интертекстуальности и мультилитературы, появление которой обусловлено внедрением в литературное пространство цифровых технологий.

Ключевые слова: хокку, травелог, жанр, когнитивная поэтика, интертекстуальность, интерпретация, мультилитература, философия культуры

Для цитирования: Гусейнова И. А. Мотив природы в российском хокку (на материале цикла стихотворений В. Скифа «Зимняя ласточка») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 146–152.

Original article

Motive of Nature in Russian Hokku (on the example of V. Skif's cycle of poetry "Winter swallow")

Innara A. Guseinova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
guseynova@linguanet.ru

Abstract. The article attempts to consider hokku in Russian as one of the forms of realization of the travelogue genre. The latter is characterized by a description of a real or fictional space, in the representation of which natural phenomena play a key role, known and little-known realities, which are often trivial, but immersed in some fictional and cultural-historical context, acquire symbolic features. It is assumed that it is possible to recognize the symbolism of natural phenomena that mark the space only through the cultural and historical interpretation of an event or phenomenon. The theoretical and methodological basis for studying a unique poetic text is also considered - from the standpoint of cognitive poetics, the theory of intertextuality and multiliterature, the emergence of which is due to the introduction of digital technologies into the virtual fictional space.

Keywords: hokku, travelogue, genre, cognitive poetics, intertextuality, interpretation, multiliterature, philosophy of culture

For citation: GuseinoXXXva, I. A. (2024). Motive of nature in Russian hokku (on the example of V. Skif's cycle of poetry "Winter swallow"). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 146–152. (In Russ.)

> «Время и пространство, краски времен года, движения мышц и мысли – всё это (насколько можно судить, и мне кажется, тут нет ошибки) для писателя, наделенного высоким даром, не традиционные понятия, извлеченные из общедоступной библиотеки расхожих истин, но ряд уникальных открытий, для которых гениальный мастер сумел найти уникальный же способ выражения» [Набоков, 2020, с. 38].

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время наблюдается стабильный интерес к языку и культуре тех стран, которые традиционно на протяжении веков рассматриваются в качестве мононационального государства. Государство или страна является мононациональным, если оно возникло на основе одного определенного этноса и в течение длительного периода времени проживает в одном и том же географическом пространстве. Принято считать, что однонациональной (мононациональной, моноэтнической) является та страна, в которой «проживает относительно незначительное количество лиц разных национальностей»[1]. В качестве примера обычно приводятся такие страны, как Корея, Япония, Армения и некоторые другие. Специалисты фиксируют однородный этнический состав подобных стран. В некоторых странах замкнутого типа он достигает 90 %. населения. Однако в разных источниках данная цифра варьируется, и об этнически однородном составе той или иной страны можно говорить, когда он колеблется от 60 до 80 % . На наш взгляд, мононацональные государства отличаются также глубоко укоренившимися культурными традициями во всех сферах человеческой деятельности. К ним относятся, в первую очередь, разные ремесла, техники исполнения художественных произведений. Он связаны с глубинными этническими традициями независимо от того, о каких искусствах идет речь – о живописи, скульптуре, графике, музыке или о литературе.

Применительно к литературному тексту, родившемуся в мононациональной культуре необходимо упомянуть два существенных обстоятельства, которые влияют на уникальность литературного произведения. С одной стороны, приверженность гуманитарного научного сообщества к делению всех художественных текстов на три классических литературных рода – эпические, драматические и поэтические произведения, и, с другой – приобретение на протяжении длительного периода литературным текстом собственных самобытных черт. Эти черты со временем превращают его в филотекст, или «сильный текст культуры» [см.: Денисова, 2020]. Эта своего рода антиномия стимулирует исследование поэтических текстов, в том числе выполненных в форме *хокку* на русском языке. Для иллюстрации специфики русскоязычного *хокку* мы воспользуемся поэтическим сборником В. Скифа «Зимняя ласточка»[2]. Классические особенности *хокку* заключаются в необходимости уместить поэтическую мысль в три строки, соблюдая при этом размер слогов 5–7–5. Вторая особенность, однако, редко соблюдается, как в оригинальных текстах, так и в вариантах *хокку*, выполненных на других языках, в том числе и на русском языке. С точки зрения структурной организации подчеркнем, что данный тип стихотворений обычно не содержит заглавия, название отсутствует.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Анализ поэтического произведения осуществляется в различных парадигмах гуманитарного знания, множественным объектом анализа могут являться разные аспекты одного и того же явления. Многие исследователи, работающие с поэтическим дискурсом, поэтическим текстом, поэтическим словом расставляют свои акценты при анализе языкового материала в соответствии с их научными взглядами. Приведем несколько актуальных для поэтического текста методологических подходов, понимая при этом непреходящее значение научного наследия ученых в области художественного и поэтического текста [Набоков, 2020; Лотман, 2018; Степанов, 2015]. Для нашей дальнейшей работы нам представляется важным обратить внимание на три момента, которые будут использованы при анализе русскоязычных *хокку*.

М. Ю. Лотман справедливо пишет следующее: «Переходя к поэзии, мы обнаруживаем, что: 1. Любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых. 2. Любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения» [Лотман, 2018, с. 418–419]. Так, мы полагаем целесообразным обратить внимание на феномен амбисемии [Татаринов, 2005], которая позволяет придать слову интерпретативный аспект. Именно погружение лексической единицы в контекст формирует основу для возникновения дополнительных смыслов и создает условия для множественной интерпретации текста.

[1]Словарь социолингвистических терминов. М.: ИЯ РАН, 2006. С. 158.

[2]Скиф В. Зимняя ласточка. Стихи-хокку. Иркутск: Репроцентр А1, 2018.

Ю. С. Степанов, описывая концепцию поэтики феноменологии Р. Ингардена, отмечает, что «через группировку вещей в пространстве картины группируются также и виды, в которых данные вещи выступают, и группирование видов тоже принадлежит композиции картины» [Степанов, 2015, с. 215]. На наш взгляд, русскоязычный *хокку* представляет собой своего рода «зарисовку», сходную с живописью. Такое взаимопроникновение поэтического и изобразительного дискурса также способствует порождению у читателя множественной интерпретации, что стимулирует его интеллектуальную деятельность, необходимую для интерпретативного прочтения *хокку*.

В. В. Набоков, анализируя русскую прозу, в одной из своих лекций, уделяет особое внимание детали, справедливо утверждая, что «глубокая характеристика достигается внимательным отбором и распределением незначительных, но поразительных деталей» [Набоков, 2020, с. 370], указывая на важность «подметить детали, они крайне важны в создании атмосферы» [там же, с. 371]. При анализе стихотворного цикла В. Скифа мы сосредоточим свое внимание также на распределении деталей, которые дают толчок к множественной интерпретации русскоязычного *хокку*.

Помимо вышесказанного, упомянутые ученые в разной степени оказали влияние на современных исследователей, которые изучают поэтические тексты с опорой на разные научные школы и существующие подходы.

Когнитивная поэтика

Многие полагают целесообразным проводить анализ в русле когнитивной поэтики [Тарасова, 2020 и др.]. Указанный термин трактуется исследователями как самостоятельная дисциплина, занимающаяся «организацией мыслительных форм автора, читателя, исследователя – который, в определенном смысле, – идеальный читатель» [Тарасова, 2020, с. 146], при этом единицей исследования является индивидуально-авторский концепт, который включает в себя все присущие концепту характеристики, универсальные и вариативные. Подобные изыскания носят междисциплинарный характер и предполагают привлечение достижений таких наук, как психология, искусственный интеллект, нейробиология, которые интегрируются в блок смежных с лингвистикой гуманитарных дисциплин, включающий литературоведение, историю, социологию, философию. Междисциплинарность когнитивной поэтики становится очевидной при работе с терминологическим аппаратом, в котором наряду с терминами смежных дисциплин применяются понятия, формирующие терминосистему когнитивистики – *модель, уровень памяти, категоризация, метафоризация* и т. п. Отмечается, что интерпретативный аспект нередко иллюстрируется при помощи природных явлений. Так, например, анализируя концепт *снег*, Т. А. Тарасова приходит к выводу о том, что он в русскоязычной поэтической культуре тесно связан «полярными ценностными категориями – жизнью (мечтой) и смертью» [Тарасова, 2020, с. 79], а в границах «микроконтекста с единицами семантического поля смерти – *умирать, мертвый, кровь, веревка, пуля*» [там же, с. 83]. По мнению ученого, при анализе поэтического произведения в русле когнитивных исследований, интерпретацию следует осуществлять с учетом авторского сознания, художественного сознания эпохи и исследовательского сознания.

Философско-филологическая теория интертекстуальности

Многие исследователи при анализе поэтического произведения проводят свои изыскания на стыке различных семиотических систем, в том числе на стыке языка и культуры, используя при этом герменевтический подход, позволяющий осуществление множественной интерпретации при работе с корпусом текстов, формирующих национальную культуру [Денисова, 2020]. Широкое понимание понятия культуры дает возможность разного прочтения инокультурного текста, содержащего свои ценностные ориентиры, транслируемые при помощи вербальных и невербальных средств. При этом возможно решение двух противоположных задач: 1) оказать влияние на читателя и его сознание; 2) создать диалог между представителями различных лингвокультур. В обоих случаях происходит расширение культурного фона у всех участников, вовлеченных в процесс художественной коммуникации, результатом которого становится «интертекстуальный диалог» [Денисова, 2020]. В качестве примера можно привести данные исследования, касающиеся *итальянского текста* в русской культуре и *русского текста* в итальянской культуре. Принято считать, что в понимании современного россиянина «итальянский текст» ассоциируется с двумя видами дискурса, где он представлен наиболее репрезентативно – в медийном и маркетинговом (рекламном), выступая в данных разновидностях институционального дискурса в качестве индикатора, способного отразить уровень жизни, социальный статус и социокультурные характеристики всех участников общения. По этой причине итальянизмы преимущественно представлены

в русскоязычном медийном пространстве в виде брендов, торговых марок, ресторанных блюд, маркируя тем самым социальный статус коммуникантов. Отмечается также присутствие русизмов и советизмов в итальянском медийном и художественном видах дискурса, например, *борщ*, *перестройка* и другие, которые маркируют конкретные эпохи и служат трансляции культурных традиций. Таким образом, интертекстуальный диалог позволяет популяризировать достижения национальной культуры за ее пределами и сохранять культурно-историческое наследие.

Цифровые трансформации: мультилитература

Междисциплинарность, конвергенция и интержанровость, присущие разным видам дискурса, также применимы и к поэтическому дискурсу. Многие ученые отмечают динамический характер современной литературы, что приводит к одновременному существованию разных жанров внутри одного текста. Нередко разные жанры внутри литературного пространства вступают между собой в конкурентные отношения, результатом которых становится поглощение одних жанров другими или их вполне адекватное сосуществование, что в дальнейшем приводит к появлению новых жанров, обладающих в ряде случаев гибридными характеристиками. На этом основании многие современные ученые предлагают рассматривать новую литературу в качестве «*мультилитературы*, т. е. как конгломерат равноправных, хотя и разноориентированных по своему характеру, а также разнокачественных по уровню исполнения литератур» [Черняк, 2018, с. 6]. В современном гуманитарном знании, которое также подвергается воздействию цифровых трансформаций, нередко отмечается, что погружение литературного текста в цифровую среду дает толчок к чтению литературы, размещенной на электронных ресурсах, формируя тем самым читательское или своего рода «социальное движение» [там же, с. 7]. При этом навигатором служат не столько рецензии или отзывы специалистов и литературоведов, сколько отзывы читателей, которые в своей массе формируют в дальнейшем общественное мнение, распространяемое в электронной среде. принято считать, что читательский опыт формируется как «духовная биография читателя» [там же, с. 47], однако, в условиях цифровых указанный читательский опыт развивается через технологии, обеспечивающие быстрый поиск информации. При этом «чтение отошло на второй или даже третий план культуры – по сравнению с “видением” и “слышанием” артефактов аудиовизуальности и мультимедийности» [там же, с. 48]. В результате подобных манипуляций над литературным текстом несомненной тенденцией становится зрелищность, которая служит обрамлению вербального содержания различной дополнительной информацией, нередко коммерческого характера. Тем не менее, проектирование личности автора осуществляется не столько за счет средств визуализации информации, сколько путем уникального употребления языковых средств, формирующих в дальнейшем авторский стиль и литературную привычку конкретного автора. Одним из востребованных жанров в эпоху цифровых трансформаций стал «травелог» [Черняк, 2018, с. 214] – жанр, обязательным сюжетным элементом которого является наличие путешествия, осуществляемого в реальном или вымышленном пространстве. Пространство маркируется при этом при помощи описаний «малоизвестных отечественных или иностранных реалий и явлений» [там же, с. 215]. Последнее представляется нам особенно важным, так как позволяет найти признаки травелога в *хокку* на русском языке, которые делают возможным существование *хокку* в ином языковом пространстве и за пределами мононационального государства, которым является Япония.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ХОККУ. ПРИЗНАКИ ТРАВЕЛОГА

Обращаясь к описанному выше, отметим, что по формальным признакам русскоязычные *хокку* соответствуют жанровым характеристикам специфического литературного жанра. Обратимся ниже к конкретным примерам, позволяющим причислить русскоязычные *хокку* к современному жанру травелога.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РЕАЛЬНОМ ИЛИ ВЫМЫШЛЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1. Сухой ковыль
   И треснувший посох –
   Вот моя огромная жизнь
   (*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 11*).

2. Старый отцовский дом,
   Пустынный огород.
   Отцветает одинокий подсолнух
   (*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 35*).

3. Тихо и звездно,
   По ступенькам лет
   Дойду до Господних ворот
   (*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 47*).

4. Утреннее небо.
горячий чай.
сто веков промелькнули
(*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 53*).

Несмотря на кажущееся разнообразие приведенных иллюстративных примеров *хокку* на русском языке, все примеры (1–4) отличаются геопоэтическим описанием, воспевающим окружающую природу и человека. При этом человек, являясь частью природы, играет в описаниях подчинительную роль. Это проявляется, прежде всего, через оппозицию, выстроенную на противопоставлении «величие природы – приниженность человека и его бытия» (1–4). Безусловно, противопоставление достигается путем контекстуального употребления эпитетов, ср.: *сухой / треснувший – огромная* (1). При этом указанные эпитеты стимулируют порождение определенных ассоциативных реакций и одновременно множественную интерпретацию. Указанные эпитеты связаны с темой разочарования, грусти, неизбежности конца и смерти при одновременном понимании всего многообразия жизни, разнообразия ее проявлений, которые необходимо ценить. Именно понимание ценности жизни дает шанс человеку надеяться на лучшее. Употребление эпитетов наблюдается и в другом примере (2), в котором также представлен жизненный путь и одновременное ожидание смерти, ср.: *старый / отцовский / пустынный / одинокий* (2). Перечисление лексем, значение которых связано с темой тоски и неизбежного одиночества символизирует завершение жизненного пути – завершение путешествия в реальном и вымышленном пространстве. Примечательно, что в примере 2 используется прием сокращения пространства, ср.: *дом / огород / подсолнух* (2). Такая конкретизация пространства свидетельствует о неизбежности потерь и сужении жизненного пространства. О символическом жизненном пути автор *хокку* на русском языке пишет и в следующем стихотворении, ср.: *тихо / звездно / ступеньки / Господние ворота* (3). В данном *хокку* описывается жизненный путь вверх, ср.: *звездно / ступеньки / Господние*, который достигается путем преодоления пространства. Чтобы у читателя не было сомнения в том, что путь указан вверх, автор использует наречие *звездно* и завершает стихотворение словосочетанием *Господние ворота*. Пространственно-временные отношения демонстрирует и следующее хокку (4), в котором используются обыденные словосочетания, ср.: *утреннее небо / горячий чай* (4), которые внезапно прерываются предложением *сто веков промелькнули*. Безусловно, сто веков символизируют длительный временной период в десять тысяч лет, которые не могут *промелькнуть*, однако, трагизм заключается в том, что каждое поколение проживает значительно меньший период времени, преодолевая через собственную смерть пространство в тысячи лет.

(МАЛО)ИЗВЕСТНЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИЛИ ИНОСТРАННЫЕ РЕАЛИИ И ЯВЛЕНИЯ

5. Что-то шепчут лютики и васильки,
о чем-то плачут березы.
Сяду один у дороги
(*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 19*).

6. Плоская сухая земля.
маленький тушканчик
С ковылем играет
(*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 31*).

7. Ледяной ветер
Обломал о скалу свои белые когти.
Каменным стало мое лицо
(*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 50*).

8. Слезы и пот,
море и кровь,
что из них солонее?
(*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 78*).

9. Из черной тучи посыпался град.
из белой тучи –
ослепительный жемчуг
(*В. Скиф. Зимняя ласточка. 2018. С. 183*).

Природные явления и реалии, характеризующие определенное физическое и географическое пространство также способствуют превращению *хокку* в травелог. Обратимся к конкретным *хокку* (5–9). Тема жизненного пути нередко представлена в хокку на русском языке через лексему *дорога*, которую сопровождают *лютики / васильки / березы* (5). Напомним, что в русской культуре наименования цветов и деревьев имеют определенное дополнительное значение, которое актуализируется в контексте и порождает ассоциации. Так, в русскоязычной лингвокультуре принято считать, что *лютики* символизируют чистоту, аккуратность, опрятность, хотя в народной традиции нередко говориться о том, что скот нередко ест цветы лютиков, хотя они ядовиты для домашнего скота, и что именно *лютики* придают маслу золотистый оттенок. *Васильки* символизируют верность, чистоту, внутреннюю силу, стойкость и гармонию – все те качества, которыми обладают русские красавицы. По этой причине, девушки в своей рукодельной

работе нередко вышивали или рисовали именно *васильки*, стремясь тем самым передать чистоту своих помыслов, верность традиции и ценностям, красоту природы, простоту своей души. *Береза* была и остается символом девичьей красоты и родины, счастья и гордости. Об этом свидетельствуют также народные пословицы и поговорки, в которых фигурирует береза, ср.:

- Есть дерево: крик унимает, свет наставляет, больных исцеляет (береза: она дает деготь, лучину и бересту).
- Стань, белая береза, у меня назади, а красна девица напереди!
- Какова березка, такова и отростка.
- Стоит дерево, цветом зелено; в этом дереве четыре угодья: первое — больным на здоровье, другое — от теми свет, третье — дряхлых, вялых пеленанье, а четвертое — людям колодец (береза: банный веник, лучина, береста на горшки, березовица)[1].

Ковыль в русскоязычной культуре присутствует в разных обрядах и народных праздниках и рассматривается как символ плодородия и процветания. Таким образом, природа, природные явления, описание пейзажей, которые присутствуют в *хокку* на русском языке, придают поэтическим произведениям ту тональность, которая присуща этой жанровой поэтической форме. Кроме того, на первый взгляд, повседневные и обыденные вещи (*береза, ковыль, лютик, василек*) обладают символическим значением, которое обеспечивает множественную интерпретацию при прочтении и одновременно сохранение культурно-исторического и народного литературного наследия. Кроме того, явления природы позволяют маркировать пространство, отмечать географические перемещения во времени и пространстве, превращая тем самым *хокку* на русском языке в современный жанр травелога.

Отдельно предлагаем остановиться на интерпретации хокку (9), в котором отчетливо прослеживается не только символика цвета – *белое / черное*, но и специфика восприятия одного и того же природного явления, которая зависит от настроения человека – *черное / град; белое / жемчуг*. Образ жемчуга нередко ассоциируется с драматическими жизненными ситуациями, он часто соотносится со слезами, которые могут быть и радостными и горькими. Использование понятия жемчуга стимулирует читателя к анализу происходящих событий, понимания причин радости и/или печали и к принятию происходящего. Иными словами, обыденные вещи, облеченные в жанр *хокку*, придают поэтическому произведению характер травелога.

[1]Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. М. : Цитадель, 1998.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа *хокку* на русском языке мы приходим к выводу о том, что оно обладает определенными формальными и содержательными признаками. С точки зрения формальных признаков следует отметить сохранение трехстрочного формата и соблюдение заданного соотношения слогов, которое нарушается в силу особенностей русского языка и авторского замысла. Применительно к содержанию *хокку* на русском языке следует отметить описание природных явлений, позволяющих воссоздать образ бескрайнего русского ландшафта, отличающегося географическим разнообразием, богатой флорой и фауной. Отличительной чертой *хокку* на русском языке следует считать наличие геопоэтических описаний, раскрывающих особенности русской природы и ее географического многообразия. При этом человек «вписывается» в природный ландшафт, сливаясь с ним и выступая его неотъемлемой частью. В результате взаимодействия автора *хокку* с читателем у последнего формируется устойчивая связь со страной, любовь к ней и ценностное отношение к окружающему миру. Короткие образные описания пространства, перемещения в них, а также природных реалий наряду с природными явлениями придают *хокку* на русском языке характер травелога, что поддерживает его существование в разных типах среды и популяризирует одновременно культурно-историческое наследие внутри конкретной страны и за ее пределами. Таким образом, элементы жанра травелога и сам жанр травелога способствуют сохранению уникальных форм литературного творчества, в том числе *хокку*, и одновременно дают возможность его витального существования на языке, отличном от языка мононационального государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.
2. Денисова Г. В. Интертекст в современной социокультурной реальности России и Италии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020.
3. Лотман М. Ю. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.

4. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Либроком, 2015.
5. Татаринов В. А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 131–161.
6. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: Предмет, терминология, методы. М.: ИНФРА-М, 2020.
7. Черняк М. А. Проза цифровой эпохи: традиции, жанры, имена. М.: Флинта, 2018.

REFERENCES

1. Nabokov, V. V. (2020). Lektsii po zarubezhnoy literature = Lectures on foreign literature. St.Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.)
2. Denisova, G. V. (2020). Intertekst v sovremennoy sotsiokul'turnoy real'nosti Rossii i Italii = Intertext in modern sociocultural reality of Russia and Italy. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya». (In Russ.)
3. Lotman, M. Yu. (2018). Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta = The structure of artistic text. Analysis of poetic text. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.)
4. Stepanov, Yu. S. (2015). V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva = In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Moscow: Librokom. (In Russ.)
5. Tatarinov, V. A. (2005). Terminologicheskaya leksika russkogo yazyka: evolyutsiya problem i aspektov izucheniya = Terminological vocabulary of the Russian language: the evolution of problems and aspects of study. Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve: Funktsional'nyye i statusnyye kharakteristiki (pp. 131–161). Moscow: INION RAN. (In Russ.)
6. Tarasova, I. A. (2020). Kognitivnaya poetika: Predmet, terminologiya, metody = Cognitive poetics: Subject, terminology, methods. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
7. Chernyak, M. A. (2018). Proza tsifrovoy epokhi: traditsii, zhanry, imena = Prose of the digital era: traditions, genres, names. Moscow: Flinta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнова Иннара Алиевна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guseinova Innara Alievna
Doctor of Philology, Associate Professor
Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 130.2

Феномен успеха в контексте отечественных и зарубежных социокультурных исследований

Г. В. Денисова[1], Ю. В. Кузнецова[2], А. С. Кузнецова[3]

[1]*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, g.v.denissova@gmail.com*
[2]*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, kuv@bk.ru*
[3]*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, catann06@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отечественные и зарубежные социокультурные исследования феномена успеха. Было проведено глубинное полуструктурированное интервью с целью выявления соотношения внутренних и внешних составляющих понятия успеха, которые были рассмотрены в аксиологическом аспекте. В исследовании использовались следующие методики: плотное описание, конденсация смысла, контент-анализ, концептологический анализ. Проведенный анализ данных выявил дихотомию в определении феномена успеха: с одной стороны, успех является показателем результата собственной деятельности, с другой стороны, отражает место личности в социуме.

Ключевые слова: успех, внешний успех, внутренний успех, личность, интервью, социокультурная реальность, социокультурные исследования, культурная парадигма, аксиология

Для цитирования: Денисова Г. В., Кузнецова Ю. В., Кузнецова А. С. Феномен успеха в гуманитарной научной мысли // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 153–158.

Original article

The Phenomenon of Success in the Context of Socio-Cultural Studies

Galina V. Denisova[1], Yulia V. Kuznetsova[2], Anna S. Kuznetsova[3]

[1]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, g.v.denissova@gmail.com*
[2]*N. P. Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk, Russia, kuv@bk.ru*
[3]*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, catann06@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the phenomenon of success from the viewpoint of sociocultural approach performed in studies in this country and abroad. The aim of the research is to assess the ratio of internal and external axiological components comprising the phenomenon by means an in-depth semi-structured interview. The following methods were exploited to process the obtained data: dense description, condensation of meaning, content analysis, and conceptual analysis. The interpretation of the phenomenon under investigation appeared to demonstrate a dichotomy. On the one hand, success was shown to measure the level of appreciation of one's activity and its results; on the other, one's the position in society is indicated by means of success.

***Keywords*:** success, external success, internal success, personality**,** interview, sociocultural studies, sociocultural reality, cultural paradigm, axiology

***For citation*:** Denisova, G. V., Kuznecova, Yu. V., Kuznecova, A. S. (2024). The Phenomenon of Success in the Context of Socio-cultural Studies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(887), 153–158. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Концептуализация феномена успеха началась задолго до его дисциплинарной тематизации и терминологического оформления. Успех как многогранный феномен был персонифицирован в образе успешного человека еще до его введения в научный и публицистический оборот и стал важной составляющей множества областей гуманитарного научного знания благодаря своей многокомпонентности и вариативности в социальном осмыслении.

Обращение к интерпретации феномена успеха в философской литературе позволяет выделить некоторые основополагающие представления, по-разному осмысляющие исследуемый феномен:

- успех соотносится с преодолением внешних обстоятельств и выражением сущности бытия человека. Например, в период античности Гесиод размышлял о социальных и личностных причинах успешности и понимал под успехом усилия, направленные на достижение результата в материальном уровне жизни;
- успех осмысляется как то, к чему может стремиться человек, обладающий свободой воли, несмотря на влияние объективных обстоятельств. Данное представление свойственно философским мыслителям эпохи Просвещения;
- в философии экзистенциализма поступки человека определяются свободным выбором (Ж.-П. Сартр, А. Фаллико), «то есть именно человек несет ответственность за свою жизнь, именно он уполномочен решать быть ему успешным или нет» [Нефедова, 2004, с. 57];
- осмысление успеха в качестве предмета научного изучения происходит в рамках философского прагматизма во взглядах Ф. Шиллера, У. Джеймса, Т. Т. Дьюи, определяющих успех как социально-утилитарную категорию, связанную, прежде всего, с феноменом денег, богатства, благосостояния;
- иной взгляд на успех, примиряющий личностную и социальную стороны данного феномена, выражается в теории пассионарности Л. Н. Гумилева. С его точки зрения, стремление к успеху у некоторых людей является врожденным., Причем успех не только является результатом личных достижений, но и носит общественный характер, являясь важным основанием для социальных преобразований;
- достижение успеха может рассматриваться как реализация личного интереса, исходя из направленности на собственные мотивы и цели, обращения к внутреннему миру потребностей. Такой взгляд свойственен философии неопрагматизма, представитель которого философ Р. Рорти считал главной целью человека реализацию собственных утилитарных целей.

Предпосылки исследования феномена успеха в социологии культуры и культурологии прослеживается в работах М. Вебера, К. Мангейма. Последний при изучении феномена успеха выявляет прямую связь между экономической системой и общественным поведением отдельной личности, указывая, что «в действительности полный успех всегда имеет две стороны: и достижение как таковое, и общественное признание автора как индивида» [Мангейм, 2000, с. 116].

Цель данного исследования состоит в выявлении процентного соотношения внутренних и внешних составляющих понятия успех в представлении респондентов от 18 до 25 лет.

ФЕНОМЕН УСПЕХА В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

В отечественной культурологии феномен «успех» рассматривается с точки зрения соотношения внутренних характеристик личности и ее нахождения в социуме. В качестве примера можно привести точку зрения исследователя Н. В. Розенберг. Она определила понятие «успех» с точки зрения культурологии как феномен, включающий «достижительную активность личности», в результате которой деятельность человека получает положительное подкрепление и оценку со стороны общества и приводит к определенным социокультурным трансформациям [Розенберг, 2001, с. 7].

В социологии понимание успеха значимо как одобрение личных достижений со стороны социума, статусные характеристики человека, в том числе материальный уровень жизни [Якутина, 2009]. Особое внимание уделяется влиянию типа общественной системы, в рамках которой развивается социальный субъект, на восприятие достижения успеха. Например, в традиционном обществе успех определяется принадлежностью человека к определенной социальной группе; в буржуазном – успех меряется материальным благом, которое реализуется в экономической и политических сферах жизни общества.

С точки зрения Г. Л. Тульчинского, успех можно рассматривать с двух сторон: широкое признание со стороны социума, выражающееся в стремлении к популярности, и признание для определенного круга «значимых людей». По мнению исследователя, исходя из данных целей достижения успеха, часто происходит подстройка личности человека

под внешние средовые требования. Такого рода «успех» связан, в том числе, с концепцией «самоотчуждения» Э. Фромма. Второй вид успеха Г. Л. Тульчинский описывает как признание достижений конкретным учителем, родителями, друзьями, коллегами, сторонниками, т. е. не обществом «вообще» [Тульчинский, 2020].

Феномен успешности имеет двойственный характер, поскольку он может быть связан как с психологическими особенностями личности, так и с влиянием внешних факторов. Достижение успеха человеком, находящегося в рамках ценностно ориентированной социокультурной системы, может быть затруднено, если оно противоречит ценностным установкам личности [Карахнян, 2008]. В данной трактовке успех зависит от того, что под ним подразумевает конкретный человек и что считается успехом в рамках определенного социума. Однако понимание успеха отдельной личностью, с одной стороны, и социумом – с другой могут входить во взаимное противоречие [Кузнецова Ю., Кузнецова А., 2023].

Отмечая неизменный интерес представителей многих областей гуманитарного знания к феномену успеха, следует признать, что наибольшая разработанность смыслового поля успеха характерна для психологии. Феномен успеха исследовался в рамках социально-аналитической психологии (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм), гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс), экзистенциальной психологии (А. Лэнгле, Д. Леонтьев), в деятельностном подходе (А. Леонтьев, С. Рубинштейн), в теориях мотивации (М. Селигман, А. Маслоу, М. Рокич, Ш. Шварц, Т. О. Гордеева). Обратимся к некоторым из перечисленных подходов. Для данного исследования значимы подходы, которые, акцентируя влияние культуры на ценностные ориентации человека, способствуют пониманию успеха как преодоления трудностей в процессе самоопределения личности. При этом успех понимается как базовая потребность человека, удовлетворение которой способствует развитию личности [Бухаленкова, 2018]. В самом общем виде можно сказать, что в психологии успех, с одной стороны, является показателем результата собственной деятельности, с другой – отражает место личности среди других индивидов, таким образом, выявляя особенности его социальных отношений с окружающим миром.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования соотношения внутренних и внешних составляющих понятия успеха был выбран метод полуструктурированного интервью, которое содержало 22 подготовленных вопроса (косвенных, прямых, закрытого и открытого типа). Материалом иследования послужили данные, собранные в ходе глубинного интервью с респондентами в период с января по февраль 2023 года. Для достижения поставленной цели были применены следующие методики: плотное описание, конденсация смысла, контент-анализ, концептологический анализ.

Характеристика выборки: в глубоком интервью приняло участие 60 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Респонденты (32 женщины и 28 мужчин) имеют среднее профессиональное образование или высшее образование. На этапе подготовки были составлены 22 вопроса, формулировки которых уточнялись и дополнялись в ходе проведения исследования. Интервью было проведено при помощи анкетирования. Подготовленные вопросы касались представлений отдельной личности о понятии успеха через анализ внутренних и внешних его составляющих.

Анализ данных, полученных при анкетировании, позволил выделить две группы ответов в понимании успешности:

1) «внутренний» успех, в большей степени зависящий от личностного восприятия конкретного человека;
2) «внешний» успех, ориентированный на требования и ожидания со стороны общества.

Таким образом, была выявлена дихотомия различных представлений об успешности. Рисунок 1 отражает превалирование ответов о понимание успеха с точки зрения его внешнего проявления над пониманием успеха в субъективно-личностном ключе.

В результате анализа ответов респондентов при анкетировании было выделено четыре группы понятий.

1. Карьера, бизнес, материальное обеспечение;
2. Власть, статус, знаменитость;
3. Семья, социальные и культурные ценности;
4. Везение, удача.

Рис. 1. Процентное соотношение «внутренних» и «внешних» составляющих успеха (в %)

Рис. 2. Процентное соотношение частотности упоминания групп понятий, составляющих «внешний» успех (в %)

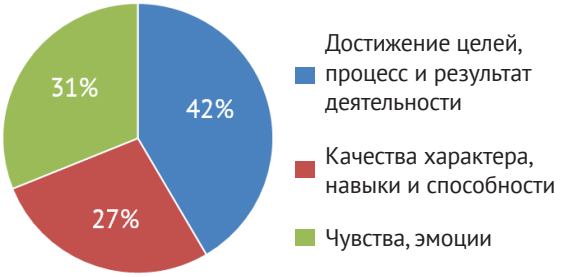


Рис. 3. Процентное соотношение частотности упоминания групп понятий, составляющих «внутренний» успеха (в %)

Данные понятия явились основными составляющими внешнего проявления успешности – «внешний успех».

Среди групп понятий внешнего успеха (см. рис. 2) наибольшую долю занимает группа «Карьера, бизнес, материальный достаток».

В результате анализа ответов, относящихся к личностным проявлениям и характеристикам успеха, были определены наиболее высокочастотные группы понятий «внутреннего» успеха (см. рис. 3):

1. Достижение целей, процесс и результат деятельности.
2. Качества характера, навыки и способности.
3. Чувства и эмоции.

Группа «Достижение, целей, процесс и результат деятельности» составляет наибольшее количество ответов респондентов в их понимании внутренних составляющих понятия успешности. Следует отметить, что данное понимание успеха, отражающее высокую мотивацию в достижении целей, эффективность деятельности, высокую продуктивность, в целом, соотносится с пониманием «внутреннего успеха» в социокультурном знании.

В подавляющем большинстве ответов успех отражает такие качества, как целеустремленность, мотивация, эффективное выполнение задач, что в целом коррелирует с пониманием «внутреннего успеха» в современных исследованиях в области социологии и психологии (см. рис. 3).

В проведенном исследовании понимания успеха было выявлено превалирование внешних атрибутов над внутренними составляющими. Тем не менее «внутренним» категориям успеха отводится важное место в системе представлений об успехе современной молодежи. Таким образом, успех, с одной стороны, является показателем результата собственной деятельности, с другой – отражает место личности среди других индивидов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время актуальность исследований успеха обусловлена определенными причинами:

- феномен успеха закрепился в дискурсивном пространстве постсоветской России и выполняет смыслообразующую функцию в определении поведения членов социума;
- современные медиа внедряют в массовое сознание образ успеха, конструируя и конституируя определенную социокультурную реальность, а также утверждая модели социального взаимодействия: «массмедиа выполняет роль формирующего общественное сознание средства, как с точки зрения теоретического и научного применения, так и с точки зрения быстрого и эффективного практического использования» [Социальные индикаторы конфликта в контексте медиа и журналистики, 2021, с. 422];
- культура играет ведущую роль в социализации личности, в связи с чем успех может рассматриваться через призму, внедренную в сознание социокультурную реальность: «современная ситуация информационно-культурной глобализации привела к изменению принципов взаимодействия разных культурных кодов, что вылилось в эклектичную мультикультурность «постнациональных» картин мира» [Денисова, 2018, с. 184].

Обращаясь к современной российской социокультурной среде, следует отметить, что она является ярким примером трансформации символизации успеха, который приобрел особую актуальность как феномен в период рыночных преобразований в России и активного влияния на массовое сознание ценностных образцов и ориентиров культурной парадигмы Запада, сформировавших устойчивую схему для личностного и общественного развития человека. Наиболее очевидно эти образцы, основанные на внешних атрибутах символов успешности, эксплуатируются массовой культурой и медиа, которые мифологизируют реальную действительность посредством игры со смыслами. Рассматривая понятие успеха в контексте современности,

Ю. В. Кузнецова отмечает: «В России социокультурные аспекты успеха связаны с возникновением социальных стереотипов, связанных с успешностью, которые получили развитие после разрушения советской идеологии. В данном контексте роль культуры, в особенности, массовой, можно представить как механизм формирования, трансляции и трансформации символов успеха, навязывания новых ценностных ориентиров» [Кузнецова Ю., Кузнецова А., 2023, с. 86].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение различных подходов к феномену успеха в сфере гуманитарного знания позволяет сделать вывод о связи феномена успеха со смысловой составляющей личности и ее мотивационной сферой; успех также приобретает особую актуальность в аксиологическом аспекте, выражая ценностные ориентиры общества. В данном случае аксиологическая функция является важнейшей среди функций культуры, посредством которых фиксируется и символически выражается система ценностей, влияющая на представления человека об успехе.

Обладая символической структурой и определенным набором смыслов, успешность является значимым ценностным ориентиром для членов социума. Таким образом, в настоящее время крайне актуальным становится изучение противоречивости успеха, выявление его индивидуально-личностных и социальных детерминант, их соотношения.

Дальнейшие исследования феномена успеха, с нашей точки зрения, должны быть направлены 1) на анализ значимых для трансформации представлений об успехе в обществе факторов, связанных с экономикой, культурой, политическими, социальными процессами на основе эмпирических данных представлений об успехе у разных поколений; 2) на построение семантического поля концепта «успех»: прототипом для возможного анализа индикаторов актуальных и резонансных тем в любых социокультурных сферах, связанных с пониманием успешности, может служить исследование [Социальные индикаторы конфликта в контексте медиа и журналистики, 2021].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нефедова Н. И. Социальные представления об успехе: дис. … канд. псих. наук. Ярославль, 2004.
2. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000.
3. Розенберг Н. В. Архитектоника успеха в культуре: дис. … канд. философских наук. Тамбов, 2001.
4. Якутина О. И. Социальный успех: основные направления исследования феномена и понятия // Материалы науч. конф. (г. Донецк, 15 мая 2009 г.). Ростов-н/Д, 2009. С. 24–26.
5. Тульчинский Г. Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020.
6. Караханян Е. В. Понятие успеха в Российской культуре // Вестник Башкирского университета. 2008. № 2. С. 362–365.
7. Кузнецова Ю. В., Кузнецова А. С. Феномен успеха в контексте российского медиадискурса (на примере глянцевых журналов) // Известия Самарского научного центра РАН. 2023. Том 25. № 90. С. 82–88.
8. Бухаленкова Д А. Представления об успехе в подростковой возрасте: автореф. дис. … канд. псих. наук. М., 2018.
9. Социальные индикаторы конфликта в контексте медиа и журналистики: анализ содержания российских СМИ / О. В. Смирнова и др. // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 3 (10). С. 422–436.
10. Денисова Г. В. Интертекстуальная компетенция личности: вектор культурной эволюции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 184–193.

REFERENCES

1. Nefedova, N. I. (2004). Social'nye predstavleniya ob uspexe = Social perceptions of success: dis. … candidate of psychological sciences. Yaroslavl'. (In Russ.)
2. Mangejm, K. (2000). Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij – sostyazatel'nost' – e'konomicheskie ambicii = Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations – Competitiveness – Economic ambitions. Moscow: INION. (In Russ.)
3. Rozenberg, N. V. (2001). Arxitektonika uspexa v kul'ture = Architectonics of success in culture: PhD dissertation. Tambov. (In Russ.)
4. Yakutina, O. I. (2009). Individual and social success within the format of a daily discourse. In Proceedings of the Scientific Conference (pp. 24–26). Donetsk, 15 May 2009. Rostov-na-Donu. (In Russ.)

5. Tul'chinskij, G. L. (2020). Razum, volya, uspex: O filosofii postupka = Reason, will, success: About the philosophy of action. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
6. Karaxanyan, E. V. (2008). The concept of success in Russian culture. Bulletin of Bashkir University, 2, 362–365. (In Russ.)
7. Kuznecova, Yu. V., Kuznecova, A. S. (2023). The phenomenon of success in the context of the Russian media discourse (on the example of glossy magazines). Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN, 25(90), 82–88. (In Russ.)
8. Bukhalenkova, D.A. (2018). Predstavleniya ob uspexe v podrostkovoj vozraste = Ideas about success in adolescence. abstract of PhD in Psychology. Moscow. (In Russ.)
9. Smirnova, O. V. et al. (2021). Social indicators of conflict in the context of media and journalism: Analysis of the content of Russian media. Theoretical and Practical Issues of Journalism, 3(10), 422–436. (In Russ.)
10. Denissova, G. V. (2018). Intertextual competence and cultural evolution nowdays. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(801), 184–193. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова Галина Валерьевна

доктор культурологии
профессор кафедры семиотики и общей теории искусства факультета искусств
зам. декана по научной работе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Кузнецова Юлия Викторовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры дизайна и рекламы
Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва

Кузнецова Анна Сергеевна

аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Denisova Galina Valer'evna

Doctor of Culturology (Dr. habil.)
Professor at the Department of Semiotics and general Theory of Art
Deputy Dean for Research, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

Kuznetsova Yulia Viktorovna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Design and Advertising
of the National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev

Kuznetsova Anna Sergeevna

Postgraduate Student
of the Department of Cultural Studies and Social Communication
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Статья поступила в редакцию	17.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.05.2024	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 6 (887)

Ответственные за выпуск
М. В. Томская
кандидат филологических наук, доцент
М. Б. Раренко
кандидат филологических наук

Редактор: В. А. Геронимус
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 11.08.2024
Усл. печ. л. 19,7.
Формат 60x90/8
Заказ № 60/24

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 6 (887)

Executive editors
Maria V. Tomskaya
PhD (Philology), Associate Professor
Maria B. Rarenko
PhD (Philology)

Editor: V. A. Geronimus
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 11.08.2024
Conventional printed sheets: 19,7
Layout format 60x90/8
Order 60/24

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.10.1. Теория и история культуры, искусства
5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».